

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый научный журнал
Номер 3 (35) 2022
Периодичность – 4 номера в год
Серия: Филология
Выпуск 14

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Чистобаева Н. С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор серии «Филология»

Чебочакова И. М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь

Субракова В. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор переводов

Мечтанова Д. И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Биткеева А. Н., Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, заведующая кафедрой восточных языков Московского педагогического государственного университета, Россия

Ефремов Н. Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Зарбалиев Х. М., Азербайджанский государственный университет языков АР, Азербайджан

Ооржак Б. Ч., Тувинский государственный университет, Россия

Селютина И. Я., Институт филологии СО РАН, Россия

Тэн Хай, Датунский университет, Китай

Чугунекова А. Н. Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Тел.: +7 (3902) 22-31-71

www.sayan-altai.ru

E-mail: chistobaeva@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В. Г.

E-mail: badaev@sayan-altai.ru

Отпечатано в типографии

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова»

655017, г. Абакан, ул. Советская, 173

ISSN 2304-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

12 +

Peer-reviewed academic journal
№ 3 (35) 2022

The journal is published quarterly

Series: Philology

Issue 14

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Philology series editor

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Executive secretary

Viya V. Subrakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Translation editor

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Aysa N. Bitkeeva, Research Center for National-Linguistic Affairs of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Oriental Languages of Moscow Pedagogical State University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan State University, Russia

Iraida Ya. Selyutina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Teng Hai, Shanxi Datong University, China

Alena N. Chugunekova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Founders:

The Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Tel.: +7 (3902) 22-31-71

www.sayan-altai.ru

E-mail: chistobaeva@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G Badaev

E-mail: badaev@sayan-altai.ru

Printed in the Printing House Governmental Budget Research Institution of the Republic of Khakassia «V. M. Torosov Khakass Book House»

173 Sovetskaya Str., Abakan, 655017, Russia

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки

Республики Хакасия, 2022

© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Абдина Р. П.

Словообразование и способы номинации посуды
и кухонной утвари в хакасском языке4

Бадарчы А. Т., Байыр-оол А. В.

Лексические трансформации в переводе романа
С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»9

Доможакова О. В., Сагалаков Ю. Г.

Языковая политика в Республике Хакасия
в контексте задач международного десятилетия
языков коренных народов13

Ильина Л. А.

Эвиденциальные формы глагола в зачинах
самодийских и юкагирских фольклорных текстов .. 17

Кызласов А. С.

О языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ
в 2021 году 23

Озолина Л. В.

Особенности выражения модус-диктумных
отношений в тунгусо-маньчжурских языках
(на материале орокского и нанайского языков) 31

Сафьянов Л. А.

О деятельности Министерства национальной
и территориальной политики Республики Хакасия
в области сохранения и поддержки
хакасского языка 39

Селютина И. Я.

Национальные алфавиты и орфографические
системы тюркских языков Сибири:
традиции и инновации 43

Серээдар Н. Ч.

Синонимия моделей с именным и глагольным
предикатом в тувинском языке 54

Тюнтешева Е. В.

Производные глаголы с дезидеративным
значением и значением признания в алтайском,
тувинском и хакасском языках
(лингвокультурологический аспект) 60

Уртегешев Н. С.

История изучения шорского вокализма 71

ПЕРСОНАЛИИ

Субракова В. В.

Исхаков Фазыл Гарифович – исследователь
хакасского языка 78

CONTENTS

Abdina R. P.

Word-formation and methods of nominating dishes
and kitchen utensils in the Khakass language4

Badarchy A. T., Bayyr-ool A. V.

Lexical transformations in the translation of S. A. Saryg-ool's
novel "The tale of the bright boy"9

Domozhakova O. V., Sagalakov U. G.

Language policy in the republic of khakassia in the
context of the objectives of the international decade of
indigenous languages 14

Ilyina L. A.

Evidential verb forms in introductions of Samoyedic
and Yukaghir folklore texts 17

Kyzlasov A. S.

On the language expedition of Khakass research institute
for language, literature, and history in 2021 23

Ozolinya L. V.

Features of expressing modus-dictum relations
in the Manchu-Tungus languages (based on the material
of the Orok and Nanai languages) 32

Safyanov L. A.

On the activities of the Ministry of national and territorial
policy of the Republic of Khakassia
in the field of preservation and support
of the Khakass language 40

Selyutina I. Ya.

National alphabets and spelling systems
of the Turkic languages of Siberia: traditions
and innovations 44

Sereedar N. Ch.

Synonymy of models with the nominal
and verbal predicate in the Tuvan language 54

Tyunteshева E. V.

Derivative verbs with the desiderative
meaning and the meaning of acceptance in Altaic,
Tuvan, and Khakass languages
(linguocultural aspect) 60

Urtegeshev N. S.

History of the study of Shor vocalism 71

PERSONALIA

Subrakova V. V.

Iskhakov Fazyl Garifovich – a researcher
of the Khakass language 78

РЕЦЕНЗИИ

Добринина А. А.
Рецензия на коллективную работу
Н. С. Уртегешева, Л. К. Ишкильдиной,
Ф. Г. Хисамитдиновой
«Атлас артикуляторных настроек гласных
башкирского языка». Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН,
2021. 298 с., ISBN 978-5-91608-206-7 82

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белоглазов П. Е.
О работе межрегионального круглого стола
«Современный хакасский язык: проблемы
орфографии и формирования лексико-
грамматического строя», посвященного
95-летию известного хакасского ученого, доктора
филологических наук Венедикта Григорьевича
Карпова, внесшего весомый вклад в развитие
хакасского языкознания 85

REVIEWES

Dobrinina A. A.
Review of N. S. Urtegeshev, L. K. Ishkildina, F. G.
Hisametdinova's collective work "The atlas
of articulatory settings of vowels in the Bashkir language".
Ufa: The Institute for History, Language,
and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
2021. 298 pp., ISBN 978-5-91608-206-7 82

SCIENTIFIC LIFE

Beloglazov P. Ye.
On the work of the interregional round table
"The modern Khakass language: problems
of spelling and formation of the lexical
and grammatical structure", dedicated to the 95th
anniversary of the famous khakass scientist, doctor
of philology, Venedict Grigorevich Karpov, who made
a significant contribution to the development
of Khakass linguistics 85

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПОСУДЫ И КУХОННОЙ УТВАРИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Р.П. Абдина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: rabdina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7970-9412

Словообразование, представляющее собой закономерные типизированные способы создания новых слов на базе существующих языковых элементов, связано с вопросами развития лексического состава. В статье анализируются способы образования бытовой лексики, обозначающей посуду и кухонную утварь в хакасском языке. Номинации приспособлений для изготовления пищи, емкостей и посуды в хакасском языке дифференцированы в соответствии с функциональным назначением по следующим группам: наименования посуды и столовых приборов для подачи на стол, наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи, наименования посуды и кухонной утвари для сбора и хранения пищи. Группы, в свою очередь, поделены на подгруппы в соответствии с тематическим принципом выделения лексики. В результате анализа выявлены основные словообразовательные модели данной лексики и заимствования из русского языка. Наиболее многочисленную группу производных слов составляют наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи, что говорит о том, что в этой группе лексики более прослеживается функциональное назначение предмета. Лексические единицы этой группы переходят в пассивный словарь или полностью выходят из употребления, так как на сегодняшний день многие объекты материальной культуры хакасов уходят из употребления или заменяются другими, и, как следствие, их номинации переходят в разряд архаизмов и историзмов.

Ключевые слова: хакасский язык, посуда, способы наименования, бытовая лексика, этнография.

WORD-FORMATION AND METHODS OF NOMINATING DISHES AND KITCHEN UTENSILS IN THE KHAKASS LANGUAGE

R. P. Abdina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017 Russia; email: rabdina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7970-9412

Word-formation, which is a regular typed ways of creating new words based on existing linguistic elements, is associated with the development of lexical composition. The article analyzes the ways of formation of household vocabulary denoting dishes and kitchen utensils in the Khakass language. The nominations of devices for making food, containers and dishes in the Khakass language are differentiated according to their functional purpose by the following groups: names of dishes and cutlery for serving, names of dishes and kitchen utensils for cooking, names of dishes and kitchen utensils for collecting and storing food. The groups are divided into subgroups according to the thematic principle of vocabulary allocation. As a result of the analysis, the main word-formation models of this vocabulary and borrowings from the Russian language are revealed. The most numerous group of derived words are the names of dishes and kitchen utensils for cooking, which suggests that the functional purpose of the object is more traceable in this group of vocabulary. Lexical units of this group pass into a passive dictionary or become obsolescent, since today many objects of material culture of the Khakass are falling out of use or being replaced by others, and, as a result, their nominations pass into the category of archaisms and historicisms.

Keywords: Khakass language, dishes, naming methods, household vocabulary, ethnography.

Словообразование, представляющее собой закономерные типизированные способы создания новых слов на базе существующих языковых элементов, связано с вопросами развития лексического состава. По мнению исследователей, производное слово – это любая вторичная, т. е. обу-

словленная другим знаком или совокупностью знаков, единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего. Именно производное слово обращено к предметному миру. Каждое употребление слова вызывается необходимостью

выявить, реализовать его значение как ту часть сведений о мире или информации о нем, которая была получена человеком в процессе его познавательной и общественной деятельности и которая соотнесена в языке с данным словесным знаком [Кубрякова, 1981, с. 3]. Подавляющее большинство новых слов в языке создается посредством тех словообразовательных способов и средств, которыми он располагает. Производное слово передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова. Например, слова *нысхы* ‘мешалка, которой мешают, взбалтывают айран или сбивают масло’, *ўсне* ‘мутовка для сбивания масла’, обозначая вполне определенные реалии и понятия о них, наводят на мысль о тех действиях, которые ими производятся: *ныс-* ‘взбалтывать, размешивать’, *ўс-* ‘сбивать, отделять’. С формальной точки зрения это находит свое выражение в том, что в морфологической структуре производного всегда содержатся знаки или часть знаков (в зависимости от типа производной единицы), которые входят в базовую или производящую единицу и могут быть по этой причине использованы для объяснения производной единицы. Такая же способность слова называть предметы, их свойства, явления, отношения действительности лежит в основе выделения в словарном запасе лексических серий, или тематических групп, так как в такие ряды включены слова, служащие для обозначения отдельных разновидностей каких-либо предметов и объединяемые общностью родового значения. Тематические группы связаны с представлением о соотношении общего родового понятия и частных понятий, отражая степень когнитивной проработанности отдельных сфер действительности [Абдина, 2011, с. 7]. В алтайских языках для передачи обобщающих родовых понятий нередко используются композиты из двух-трех подродовых наименований. Это же явление наблюдается в хакасском языке, где для обозначения общего понятия посуды существуют следующие слова: *idic-xamys* ‘домашняя утварь’, ‘посуда’; *айах-самнах* ‘посуда, чашки и ложки’, *айах-хамыс* ‘посуда’; *самнах-чирче* ‘столовые приборы’, *тудын-хабын* ‘посуда, утварь’, *хазан-хамыс* / *хазан-хахпах* ‘посуда, домашняя утварь’ [Анжиганова и др., 2006]. Эти термины образованы синтаксическим способом путем сочетания отдельных значимых слов. Слова данной модели отличаются от простых и сложных слов, а также от словосочетаний как с морфологической, так и с семантической точек зрения. По мнению исследователей, такой

способ словообразования является наиболее древним и характерен для языка древнетюркских памятников [Убрятова, 1948, с. 298]. Парные слова такого типа больше присущи языку героического эпоса, в котором обычно после парного слова следует его расчленение на отдельные компоненты [Тараканова, 2008, с. 117]. Например:

Алтын столын хыс-чахсы
Арыглап айланыбысхан,
Айах-хамызын чуурга
Маңнанмин халган.

С золотого стола благородная дева
 Убирала, суетилась.

Посуду помыть

Она не успела

[Алтын Арыг, 1988, с. 255].

Обычно в парные слова объединяются такие лексемы, которые являются однородными как в морфологическом, так и в семантическом отношении. Причиной образования парных слов является потребность в выражении значений множественности, собирательности обозначаемых предметов.

Меньший диапазон степени обобщенности выражают простые слова.

Общеизвестно, что выделение тематических групп основано на внеязыковых критериях, которые отображают взаимосвязанные между собой явления действительности. Например, названия посуды или названия одежды представляют собой не собственно языковые, а предметные объединения слов, характеризующие тематическую группу. В отдельных наименованиях той же самой одежды или посуды по-разному сочетаются определенные признаки, например, форма, какая-либо величина, цвет, функциональная предназначенность, материал изготовления и т. д. При этом в основу тематической классификации должны быть положены логические взаимосвязи тематических единиц, отражающие существующие в действительности взаимоотношения предметов и явлений. Как отмечает Д.Н. Шмелев: «Названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически» [1973, с. 234–235]. Так, для языкового сознания в сфере посуды и кухонной утвари, по нашему мнению, наиболее важным оказывается классификатор

«назначение». В связи с этим номинации приспособлений для изготовления пищи, емкостей и посуды в хакасском языке мы дифференцировали в соответствии с функциональным назначением по следующим группам:

- наименования посуды и столовых приборов для подачи на стол (НПиУ);
- наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи;
- наименования посуды и кухонной утвари для сбора и хранения пищи.

В свою очередь, вторая группа «Наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи» разделена на подгруппы:

- НПиУ для разделки продуктов;
- НПиУ для размола, дробления, просеивания и процеживания;
- НПиУ для варки, сушки и жарки;
- НПиУ для размешивания и зачерпывания.

Третья группа «Наименования посуды и кухонной утвари для сбора и хранения пищи в хакасском языке» разделена на следующие подгруппы:

- НПиУ для сбора и хранения молочных продуктов;
- НПиУ для сбора и хранения прочих жидких продуктов;
- НПиУ для сбора и хранения сыпучих продуктов [Абдина, 2021, с. 110].

Обогащение бытовой лексики хакасского языка в целом происходит двумя основными путями: 1) путем использования внутренних ресурсов языка, т.е. путем образования новых слов с помощью существующих в языке слов и словообразовательных элементов; 2) путем заимствования новых слов из других языков. Как отмечает В.Г. Карпов, в хакасском языке «продолжают действовать все языковые законы, как общезыковые, так и его внутренние, которые ведут к дальнейшему совершенствованию его лексики, грамматики и фонетики. Словарный состав современного хакасского языка продолжает обогащаться за счет своих словообразовательных ресурсов и заимствований из других языков...» [Карпов, 2008, с. 33].

Наименования посуды и столовых приборов для подачи на стол представлены следующими лексическими единицами: *айах* 'чашка, миска', 'бокал, чарка', *азыргыс* шор. 'вилка', *пилке* 'вилка', *самнах/сомнах* 'ложка', *омац* кыз. 'ложка', *хажых* шор. диал. 'ложка', *хазых* уст. 'ложка', *табах* 'тарелка, блюдо', *чірче* 'чайная чашка', *чаймах* 'блюдец', *чалгайах* кач. 'блюдец, тарелка'.

Термин *азыргыс* шор. 'вилка' образован путем присоединения к основе *азыр* 'вилы' словообразовательного аффикса *-гыс*. Из русского языка заимствовано слово *пилке* 'вилка'.

Наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи: НПиУ для разделки продуктов: *көлбе* 1) 'деревянное корыто', 2) 'колода для водопоя', *тепке* кыз. 'корытце', *тепчек* 'корытце для рубки мяса', *типсі* 'выдолбленное из дерева небольшое корытце (для рубки мяса, овощей)', *типчі* саг. 'корытце', *пычах* 'нож', *кестік* кыз. 'ножик', *кистік* 'небольшой ножик, скальпель', *піліг* уст. 'нож', *тоңарах* 'складной нож', *томырах* саг. 'складной ножик'.

Слово *пычах* исторически связано с глагольной основой *быч-/пыч-*. Глагол *быч-* в языке древнетюркских памятников обозначал понятия 'резать, рубить, косить' [Наделяев и др., 1969, с. 104]. В хакасском языке *быч-* фонетически изменилось в *пыс-* (оглушение начального б и переход ч>с), глагол утратил значения 'резать, рубить, косить', а стал употребляться в более узком значении 'кроить, делать выкройку'. Эти изменения стали причиной семантического разрыва между современным *пыс-* и исходной древней основой *быч-*. Нарушилась словообразовательная соотнесенность между *пыс-* 'кроить, делать выкройку' и непроизводным на сегодняшний день словом *пычах* 'нож'. В современном хакасском языке широким значением 'резать, отрезать, рубить, пилить' обладает глагол *кис-*, от которого образовано слово *кестік/кистік*.

НПиУ для размола, дробления, просеивания и процеживания: *согах*, саг. *соох* 'ступка, ступа', *согах палазы* 'пестик', *теербен* 'мельница', *илгек* 'сито, решето', *нечөпке/нечөпкі* кач. 'корыто (для просеивания муки и зерна)', *саргаас* 'ручная веялка (полукруглый деревянный поднос, наполовину обтянутый невысокой кромкой, или любая посуда с широким дном, приспособленная для ручного веяния)', *сүүмек* 'холщовый мешочек для процеживания арчы (творожистой массы, получаемой после перегонки айрана)'.

Термин *илгек* 'сито' образован от глагольной основы *илге-* 'сеять муку' посредством аффикса *-ех* (*-ак*, *-к*, *-х*), образующего существительные со значением орудия, результата от глагольной основы; слово *саргаас* 'ручная веялка' образовано от глагольной основы *сарга-* 'веять на руках' при помощи малопродуктивного аффикса *-аас*; слово *сүүмек* 'холщовый мешочек для процеживания арчы' образовано от глагольной основы *сүг-* 'фильтровать, процеживать' и аффикса *-имек*. Лек-

сическая единица *согах палазы* ‘пестик’ образована синтаксическим способом по схеме «существительное + существительное с аффиксом категории принадлежности». В таких единицах выражается принадлежность или отношение одного предмета к другому, что находит свое отражение в специальном грамматическом оформлении определения и определяемого. Определение выражено основным или притяжательным падежом, а определяемое – аффиксами принадлежности.

НПиУ для варки, сушки и жарки: *алгай* ‘котелок’, *кӧдес* ‘горшок, чугунок, чугунок’, *латха* ‘чугунная посуда продолговатой формы для жарки мяса’, *скобра* ‘сковорода’, *хааргыс* ‘сковорода, обычно для поджаривания зерна’, *хазан* ‘казан, котел’, *чылапчы* ‘медная кастрюля с ручками; чугунная чаша’, *чейник* ‘чайник’; *сыг* саг. ‘приспособление для изготовления домашнего сыра’, *сиш/сыы* ‘приспособление для прессования домашнего сыра из тонких палочек или стебелька камыша’, *амзор* ‘прибор для снятия пробы с самогона’, *силес* кыз. ‘деревянная вилка (для вытаскивания мяса из супа)’, *хуртус* ‘шесты в юрте, расположенные над очагом, для сушки сырков’, *хурутпах* ‘приспособление на четырех столбах для сушки сырков-курутов’.

Аффиксальным способом образованы следующие слова: *алгай*, которое, по всей видимости, происходит от глагольной основы *ал-* ‘брать’ и малопродуктивного аффикса *-гай*; *кӧдес* – данная лексическая единица происходит от глагольной основы *кӧде-* ‘поднимать’ и аффикса *-ес*. Семантическое различие существительных *алгай* и *кӧдес* связано с различием в способах снятия с огня, которое послужило когнитивной основой для создания на их базе разных слов с помощью словообразовательных аффиксов; слово *хааргыс* ‘сковорода, обычно для поджаривания зерна’ образовано от глагольной основы *хаар-* ‘жарить, поджаривать’ и аффикса *-гыс*, образующего существительные со значением орудия и средства от глагольной основы. Слово *амзор* образовано при помощи малоупотребительного непродуктивного аффикса *-гор* от глагольной основы *амза-* ‘снимать пробу’. Слова *хуртус* и *хурутпах* образованы от глагольной основы *хуру-* сохнуть.

Следующие слова заимствованы из русского языка: *латха* (от *латка* ‘посуда для тушения мяса, рыбы, картофеля и птицы’), *скобра* ‘сковорода’ (от *сковорода*), *чейник* ‘чайник’ (от *чайник*).

НПиУ для размешивания и зачерпывания: *ады* саг. ‘мешалка для поджаривания зерна’, *пысхы* ‘мешалка, которой мешают, взбалтывают айран или сбивают масло’, *пулгаас/пулгах/пулгас*,

кач. *пулгос* ‘мешалка, веселка для перемешивания зерна во время жарки’, *ӱспе* ‘мутовка для сбивания масла’, *халгах* ‘мутовка, месилка (палка для размешивания жидкого теста)’, *халах* саг. ‘веселка’, *корчик* ‘приспособление в виде стержня с плотным войлочным кружком на конце для снятия пенки или сливок с молока’, *кӧпсек*, саг. *кӧпчек*, кыз. *хооспах* ‘ковш, черпак’, *сусхы* ‘ковш, черпак’, *хамыс* ‘ковш, ковшик, поварешка’.

Аффиксальным способом образованы следующие термины: *пысхы* – образовано при помощи аффикса *-хы*, образующего существительные со значением орудия действия от глагольной основы *пыс-* ‘взбалтывать, размешивать’; термины *пулгаас/пулгах/пулгас/пулгос* происходят от глагольной основы *пулга-* ‘мешать, размешивать’ при помощи аффиксов *-ас/-ос*, *-ах*; *ӱспе* происходит от глагольной основы *ӱс-* ‘сбивать, отделять’ и словообразующего аффикса *-не*, который образует существительные со значением орудия от глагольной основы; *хооспах* образован, по всей видимости, от глагольной основы *хос-* добавлять при помощи аффикса *-пах*; *сусхы* происходит от глагольной основы *сус-* ‘почерпнуть’ и аффикса *-хы*, образующего существительные со значением орудия действия. Заимствованием из русского языка в этой подгруппе является слово *корчик*, где оно обозначает маленький ковш.

Наименования посуды и кухонной утвари для сбора и хранения пищи в хакасском языке

НПиУ для сбора и хранения молочных продуктов: *хуспах* ‘берестяной туесок (для сметаны)’, *ызыбан* саг. ‘деревянный сосуд для молока (в котором заквашивали молоко, а потом снимали с него сметану)’, *ибіргі* ‘сосуд для сметаны’, *ибірчек* ‘туесок для хранения сметаны, на доньшке которого имелось отверстие для слива жидкости от сметаны’, *ипчек* ‘берестяной сосуд для хранения сметаны’, *портагы* ‘небольшое деревянное ведро для молока; подойник; небольшой бочонок для вина’, *сапцах* ‘кадка для закваски айрана’, *сагнай* уст. ‘подойник (выдолбленный из дерева, с ручкой и носиком)’, *харын* ‘сосуд из желудка, очищенный и высушенный, использовался для хранения топленого масла, топленого сала’.

НПиУ для сбора и хранения прочих жидких продуктов: *тургуспа* ‘кадка, квашня, бочонок’, *ырага* ‘кувшин’, *порбый* шор. диал. ‘кожаный сосуд для воды’, *одыртпа* уст. ‘небольшой сосуд для хранения и перевозки вина домашнего

приготовления', *тозор/тазор* 'сосуд для вина', *торсых* 'бурдюк, кожаный сосуд для хранения жидкости', *синек* 'берестяной туесок с крышкой для хранения кваса-абыртхы', *чүгүртпе* 'небольшой деревянный бочонок для вина', *күгөр* 'кожаный сосуд, турсук', *көнөк* 'ведро', *күнген* кач. 'медный кувшин', *посхы* 'бочка, бочонок с расширяющимся дном', *пулхунцах/пыхунцах* 'сосуд для араки, вина', *сабан* 'большая кадка', *сара* 'кувшин; чаша'.

НПиУ для сбора и хранения сыпучих продуктов: *тербис* уст. 'плоская посуда из бересты (с краями) для хранения сыпучих продуктов (напр., крупы, талкана и т. п.)', *тостаа* 'берестяная посуда', *туус* 'туес, туесок (посуда из бересты)', *сара* саг. 'деревянная или берестяная посуда'. Отметим, что в качестве предмета для сбора и хранения сыпучих продуктов выступали различные мешки: *хан* 'мешок', *имдис* 'холщовый мешок для сбора хмеля', *тулуп* 'мешок для продуктов из шкуры теленка, содранный и выделанный без швов'.

Таким образом, наименования, обозначающие посуду и кухонную утварь в хакасском языке, образованы как разными способами словообразования, так и заимствованы из других языков. Наиболее продуктивный способ терминообразования – аффиксальный.

Самую многочисленную группу производных слов составляют наименования посуды и кухонной утвари для приготовления пищи, что говорит о большом значении для хакасского народа этих предметов. Лексические единицы этой группы переходят в пассивный словарь или полностью выходят из употребления, так как на сегодняшний день многие объекты материальной культуры хакасов уходят из употребления или заменяются другими, и, как следствие, их номинации переходят в разряд архаизмов и историзмов.

Литература

- Абдина Р.П.** Наименования посуды и кухонной утвари в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №4. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-posudy-i-kuhonnoy-utvari-v-hakasskom-yazyke> (Дата обращения: 03.12.2021).
- Абдина Р.П.** Словообразование и способы номинации традиционной хакасской одежды // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. №348. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-sposoby-nominatsii-traditsionnoy-hakasskoy-odezhdy> (Дата обращения: 03.12.2021).
- Алтын-Арыг.** Хакасский героический эпос / Зап. и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1988. 592 с.
- Хакасско-русский словарь** = Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков [и др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Карпов В.Г.** Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. 36 с.
- Кубрякова Е.С.** Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Щербак А.М., Надеяев В.М., Тенишев Э.Р., Кормушин И.В.** Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Тараканова И.М.** Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. 174 с.
- Убрытова Е.И.** Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. Вып. 11. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 297–328.
- Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 278 с.
- Abdina R.P.** Naimenovaniya posudy i kukhonnoi utvari v khakasskom yazyke. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №4. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-posudy-i-kuhonnoy-utvari-v-hakasskom-yazyke> (Accessed: 03.12.2021).
- Abdina R.P.** Slovoobrazovanie i sposoby nominatsii traditsionnoi khakasskoi odezhdy. In: Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2011. №348. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-sposoby-nominatsii-traditsionnoy-hakasskoy-odezhdy> (Accessed: 03.12.2021).
- Altyn-Aryg.** Khakasskii geroicheskii epos / Zap. i podgot. teksta, per., vstup. st., primech. i komment., pril. V.E. Mainogashevoi. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury «Nauka», 1988. 592 pp.
- Khakassko-russkii slovar** = Hakas-orys söstik / O.P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M.I. Borgoyakov [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 pp.
- Karpov V.G.** Proshloe, nastoyashchee i budushchee khakasskogo yazyka. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo. 2008. 36 pp.
- Kubryakova E.S.** Tipy yazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova. Moscow: Nauka, 1981. 200 pp.
- Shcherbak A.M., Nadelyaev V.M., Tenshev E.R., Kormushin I.V.** Drevnetyurkskii slovar. Leningrad: Nauka, 1969. 676 pp.
- Tarakanova I.M.** Slovoobrazovanie imen sushchestvitelnykh v khakasskom yazyke (v сопоставителном аспекте). Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2008. 174 pp.
- Ubratova E.I.** Parnye slova v yakutskom yazyke. In: Yazyk i myshlenie. Vyp. 11. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. Pp. 297–328.
- Shmelyov D.N.** Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). Moscow: Nauka, 1973. 278 pp.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА С.А. САРЫГ-ООЛА «ПОВЕСТЬ О СВЕТЛОМ МАЛЬЧИКЕ»

А. Т. Бадарчы¹, А. В. Байыр-оол²

¹Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, 630090, Россия; email: badarchy2019@mail.ru

²Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: azikoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2844-2700

В истории тувинской литературы важное место занимает творчество С.А. Сарыг-оола (1908–1983). Он является одним из первых писателей Тувы. Статья посвящена анализу лексических трансформаций (переводческое транскрибирование и транслитерация), использованных в русском переводе тувинского романа С.А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). В романе описываются жизнь и быт дореволюционных тувинцев, изменения, происходившие в их жизни накануне революции и гражданской войны. Материалом исследования послужили предложения, собранные путем сплошной выборки из тувинско-русского переводного текста (82 единиц). Выявленные случаи транскрибирования связаны с отображением некоторых фонетических особенностей тувинского языка: слова с гласными *ө* [ö], *ү* [ü] и согласным *ң* [ŋ], слова с начальными согласными *[p]* и *[t]* и долгими гласными. Проанализированный материал показал, что обычно транскрибируются и транслитерируются именованья национально-культурных реалий, имена собственные, включающие имена людей, географические названия и т. д. Рассмотренные случаи транскрибирования связаны с отображением в переводном тексте некоторых фонетических особенностей тувинского языка. Иногда переводчик оставляет в транскрибированном или в транслитерированном виде слова ИЯ, которые имеют эквиваленты в ПЯ (например, *хумуң* 'ведро', *идик* 'обувь' и др.). На наш взгляд, это связано со стремлением переводчика сохранить колорит и особую атмосферу описываемой культуры в тексте романа.

Ключевые слова: тувинский язык, переводоведение, тувинско-русский текст, лексические трансформации, переводческое транскрибирование, транслитерация.

LEXICAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF S.A. SARYG-OOL'S NOVEL "THE TALE OF THE BRIGHT BOY"

A. T. Badarchy¹, A. V. Bayyr-ool²,

¹Novosibirsk State University, Pirogov Str., 1, 630090, Russia; email: badarchy2019@mail.ru

²The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaev Str., 8, Novosibirsk, 630090, Russia; email: azikoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2844-2700

S.A. Saryg-ool's (1908–1983) work occupies an important place in the history of Tuvan literature. He is one of the first writers of Tuva. The article is devoted to the analysis of lexical transformations (translation transcription and transliteration) used in the Russian translation of the Tuvan novel by S.A. Saryg-ool «Angyr-ooldung toozhuzu» («The Tale of the Bright Boy»). The novel describes the life and household of the pre-revolutionary Tuvans, the changes that took place in their lives on the eve of the revolution and the civil war. The research material was the sentences collected by a continuous sampling from the Tuvan-Russian translated text (82 units). The identified cases of transcription are associated with the display of some phonetic features of the Tuvan language: words with vowels *ө* [ö], *ү* [ü] and consonant *ң* [ŋ], words with initial consonants *[p]* and *[t]* and long vowels. The analyzed material showed that names of national and cultural realities, proper names, including people's names, geographical names, etc., are usually transcribed and transliterated. The considered cases of transcription are related to the display in the translated text of some phonetic features of the Tuvan language. Sometimes, a translator leaves words from a source language that have equivalents in a translation language in a transcribed or transliterated form (for example, *хумуң* (khumung) 'bucket', *идик* (idik) 'shoes', etc.). In our opinion, this is due to a translator's desire to preserve the flavor and special ambiance of the described culture in a text of a novel.

Keywords: Tuvan language, translation studies, Tuvan-Russian text, lexical transformations, translation transcription, transliteration.

В истории тувинской литературы важное место занимает творчество Степана Агбаановича Сарыг-оола (1908–1983). С. А. Сарыг-оол является одним из первых писателей Тувы. С его произведения «Белек» («Подарок») – первого крупного произведения в тувинской литературе – началось развитие жанра повести. Он перевел на тувинский язык стихи и поэмы А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Некрасова, Т. Шевченко, В. Маяковского и др. С. А. Сарыг-оолом был написан киносценарий первого тувинского художественного фильма «Люди голубых рек» (в соавторстве с О. Саган-оолом). По мотивам его поэмы написана первая тувинская опера «Чечен и Белекмаа» (музыка Р. Кенденбиля). Он был автором учебных пособий по родной литературе 4–5 классов общеобразовательных школ Тувы. При жизни С. А. Сарыг-оол выпустил сорок три книги. Его книги были изданы также и на других языках. Литературная деятельность С. А. Сарыг-оола внесла очень значимый вклад в развитие тувинской литературы.

Значительное место в творчестве С. А. Сарыг-оола занимает роман-диалогия «Аңгыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). В романе описывается жизнь и быт дореволюционных тувинцев, изменения, происходившие в их жизни накануне революции и гражданской войны. Повествование ведется от лица главного героя Аңгыр-оола. Для изображения целостной картины истории тувинского народа и его духовной культуры писатель в романе обращается к этнографическим материалам и использует фольклорные произведения. Для раскрытия образов героев и явлений действительности автор органично сочетает мифологический и реалистический способы в поэтике романа. «Повесть о светлом мальчике» стала художественной летописью жизни тувинского народа. Ее определяют как «энциклопедию жизни тувинского народа» [Комбу, 2012, с. 237; Слово о друге, 2003, с. 48].

Первая книга романа была опубликована в 1961 г. в Кызыле, вторая – в 1966 г. Также в 1966 г. выходит перевод первой книги «Повесть о светлом мальчике» в издательстве «Молодая гвардия», вторая книга была опубликована в 1974 г. в издательстве «Современник». Позже роман несколько раз переиздавался, был переведен на русский, якутский, киргизский, монгольский, литовский, эстонский, английский языки.

Наше исследование посвящено анализу лексических трансформаций (переводческое транскрибирование и переводческая транслитерация), использованных в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике». Матери-

алом исследования послужили предложения, собранные путем сплошной выборки из тувинско-русского переводного текста (82 единиц). Источником материала мы выбрали последний вариант перевода, вышедший в 1986 г. в издательстве «Современник» (переводчик М. А. Ганина), поскольку это издание включает две книги и является общедоступным.

В переводоведении существуют различные определения переводческих трансформаций, предложенные Л. С. Бархударовым, В. Н. Комиссаровым, Р. К. Миньяр-Белоручевым и др. В нашей работе мы, вслед за В. Н. Комиссаровым, трактуем *переводческие трансформации* как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [1990, с. 172]. В соответствии с характером единиц оригинального текста переводческие трансформации классифицируются как лексические и грамматические. Основные типы *лексических трансформаций* включают следующие переводческие приемы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование [Там же].

Способами перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ (*переводящего языка*) являются *транскрипция* и *транслитерация*. При *транскрипции* воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при *транслитерации* его графическая форма (буквенный состав) [Там же, с. 173].

Переводческое транскрибирование

Транскрибирование в большинстве случаев применяется при переводе слов ИЯ (*исходного языка*), которые не имеют эквивалентов в ПЯ. Как правило, в исследуемом переводном тексте толкования этих безэквивалентных слов даются в сносках. Нами выявлены три случая транскрибирования:

1. Тувинские слова с узкими огубленными гласными *ө* [ö], *у* [ü], и заднеязычным согласным *ң* [ŋ], которые отсутствуют в ПЯ, передаются в транскрибированном виде близкими по артикуляции и звучанию звуками русского языка [o], [u], [n], например: *хөөмей* – хомей ‘вид горлового пения’, *хүрээ* – хуре ‘церковь’, *коңга* – конга ‘колокол’ и др. Приведем другие примеры:

(1) *Анаа кезжээлерде, аалдар аразынга... дигири, ыр, хөөмей ийикпе* [Сарыг-оол, 2008, с. 320] ‘Обычно до поздней ночи слышны из ближних аалов то песни, то горловой хомей’ [Сарыг-оол, 1986, с. 165].

(2) *Оон ыңай Чолдак-Ой деп күске чемнен чорааш, хүрээге кире маңнап келгеш, көрүп чыдарга, хамык амытан кончуг улуг алдын бурганга тейлеп турган* [Сарыг-оол, 2008, с. 13] 'Есть еще легенда о мышке по имени Чолдак-Ой. В поисках еды забралась она в **хуре** как раз во время богослужения' [Сарыг-оол, 1986, с. 6].

(3) *Хүннү бадыр ийи лама шаң-кеңгирге, коңга-дамбыразын чиртиледип, ыяңнап, кумзаттап деп-деңге ырлай аарак, номчуп олуралар хүнзээн* [Сарыг-оол, 2008, с. 52] 'Потом ламы уселись в юрте и принялись читать священные книги, а когда прерывали чтение, то гремели медными тарелками, играли на **дамбыре, конге, кенгирге**' [Сарыг-оол, 1986, с. 32]. В примере (3) транскрипцией переданы названия инструментов, используемых в буддийской ритуальной практике: парные слова *шаң-кеңгирге* (*шаң* 'гонг', 'литавры', *кеңгирге* 'барабан', 'бубен' [ТРС, 1968, с. 567, 238]); *коңга-дамбыра* (*коңга* 'колокол', *дамбыра* 'ламский барабанчик в форме двух полушарий, обтянутых кожей' [ТРС, 1968, с. 251, 146]).

(4) *Ол чыгылып келгенде чүзү боор: хаак аъттар мунгаш, чарыштырар, челиштирер, мөге хүрештирер* [Сарыг-оол, 2008, с. 42]. 'Потом следует и национальная борьба – **хуреш**' [Сарыг-оол, 1986, с. 59].

(5) *Чоокишлап келгеш көөрүмге-ле, хүн ноян Буян-Бадыргың бо чыдыр ийин моң!* [Сарыг-оол, 2008, с. 291] 'Старые *чагырыкчи*¹ – всем известный **хун-нойон** Буян-Батыргы все так же у власти' [Сарыг-оол, 1986, с. 171].

Пример транскрибирования имени собственного: (6) *Шаардан чылдып, хевек-хувактан каап, дүрген чемненип алгаш, хурагандан ыдыш, тудуш. Аңгыр, шымда!* [Сарыг-оол, 2008, с. 334] '**Аңгыр**, подогрей шар да подсыпь туда горсть *хевека!*' [Сарыг-оол, 1986, с. 214].

Наблюдается использование транскрибированного слова, которое, на наш взгляд, имеет эквивалент в ПЯ. Например, переводчик оставляет в тексте слово *хууң* (*хумуң*) 'ведро (деревянное)' и др. [ТРС 1968: 495]. (7) *Оон авам сүттүг хууңчуун сала тыртып кааш, менче маңнап келген турган* [Сарыг-оол, 2008, с. 16] 'Мать отшвырнула **хумун** с молоком и бросилась ко мне, раскинув руки' [Сарыг-оол, 1986, с. 8].

2. В тувинском языке в абсолютном начале слова выделяются сильные придыхательные согласные *n* [p^h] и *m* [t^h] и слабые и непридыхательные [p] и [t] (на письме передаются буквами *б* и *д*)

[Кечил-оол, 2006, с. 40–52]. Нами обнаружены интересные случаи, когда переводчик транскрибированием передает наиболее близкую к оригиналу звуковую форму тувинского слова в ПЯ. Например, воспроизведение таких слов как *пыштак*, *тарга*, хотя в их переводах в тувинско-русском словаре они обозначаются начальными *б* и *д*, как и в написании на тувинском языке: как *быштак* 'особый вид сыра и брынзы' [ТРС 1968: 132]; *дарга* 'начальник', 'председатель', 'староста' [ТРС 1968: 148] и т.д. (8) *А богда, даргам – башкым!* [Сарыг-оол 2008: 341] 'Уважаемый мой **тарга-башкы!**' [Сарыг-оол 1986: 220]. (9) *...оон тараа, быштак, чөкпек, саржаг ышкаш сактып сонугаан чемин-даа эккээр* [Сарыг-оол 2008: 337] 'Пусть навестят и из еды чего-нибудь привезут: сушеного мяса, ааржи, *пыштак*...' [Сарыг-оол 1986: 211].

3. В словах ИЯ, в которых имеются долгие гласные, передающиеся на письме двойными гласными, в транскрипции они передаются с одной гласной буквой, например: *тараа* – тара 'толченное пшено', *көгээр* – когер 'большая кожаная фляга (для кумыса и араки)', *хүрээ* – хуре 'церковь', 'буддийский монастырь', *оваа* – ова 'жертвенный курган', *даалымба* – далемба 'хлопчатобумажная ткань' и т.д. Следует сказать, что такой принцип передачи многих тувинских слов, не имеющих эквивалентов в русском языке, реализован в тувинско-русском словаре [1968]. Ср. также: (10) *Оон кээриңге, өреме-биле тараа шыгыдып бээр мен!* [Сарыг-оол 2008: 47] 'Дам тебе после **тары** со сметанкой'... [Сарыг-оол 1986: 10]. Лексема *тараа* имеет смысл 'хлеба' или 'зерна' [ТРС 1968: 407]. (11) *Даай-авам кадай көк даалымба берген. Ону авам меңээ чүвүр, хөйлең кылып берген* [Сарыг-оол 2008: 23] 'Тетя, *сестра мамы*, подарила мне целый кусок – семь метров – синей **далембы**, и мама сшила мне из него рубашку и штанишки' [Сарыг-оол 1986: 11].

Применение переводческого транскрибирования связано с отображением в переводном тексте некоторых фонетических особенностей тувинского языка. Проанализированные примеры транскрибирования представляют собой приближительную фонетическую адаптацию тувинских слов в ПЯ.

Переводческая транслитерация

Учитывая, что алфавиты тувинского и русского языка основаны на кириллическом письме, кроме дополнительных трех тувинских графем *ө*, *ң*, *у*, считаем, что рассматриваемые в данном разделе случаи относятся к транслитерации,

¹ 'чиновник' [Сарыг-оол, 1986, с. 171].

поскольку в них буквенный состав тувинских слов в полном виде отображается с помощью букв кириллицы.

Случаи применения переводчиком приема транслитерации в большинстве случаев наблюдаются при передаче бытовых реалий. Например: *аптара* ‘сундук’ [ТРС, 1968, с. 64]; *барба* ‘кожаный выючный мешок’ [ТРС, 1968, с. 91]; *ширтег* ‘войлочный коврик’, ‘подстилка’ [ТРС, 1968, с. 575]; *хырбача* ‘запас мяса на зиму, замороженного в коровьей брюшине’ [ТРС, 1968, с. 501]; *хорул* ‘национальная игра, напоминающая домино’ [ТРС, 1968, с. 485]; *хомус* ‘музыкальный инструмент’ [ТРС, 1968, с. 481] и т. д. (12) *Угулзалыг арынныг алды барбаны эттеп, даараар* [Сарыг-оол, 2008, с. 192] ‘Кроме того, для юрты еще нужны всякие изделия из кожи, например, шесть больших **барба** для еды и вещей’ [Сарыг-оол, 1986, с. 115]. (13) *Ол-ла холуктуг хырбачаны доорап олурда, чылгы мал ханының дугайын чугаалажсы берген ужжурундан тоолчу база бир коргунчуг, кайгамчык тоожу сала каапкан* [Сарыг-оол, 2008, с. 131] ‘Особый вкус **хырбачи** должны были придать нежные и жирные куски мяса забитой осенью кобылицы, у которой три года подряд не было жеребят’ [Сарыг-оол, 1986, с. 88]. (14) *Херэ-эжсен уруглар даараныр, угулза шанчар, ойнаар-кыс даараар, сиир, удазын кадар, демир-хомус, кулузун-хомуска хөлчок хандыыр бооп тускайлан-нып бар чоруур* [Сарыг-оол, 2008, с. 43] ‘Девочки учились шитью, вышиванию, сучению ниток разной толщины, чаще из жил животных, игре на **хомусах** собственного изготовления’ [Сарыг-оол, 1986, с. 60].

В исследуемом тексте обнаруживаются случаи употребления транслитерированных слов, которые, как мы считаем, имеют эквиваленты в ПЯ. Например, переводчик оставляет в тексте слово *идик* ‘обувь’, *аптара* ‘сундук’ и др. [ТРС, 1968, с. 201, 64]. Например: (15) *Ак чычыы тоннуг, ногаан дордум курлуг, ногаан шал-биле ыскыттаан кара булгаар идиктиг...* [Сарыг-оол, 2008, с. 71] ‘На нем был светло-зеленый шелковый халат, подпоясанный шелковым кушаком, **идики**, расшитые цветным орнаментом...’ [Сарыг-оол, 1986, с. 186].

Прием транслитерации употребляется при передаче имен личностей и географических названий. Например: *Кожай-оол*, *Кончук*, *Кожукпай* и *Кызыл*; *Хем-Белдири* – одно из старых названий г. Кызыла, столицы Тувинской Народной Республики [Сарыг-оол, 1986, с. 169]; *Улуг-Хем* – тувинское название Енисея [Сарыг-оол, 1986, с. 200] и др.

Имена и прозвища, переданные путем транслитерации:

(16) *Узун-кыс хөөкүй-ле арай бергедеп унер* [Сарыг-оол, 2008, с. 12] ‘А бедняжке **Узун-Кыс** приходилось трудновато’ [Сарыг-оол, 1986, с. 6]. (17) *Ревшиериг тургаи, нам сургуулунга кирип алган Өвүрже кады чораан эжим – Базыр-Сат, ревшиериг Мунзук үжселээ-ле үнүп кээп-тир бис* [Сарыг-оол, 2008, с. 405] ‘Нас было трое: **Мунзук**, я и **Базыр-Сат**, тоже партшколец, прошедший вместе с нами боевое крещение’ [Сарыг-оол, 1986, с. 262].

Транслитерированные географические названия в романе: (18) *Хем-Белдири дээрге бо-ла нам-хун деп чүвезиниң төвү ында хайындырып турар. Кызыл бижиктиг улус баар...* [Сарыг-оол, 2008, с. 289] ‘**Хем-Бельдир** – центр всех партийных районов и округов, там находятся все главные руководители нашей аратской партии; у кого есть красный партийный билет, те непременно туда вызываются’ [Сарыг-оол, 1986, с. 169]. (19) *Кызыл суглуг Баян-Кол аксында көдээ суурже чылбыртып кирдивис* [Сарыг-оол, 2008, с. 369] ‘К утру добрались до русского села **Кызылсуглуг Баянкол**, стали на дневку по два-три человека в дом’ [Сарыг-оол, 1986, с. 244].

Проанализированный материал показал, что обычно транскрибируются и транслитерируются именованья национально-культурных реалий, имена собственные, включающие имена людей, географические названия и т. д. Рассмотренные случаи транскрибирования связаны с отображением в переводном тексте некоторых фонетических особенностей тувинского языка. Иногда переводчик оставляет в транскрибированном или в транслитерированном виде слова ИЯ, которые имеют эквиваленты в ПЯ (например, *хумун* ‘ведро’, *идик* ‘обувь’ и др.). На наш взгляд, это связано со стремлением переводчика сохранить колорит и особую атмосферу описываемой культуры в тексте романа.

Литература

- Данилов С. В. Слово о друге // Повелитель слов. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2003. С. 46–48.
- Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.
- Комбу С. С. Тувинская литература. Словарь. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Сарыг-оол С.А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Роман в двух книгах. Кызыл: Тувинское кн. изд, 2008. 440 с.

Сарыг-оол С.А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М.А. Ганиной. М.: «Современник», 1986. 287 с.

Тенишев Э.Р. Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

References

Danilov S.V. Slovo o druge. In: Povelitel slov. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 2003. Pp. 46–48.

Kechil-ool S.V. Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-kholskogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: ID «Sova», 2006. 362 pp.

Kombu S.S. Tuvinskaya literatura. Slovar. Novosibirsk: Nauka. 2012. 360 pp.

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 253 pp.

Saryg-ool S. A. Angyr-ooldung toozhuzu. Roman v dvukh knigakh. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 2008. 440 pp.

Saryg-ool S.A. Povest o svetlom malchike / Per. s tuv. M.A. Ganinoi. Moscow: «Sovremennik», 1986. 287 pp.

Tenishev E.R. Tuvinsko-russkii slovar. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 646 pp.

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.013
УДК 81 272(063)

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЯЗЫКОВ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ**

О.В. Доможакова¹, Ю.Г. Сагалаков²
¹Министерство образования и науки Республики Хакасия, ул. Крылова, 72, 655017, Россия; email: ovd@r-19.ru
²Министерство образования и науки Республики Хакасия, ул. Крылова, 72, 655017, Россия; email: sagalakov@r-19.ru

Провозглашение Международного десятилетия языков коренных народов актуализировало вопросы реализации государственной языковой политики Российской Федерации в Республике Хакасия. Родной хакасский язык считается национальной самобытностью региона, это основа для осознания подрастающим поколением российской гражданской идентичности на основе региональной (этнокультурной) идентичности. Региональной системой образования обеспечено законодательное, организационное, учебно-методическое, кадровое обеспечение преподавания и изучения хакасского языка. Повышение качества преподавания и изучения хакасского языка, его учебно-методическое обеспечение как государственного языка Республики Хакасия, поддержка обучения на родном языке в начальных классах, принятие стимулирующих мер при поступлении выпускников в вузы, расширение социальных функций, повышение престижа родного языка являются механизмами его развития. Современная языковая ситуация в условиях приоритета экономической целесообразности требует развития инновационных подходов, консолидации ресурсов исполнительных органов государственной власти, педагогического, родительского сообщества, общественных объединений, детей и молодежи не только на региональном, но и межрегиональном уровне.

Ключевые слова: Международное десятилетие языков коренных народов, языковая политика, родной язык, хакасский язык, качество преподавания и изучения хакасского языка, общероссийская гражданская идентичность.

LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA IN THE CONTEXT OF THE OBJECTIVES OF THE INTERNATIONAL DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES

O. V. Domozhakova¹, U. G. Sagalakov²

¹Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia, 72 Krylova str., Abakan, 655017, Russia; email: ovd@r-19.ru

²Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia, 72 Krylova str., Абакан, 655017, Russia; email: sagalakov@r-19.ru

The proclamation of the International Decade of Indigenous Languages actualized the issues of the implementation of the state language policy of the Russian Federation in the Republic of Khakassia. The native Khakass language is considered the national identity of the region, the basis for the younger generation's awareness of Russian civic identity based on regional (ethno-cultural) identity. The regional education system provides legislative, organizational, educational, methodological, personnel support for teaching and learning the Khakass language. Improving the quality of teaching and learning of the Khakassia language, its educational and methodological support as the state language of the Republic of Khakassia, support for teaching in the native language in primary grades, the adoption of incentive measures for the admission of graduates to universities, the expansion of social functions, increasing the prestige of the native language are the mechanisms of its development. The modern language situation in the conditions of priority of economic expediency requires.

Keywords: International Decade of Indigenous Languages, language policy, native language, Khakass language, quality of teaching and learning of the Khakass language, all-Russian civic identity.

Провозглашение Международного десятилетия языков коренных народов всколыхнуло прогрессивную общественность регионов России. В Республике Хакасия состоялись Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвященная 160-летию со дня рождения выдающегося тюрколога Н. Ф. Катанова (май 2022 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Языковая политика в Республике Хакасия в контексте задач Международного десятилетия языков коренных народов» в рамках Программы «Мой родной язык», реализуемой Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (сентябрь 2022 г.). Делегация Республики Хакасия приняла участие в работе Международной конференции высокого уровня «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов» (июнь 2022 г., г. Москва), в Межрегиональной научно-практической конференции «Родной язык в современном образовательном пространстве: теоретические и методические аспекты» (сентябрь 2022 г., г. Горно-Алтайск). Содержание докладов и их обсуждения показывают, что осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию истории, культуры своего края, России, ценностное

отношение к родному языку – важнейшие маркеры развития и повышения качества преподавания и изучения родного языка в условиях обновленных федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования.

Родной хакасский язык в системе образования Республики Хакасия рассматривается нами как один из самых важных компонентов национальной самобытности региона, направленной на укрепление государственно-гражданской идентичности, ее гармонизации с этнокультурной идентичностью [Боргояков, 2022, с. 241]. Принятие мер от законодательного, нормативного обеспечения до кадрового, программного, учебного, методического, организационного сопровождения обусловило накопление большого положительного опыта преподавания и изучения родного языка как духовного и культурного наследия хакасского народа [Гимазутина, Доможакова, Сагалаков, 2020, с. 187]. Исследования в области хакасского языка ХакНИИЯЛИ становятся научной базой деятельности отдела науки и национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия. Отдел по учебникам и учебным пособиям Хакасского книжного издательства им. В. М. Торосова, кафедры методики преподавания хакасского языка ХакИРОиПРО вносят огромный вклад в процесс обучения хакасскому языку. Школы, детские

сады, учителя, воспитатели, педагоги осуществляют непрерывный поиск эффективных технологий. Совместная слаженная работа приводит к улучшению показателей. Положительным считаем то, что увеличилось количество дошкольных организаций, в которых организовано обучение хакасскому языку (на 5%), заявлений родителей (законных представителей) на изучение детьми хакасского языка в предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке»; увеличилась доля первоклассников, изучающих хакасский язык, на 2% (охват первоклассников составил более 65%) и школьников коренной национальности, охваченных изучением родного языка в предметных областях (до 79%).

Вместе с тем имеются и проблемы, это недостаточность в преподавании и изучении хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия; отсутствие этносреды и, как следствие, утрата обучения на родном языке; необходимость повышения качества преподавания и изучения хакасского языка; недостаточность стимулирующих мер при поступлении выпускников школ в вузы; снижение мотивации к изучению родного языка носителями языков в условиях приоритета экономической целесообразности, глобализации; ограниченность социальных функций хакасского языка, оказывающих влияние на передачу родного языка родителями своим детям; сохранность языка в главной ячейке общества – семье и другие проблемы.

Осознание данных проблем формирует поиск путей решения, инноваций, перспектив, например, это развитие цифровых образовательных ресурсов в учебном книгоиздании: к началу учебного года изданы девять наименований учебников для 1–4 классов с учетом обновленных ФГОС не только в печатной, но и в электронной форме. Они прошли экспертизу и одобрены Министерством просвещения РФ. Создана электронная платформа «Онлайн-учебники» на сайте Хакасского книжного издательства имени В. М. Торосова, где размещены учебники, мультимедийные ресурсы, аудио- и видеоматериалы, интерактивные задания. Приняты меры по организации изучения хакасского языка как государственного языка РХ. Первым шагом стало издание учебного пособия «Изучаем хакасский язык», подготовленное кафедрой хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова [Кызласова, Медведева, 2021]. Разрабатывается примерная программа по учебному предмету «Хакасский язык как государственный язык Республики Хакасия». В целях поддержки обучения на родном языке в 1-х классах изданы новые

учебные пособия – «Окружающий мир» («Чирчайаан») и «Математика» на хакасском языке.

В 2022 г. Минобрнауки РХ организованы региональные оценочные процедуры по учебному предмету «Хакасский язык» среди выпускных классов (4-х и 9-х классов). В оценочных процедурах приняли участие 45 общеобразовательных школ, более 1140 обучающихся. Результаты министерских контрольных работ показали, что качество подготовки выпускников соответствует требованиям примерной программы по хакасскому языку, ФГОС. К окончанию уровня половина детей владеют хакасским языком. Однако необходимо повышать эффективность работы – выпускник должен разговаривать на родном хакасском языке. Объективную оценку качества подготовки выпускников получаем по результатам государственной итоговой аттестации. Выбор ГИА по хакасскому языку – показатель качества работы учителей, общеобразовательных организаций. В 2022 г. государственный выпускной экзамен по хакасскому языку выбрали более 12% выпускников. Важно, что данный показатель в сравнении с «допандемийным» периодом не снизился. Все выпускники преодолели минимальный порог результатов. Средний балл ГИА по хакасскому языку составил почти 4,0 балла.

Качество образовательного процесса во многом определяется методикой преподавания и развитием кадрового потенциала из числа молодых учителей. ХаКИРОиПРО приступил к разработке пособия «Методика преподавания хакасского языка». Молодой учитель хакасского языка и литературы ХНГИ им. Н. Ф. Катанова Е. П. Сагатаева стала участником финала первого Всероссийского профессионального конкурса «Лучший учитель родного языка и родной литературы» в г. Железноводске Ставропольского края.

Материально-техническая оснащенность кабинетов хакасского языка должна соответствовать требованиям современности. Поставлена задача разработки брендбука кабинета хакасского языка – установить фирменный стиль, повысить его узнаваемость. Предусмотрены субсидии из республиканского бюджета на улучшение материально-технической базы кабинетов хакасского языка на 2022–2024 гг. В 2022 г. по итогам конкурсного отбора субсидия в размере 1,0 млн рублей предоставлена бюджету г. Абакана (СОШ № 22). Стимулирование выпускников поддерживается результатами ежегодной региональной олимпиады по хакасскому языку и литературе имени М. И. Боргоякова. В 2022 г. победители

и призеры нашей олимпиады (16 чел.) стали участниками Межрегиональной олимпиады по родным языкам Сибири и Дальнего Востока (с центром в г. Горно-Алтайск), из них 4 человека стали призерами Сибирского федерального округа.

В целях повышения мотивации к изучению родного языка республика участвует в федеральных проектах. Один из них – проект «Сказки Хакасии» в рамках Международного конкурса иллюстраций «Сказки народов России и мира глазами детей», реализованный совместно с Ассоциацией российских дипломатов, Центром патриотического воспитания МИД РФ и Международным союзом педагогов-художников.

Расширение социальных функций хакасского языка, по нашему мнению, определяется его развитием. Поэтому МОН Хакасии организован конкурс грантов на развитие хакасского языка на общую сумму более 2 млн руб. В нем приняли участие 12 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Победителями стали 6 проектов, нацеленные на интеграцию хакасского языка в инженерно-технологическое образование, организацию онлайн-школы, создание в детском саду мультипликационной студии, детской театральной студии на хакасском языке, разработку дидактических материалов для детей дошкольного возраста, видеоуроков для всей семьи.

Реализация государственной языковой политики в Республике Хакасия в контексте задач Международного десятилетия выходит на новый уровень своего развития.

Литература

Боргойаков С.А. Историческая память как основа формирования и укрепления этнонациональной и региональной идентичности // Изучение древ-

ней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 241–246.

Гимазутина Л.Н., Доможакова О.В., Сагалаков Ю.Г. Опыт реализации государственной языковой политики в системе образования Республики Хакасия: преподавание и изучение хакасского языка // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2020. С. 184–187.

Кызласова И.Л., Медведева М.А. Изучаем хакасский язык: учебное пособие. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. 220 с.

References

Borgoyakov S.A. Istoricheskaya pamyat' kak osnova formirovaniya i ukrepleniya etnonatsional'noi i regional'noi identichnosti. In: Izuchenie drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu ekspeditsii D.G. Messershmida. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2022. Pp. 241–246.

Gimazutina L.N., Domozhakova O.V., Sagalakov Yu.G. Opyt realizatsii gosudarstvennoi yazykovoi politiki v sisteme obrazovaniya Respubliki Khakasiya: prepodavanie i izuchenie khakasskogo yazyka. In: Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Abakan, 1–2 oktyabrya 2020 g.). Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova», 2020. Pp. 184–187.

Kyzlasova I.L., Medvedeva M.A. Izuchaem khakasskii yazyk: uchebnoe posobie. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo im. V.M. Torosova, 2021. 220 pp.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЗАЧИНАХ САМОДИЙСКИХ И ЮКАГИРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: _ludil60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3469-9353

Статья посвящена сопоставительному анализу одной из существенных лингво-типологических параллелей самодийских и юкагирских языков – употреблению эвиденциальных глагольных форм с семантикой косвенной засвидетельствованности в зачинах произведений традиционного фольклорного повествования. В этих зачинах, предваряющих или начинающих повествование, широко представлены глагольные формы с суффиксами $=mp(b)=/=p(b)=$ в селькупском языке и $=wy/=my=$ – в ненецком, указывающие на косвенную засвидетельствованность сказителем ситуаций, о которых он сообщает. Они противопоставлены формам «аориста» или «неопределенного времени» индикатива. Цельнотекстовое эвиденциальное маркирование с помощью зачинов с глагольными формами косвенной засвидетельствованности позволяло сказителям в дальнейшем изложении произведения употреблять индикативные формы прямой засвидетельствованности, несмотря на то, что сами сказители не являлись непосредственными свидетелями фольклорных ситуаций. Еще один способ преодоления противоречия между потребностями живого повествования и сковывающими такое развитие особенностями грамматических систем является введение в фольклорные произведения постоянного свидетеля всего происходящего – особого персонажа, одушевленного и активного. Употребление эвиденциальных форм глагола с семантикой косвенной засвидетельствованности в зачинах фольклорных текстов самодийцев и юкагиров, а также наличие в самодийских фольклорных произведениях особого одушевленного персонажа объясняется в статье как исторически выработанные в традиционном фольклоре средства преодоления обязательности указания источников информации в языках с грамматикализованной категорией эвиденциальности.

Ключевые слова: грамматикализованная эвиденциальность, самодийские языки, юкагирский язык, традиционный фольклор.

EVIDENTIAL VERB FORMS IN INTRODUCTIONS OF SAMOYEDIC AND YUKAGHIR FOLKLORE TEXTS

L. A. Ilyina

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: _ludil60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3469-9353

The article is devoted to the comparative analysis of the essential linguistic-typological correlations among the Samoyedic and Yukaghir languages – the use of evidential verb forms having the semantics of indirect evidentiality in the introductions of traditional folklore narrative texts. In these introductions, which precede or begin the narrative, verb forms with suffixes $=mp(b)=/=p(b)=$ in the Selkup language and $=wy/=my=$ – in Nenets are widely represented, indicating a narrator's indirect witness of the situations he reports. They are opposed to the forms of "aorist" or "indefinite time" indicative. The whole-text evidential marking with the help of introductions with verbal forms of indirect witness allowed storytellers to use indicative forms of direct witness in the further presentation of a work, despite the fact that storytellers themselves were not direct witnesses of folklore situations. Another way to overcome the contradiction between the needs of a living narrative and features of grammatical systems that constrain such development is to introduce into folklore works a permanent witness of everything that happens – a special character, animated and active. The use of evidential verb forms with the semantics of indirect witness in introductions of Samoyedic and Yukaghir folklore texts, as well as the presence of a special animated character in Samoyedic folklore works, is explained in the article as historically developed in traditional folklore means of overcoming the obligation to indicate sources of information in languages with a grammaticalized category of evidentiality.

Keywords: grammaticalized evidentiality, Samoyedic languages, Yukaghir language, traditional folklore.

Во многих языках Северной Азии, в том числе в самодийских и юкагирских языках, глагольная категория эвиденциальности (засвидетельствованности) является центральной глагольной категорией, определяющей существенные особенности языковых систем и речевой коммуникации.

Главная особенность языковых систем, детерминированных глагольной категорией эвиденциальности с центральной категориальной оппозицией прямой / косвенной засвидетельствованности, – это грамматическая обязательность указания в сообщениях о ситуациях источников сообщаемой информации. В. А. Плунгян, характеризуя языки с грамматикализованной эвиденциальностью, подчеркивает: «“Навязывание” языковой системой обязательного указания на источник сведений о сообщаемом факте выглядит, с точки зрения носителей большинства европейских языков, весьма экзотической стратегией, тем не менее в немалом количестве языков мира эта стратегия составляет часть грамматических правил употребления глагольных форм» [Плунгян, 2011, с. 452].

Обязательность указания в сообщениях о референтных ситуациях источника сообщаемой информации, казалось бы, требует, чтобы в текстах фольклорных произведений сказитель в каждом сообщении об отдельной фольклорной ситуации отмечал, что сам он не является ее очевидцем и употреблял бы в роли сказуемого только глагольные формы косвенной опосредованной засвидетельствованности. Однако при соблюдении сказителем этих требований были бы существенно ограничены возможности фольклора.

Одним из способов разрешения данного противоречия явилось цельнотекстовое эвиденциальное маркирование всего фольклорного произведения с помощью зачина, в котором роль сказуемого (или нескольких сказуемых в развернутом зачине) выполняли в самодийских и юкагирских языках глагольные формы косвенной засвидетельствованности.

На архаичных срезах наиболее изученных и документированных самодийских языков – селькупского и ненецкого – в зачинах традиционных фольклорных произведений в сообщениях сказителя, предвещающих или начинающих повествование, широко представлены глагольные формы с суффиксами $=tp(b)=/p(b)=$ в селькупском языке и $=vy= / =my=$ – в ненецком, указывающие на косвенную засвидетельствованность сказителем ситуаций, о которых он сообщает.

Селькупская форма с суффиксом $=tp(b)=/p(b)=$ традиционно трактовалась либо как пока-

затель повествовательного (или предположительного) прошедшего времени (*praeteritum perfecti narrativum*) [Прокофьев, 1935, с. 67], либо как показатель «повествовательного прошедшего времени индикатива» с уточнением, что «с помощью форм повествовательного прошедшего времени обозначается действие, имевшее место в прошлом, и при этом подчеркивается, что описываемые события отделены от говорящего, не связаны с ним непосредственно. Благодаря последнему свойству данная временная форма широко используется в фольклорных текстах» [Кузнецова и др., 1980, с. 238]

Ненецкая глагольная форма с суффиксом $=vy= / =my=$ по сути является типологическим аналогом селькупской формы с суффиксом $=tp(b)= / =p(b)=$. Н. М. Терещенко подчеркивала: «В ненецком языке глагольное сказуемое с суффиксом $-vy / -my$ служит для выражения неочевидного действия, т. е. такого действия, свидетелем которого сам говорящий не был и о котором сообщает с чужих слов. Эта же форма сказуемого употребляется при обозначении действия, о котором говорящий узнал лишь впоследствии, и при повествовании о прошлом» [Терещенко, 1973, с. 144].

Обе указанные глагольные формы противопоставлены формам «аориста» или «неопределенного времени» индикатива, о котором Г. Н. Прокофьев писал: «Надо заметить, что формы изъявительного наклонения используются говорящим в тех случаях, когда он сообщает о том или ином действии, в совершении которого он собственноручно убедился» [Прокофьев, 1936, с. 158]. В переводе на метаязык современной лингвистики это значение прямой засвидетельствованности.

Селькупская и ненецкая глагольные формы косвенной засвидетельствованности (показатели $=tp(b)= / =p(b)=$ и $=vy= / =my=$) имеют типологические аналоги и в юкагирском языке.

В работах В. И. Иохельсона и Е. А. Крейнвича в обоих сохранившихся юкагирских языках – колымском и тундренном – тоже выделены и описаны две противопоставленные формы прямой и косвенной засвидетельствованности. Оба автора более информативно описали функции и семантику юкагирской формы косвенной засвидетельствованности с показателями $=le= / =lel(l'el)=$ в колымском диалекте и $=l'en'= / =l'an'=$ – в тундренном. У данной формы отчетливо выделены пересказывательное и инференциальное значения.

В. И. Иохельсон писал, что посредством показателя $=lel(l'el)=$ образуется «очевидное наклонение (*evidential mood*)... . Очевидное наклонение употребляется в тех случаях, когда говорится о чем-нибудь не на основании опыта самого рас-

сказчика, а лишь 1) понаслышке, 2) в виде предположения, 3) в качестве выводов, сделанных на основании известных данных, что произошло какое-то событие, 4) во сне или 5) как воспоминание о событиях, случившихся в раннем детстве рассказчика или о которых он узнал позднее» [Иохельсон, 1934, с. 174]. Е. А. Крейнович подчеркивал, что «неочевидное наклонение с показателем *=lel(i'эл)* обозначает завершённое действие, очевидцем которого сообщающий не был» [Крейнович, 1982, с. 140]. Функции же и семантика юкагирской формы прямой засвидетельствованности с нулевым показателем описаны исследователями менее информативно. Но В. И. Иохельсон отметил, что она употребляется, если сам говорящий был свидетелем ситуации, о которой он сообщает, а также при наличии у нее значения зрительного восприятия

Таким образом, глагольные формы прямой засвидетельствованности в селькупском, ненецком и юкагирских языках были противопоставлены формам косвенной засвидетельствованности, имеющим инвариантное значение «лично не засвидетельствованное прошлое».

Приведем примеры, иллюстрирующие употребление типологически сходных эвиденциальных глагольных форм косвенной засвидетельствованности в зачинах традиционных селькупских, ненецких и юкагирских фольклорных текстов:

(1) сельк.

JomBa im̄anD̄sæ il̄=mB̄a=q̄ (жить=EVID=3DU).

‘Йомпа с бабушкой своей **жили**’ [Прокофьев, 1935, с. 103].

(2) сельк.

Irakotamæqi il̄=mp̄a=qi (жить=EVID=3DU) || *sitt̄ ijat̄ e=pp̄a* (быть=EVID=3SG).

‘**Жили** старик со старухой’ ‘У них **было** два сына’ [Прокофьева, 1966, с. 415].

(3) сельк.

čumylkut ir kyd βad'em aβešpy=m̄ba=dyt (есть=EVID=3PL): *hangyn βad', n'abyn βad'er*.

‘Остяки (букв. чумулькины) раньше только мясо **ели**: глухариное мясо, утиное мясо’ [Ким, 1997, с. 188].

(4) сельк.

Mat q̄araGyt č̄ely=m̄ba=k (родиться=EVID=ISG). *Am̄b̄am, adžj̄m š̄et̄ty k̄vay=m̄ba=k̄* (ходить=EVID=3DU).

‘Я в деревне **родилась**. Отец с матерью в тайгу **ходили**’ [Сказки нарымских селькупов, 1996, с. 91, 167].

(5) нен.

Пухутяя Вэсакояха иле=вэ=хэ (жить=EVID=3DU).

‘**Жили** Старик со Старухой’ [Фольклор ненцев, 2001, с. 140, 141].

(6) нен.

Сидя тэ́та Вайхана мань ва́да=вэ=дм’ (вырастить=EVID=ISG). *Ню́дя нэ́быхыдани иле=вэ=дм’* (жить=EVID=ISG)

‘Я **выращен** двумя богатыми Ваями’ ‘С малых лет (у них) **живу**’ [Терещенко, 1990, с. 306, 307].

(7) нен.

Нероко я́хак’ хэ́хана ню́дяко мя’ тана=вы=Ø (иметься, быть в наличии=EVID=3SG) *Ва́да сю́дбабц ма́кода’ сивна ха’=мы’* (спуститься=EVID=3SG).

‘Около ивняковой речки **стоял** маленький чум’ ‘Слово-песня по дымовому отверстию в чум **спустилось**’ [Куприянова, 1965, с. 174; 182].

(8) нен.

Мань ц̄авна тарем намдадамз̄ь – няхар’’ *Хорал̄я т̄ан̄я=вы=Ø* (иметься, быть в наличии=EVID=3 SG). *Тик̄ы Хорал̄я Н̄яхар’’-Нох̄о ха́да=вы=до’* (убить=EVID=3 PL). *Тик̄ы Хорал̄яхат ц̄опой Ц̄ац̄екым’ х̄ана=вы’’* (увезти=EVID=3PL). *Н̄яхар’’ ё́нар’’ т̄ым’ х̄ана=вы’’* (увести=EVID=3PL).

‘Давно я такое слышал – **было** три Хорал̄я’ ‘Тех Хорал̄я Три-Нох̄о **убили**’ ‘От тех Хорал̄я [они] одного ребёнка **увезли** с [с собой]’ ‘Три тысячи оленей **увели**’ [Фольклор ненцев, 2001, с. 264, 265].

(9) юк.

Йаан н̄ьэмд̄ьэдиэ модо=льэл=ни (жить, сидеть=EVID=3PL), *чумут т̄эрикэл=льэл=ни* (быть женатым=EVID=3PL).

‘**Жили** три брата, все **женатые**’ [Фольклор юкагиров, 2005, с. 388, 389].

(10) юк.

Чуольэ́дьица Э́дылвэй ки́рийэ́ндьэ гө́дэк̄ лы́иэ=льэл=ул (быть=EVID=3SG). *Тудамлэ́дэ а́лайи гө́дэ нол=льэ́нь=Ø* (быть=EVID=3SG).

‘У древних людей **был** человек по имени Э́дилвэй’ ‘Сам он **был** человек [из племени] а́лайи’ [Фольклор юкагиров, 2005, с. 178–179].

(11) юк.

Маархан̄ кө́дэ кин̄ ми́рийэл=льэ́нь=Ø (иметь жену, быть женатым=EVID=3SG), *мэ́р э́ньиэ́ньиэ=льэ́нь=Ø* (иметь мать=EVID=3SG).

‘У одного человека **было** две жены, **была** мать’ [Фольклор юкагиров, 2005, с. 366, 367].

(12) юк.

Кид-уо́лиэ су́кидь-э́вриэ́нул=льэл=ни (брести=EVID=3PL).

‘Двое детей **брели** по тундре’ [Фольклор юкагиров, 2005, с. 358, 359].

(13) юк.

Иркин йалбилгэ нингэй омниик эдьут мадаа=льэл=чил (жить, сидеть=EVID=3PL). Тэтчиэпэлэк, ньужуоодооонпэлэк, поооодооонпэлэк таа модо=льэл=чил (жить=EVID=3PL).

‘На одном озере **жило** много людей [букв. живя сидели]’ ‘Там **жили** богатые [люди], бедные [люди], сироты’ [Фольклор юкагиров, 1989, с. 20–21].

Обращает на себя особое внимание, что в примере (4) в зачине употреблена селькупская форма косвенной засвидетельствованности *челы=мба=к* ‘я родилась’, несмотря на то, что речь идет о самоочевидном несомненном факте собственного рождения. Употребление функционально-семантически сходной глагольной формы в юкагирском колымском языке объяснил В.И. Иохельсон: «‘Я родился’ – переводится *met u=lel=ʒe* (а не *ū=ʒe*), так как никто не может быть свидетелем своего рождения [Иохельсон, 1934, с. 147].

Приведенными примерами подтверждается наличие типологических параллелей в зачинах самодийского и юкагирского фольклора.

Важно также отметить, что цельнотекстовое эвиденциальное маркирование с помощью зачинов с глагольными формами косвенной засвидетельствованности позволяло сказителям в дальнейшем изложении фольклорного произведения употреблять индикативные формы прямой засвидетельствованности, несмотря на то, что сами сказители не являлись непосредственными свидетелями фольклорных ситуаций.

При анализе ненецких традиционных фольклорных текстов прослеживается еще один способ преодоления противоречия между потребностями живого творческого повествования и сковывающими такое развитие особенностями грамматических систем, детерминированных грамматикализованной категорией эвиденциальности.

Так, в наиболее архаичных документированных ненецких эпических песнях наряду с эвиденциальными формами косвенной засвидетельствованности наблюдается феномен введения внутрь фольклорного произведения постоянного свидетеля всего происходящего – особого персонажа, одушевленного и активного, названного Н.М. Терещенко «Сказом» [Терещенко, 1990, с. 25]. Его свидетельства интерпретируются как источники сведений сказителя о фольклорных ситуациях. Сами же эти ситуации предстают как засвидетельствованные «Сказом».

Сакральный свидетель фольклорных ситуаций – «Сказ», от лица которого преимущественно ведется повествование в ненецком эпосе, на документированных срезах имеет разные наименования: в зауральских, т.е. в собственно сибирских диалектах, сказители его называли «Мэнико» или «Мынеко», в приуральских северноевропейских диалектах ненецкого языка «Сказ» называли «Вада-сюдбабц» или «Вада-ярабц» в зависимости от жанра эпоса. Нередко первый компонент «вада» (‘слово’) удалялся сказителями и именовался просто «Сюдбабц» или «Ярабц», совпадая в таких случаях с народными названиями эпических песен того или иного жанра.

Известно, что в фольклоре ненцев принято выделять две разновидности эпических сказаний: сюдбабц и ярабц. Н.М. Терещенко писала: «Эти термины, созданные самим ненецким народом, достаточно полно раскрывают специфику каждого из них: *сюдбабц* – сказания о великанах (от глагола *сюдбарцъ* ‘исполнять сюдбабц’; ср. сущ. *сюдбя* ‘великан’), *ярабц* – сказания о злоключениях героя (от глагола *ярцъ* ‘плакать’; ср. сущ. *яр* ‘плач’))» [Терещенко, 1990, с. 16].

В ненецко-русском словаре «Мынеко» определяется как «герой, от лица которого ведется ярабц» [Терещенко, 1965, с. 266].

Ниже следуют примеры зачинов и сообщений о событиях в ненецком эпосе, указывающие на наличие “Сказа” – одушевленного свидетеля всех фольклорных ситуаций («Мэнеко», «Вада-сюдбабц», «Сюдбабц», «Лаханако»):

(14) нен.

Мэнеко хода: ңавхавананда тикы мяд’ тер Няхар" я’ тэта.

‘Сказ определил (букв.: **нашел**): давно когда-то житель этого чума был хозяином Трех земель’ [Терещенко, 1990, с. 179; 184].

(15) нен.

Няхаркава’ по’ не хараси" илеңо. Не иле ңани’, мынекода харасяда ян’ хая.

‘Три-то года женщина спокойно (букв.: без случаев) живет’ ‘Женщина-то живет, а **сказ** ее в неизведанную дальнюю сторону **ушел**’ [Терещенко, 1990, с. 160; 168].

(16) нен.

Еся мад’ня’ мынекоми хая.

‘Сказ пошел к железному чуму’ [Терещенко, 1990, с. 91; 105].

(17) нен.

Арка то’ вархана си’ив ю’ мя’. Вада-сюдбабц ма: “Няр Носитэта си’ив ю’ мя”.

‘На берегу большого озера семьдесят чумов’ **‘Слово-песня сказало:** “Семьдесят чумов Трех Носитэта” [Куприянова, 1965, с. 199; 204].

(18) нен.

Сюдбабц хось тибей лаңота то’ сяд’ ниня цопой мядекоця. Тикы мядекоцяхана цопой пухуця илевы. Нопой пухуця’сидя нюкцяда танявы.

‘Песня нашла: на гнилом крутом берегу озера один чумик, плохонький чумик’ ‘В этом чумике одна старуха’ ‘У старухи было двое детей’ [Куприянова, 1965, с. 96; 122].

(19) нен.

Вада-Сюдбабц лабта ваңг’ сер’ хылвона миңга.

‘Вада-Сюдбабц по равнине, в низинах опускаясь, то поднимаясь, **идет’** [Фольклор ненцев, 2001, с. 306, 307].

(20) нен.

Лаханако Цатекы’ няна хая. Цатекы Нисянта тотрев сив яля яда.

‘Лаханако пошло с Ребенком’ ‘Ребенок шагал, как и Отец, семь дней’ [Фольклор ненцев, 2001, с. 94, 95].

(21) нен.

Тад такахад Лаханако си’ ив яля сюреледа.

‘Семь дней над ним кружится Лаханако’ [Фольклор ненцев, 2001, с. 188; 189].

(22) нен.

Мальчамта, пибида харта серыда, мяканта нгэдалё хая. Лаханакор пумнанта хая.

‘Ведьма надела на себя его малицу и бакари и поехала домой на оленях’ ‘Сказка пошла вслед за ней’ [Фольклор ненцев, Красноярск, 1995, с. 106; 109].

(23) нен.

Лаханакор Ёнэй манту’ мяд’ макодан’ нгамты’’, инчеле: Ёнэй мантор мамононта:

– Неками тован’ ни харва’.

‘Села сказка на верхушку чума среднего энца и **слушает.** Средний энец, слышно, говорит:

– Мой старший брат не возвращается’ [Ненецкий фольклор, 1995, с. 107, 109–110].

Аналогичное явление наличия внутри фольклорного произведения одушевленного и активного свидетеля всех событий наблюдается также в нганасанском и энецком фольклоре. Б. О. Долгих, например, пишет: «У нганасан, как и у ненцев, и у энцев, речь рассказа (нгала) рассматривается как некая самостоятельная сущность, от лица которой иногда идет повествование. Поэтому в нганасанском фольклоре встречаются такие выражения: «Теперь слово ушло от него...» или «Слово крутится над чумом и село на него» и т. д. Этот прием позволял рассказчику переходить от

одного героя (или группы персонажей) к другому (к другой группе), менять место действия, давать предварительное описание обстановки и т. д.» [Долгих, 1976, с. 16]

С наличием внутри фольклорных произведений самодийцев одушевленного персонажа – непосредственного свидетеля событий – связано, вероятно, и неожиданное переключение сказителем с повествования от третьего лица на повествование от первого лица в ненецких и селькупских фольклорных произведениях. А. И. Кузнецова, анализируя речевые акты в фольклорных текстах тазовских селькупов, заметила: «В некоторых сказках повествование, ведущееся сказочником, неожиданно начинает вестись от лица героя, а затем снова сменяется на рассказ от лица повествователя» [Кузнецова, 1987, с. 35].

Подобное переключение означает, что одушевленный свидетель происходящих событий способен отождествляться с героями фольклорных произведений и в диахронической ретроспективе понимался, по-видимому, как дух-помощник сказителя, подобно духам-помощникам шаманов.

В заключение подчеркнем: употребление в зачинах самодийского и юкагирского фольклора типологически сходных эвиденциальных глагольных форм косвенной засвидетельствованности для указания на личную незасвидетельствованность сказителем содержания всего фольклорного произведения в целом, а также наличие внутри фольклорных произведений самодийцев особого одушевленного персонажа – свидетеля происходящих событий – мы рассматриваем как исторически выработанные в традиционном фольклоре самодийцев и юкагиров средства преодоления обязательности указания источников информации в языках с грамматикализованной эвиденциальностью.

Выработка этих средств позволила сказителям свободно употреблять в повествовании индикативные формы прямой засвидетельствованности, несмотря на то, что сами сказители не являлись непосредственными свидетелями фольклорных ситуаций и в соответствии с грамматической обязательностью должны были употреблять только формы косвенной засвидетельствованности.

Литература

Сказки нарымских селькупов / В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер [и др.]. Томск: Изд-во НТЛ, 1996. 187 с.

- Долгих Б.О.** Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М.: Наука, 1976. С. 7–35.
- Иохельсон В.И.** Одульский (юкагирский язык) // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 149–180.
- Ким А.А.** Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: ТГПУ, 1997. 219 с.
- Крейнович Е.А.** Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 302 с.
- Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.** Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: МГУ, 1980. 407 с.
- Кузнецова А.И.** Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Строй самодийских и енисейских языков. Томск: ТГПИ, 1987. С. 31–39.
- Куприянова З.Н.** Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.
- Ненецкий фольклор.** Мифы, сказки, исторические предания / сост. К.И. Лабанаускас. Красноярск: Таймырский окружной центр народного творчества, 1995. 222 с.
- Плунгян В.А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Прокофьев Г.Н.** Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.
- Прокофьев Г. Н.** Самоучитель ненецкого языка. М.-Л.: Учпедгиз, 1936. 184 с.
- Прокофьева Е.Д.** Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 396–415.
- Терещенко Н.М.** Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
- Терещенко Н.М.** Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.
- Терещенко Н.М.** Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. 336 с.
- Терещенко Н.М.** Введение // Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. С. 5–40.
- Фольклор ненцев.** Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.
- Фольклор юкагинов Верхней Колымы:** Хрестоматия. Ч. I. Сказки. Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 1989. 160 с.
- Фольклор юкагинов.** М.: Новосибирск: Наука, 2005. 587 с.
- Folklor yukagirov Verkhnei Kolymy:** Khrestomatiya. Ch. I. Skazki. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo gosuniversiteta, 1989. 160 pp.
- Folklor yukagirov.** Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2005. 587 pp.
- Folklor nentsev.** Novosibirsk: Nauka, 2001. 504 pp.
- Iohelson V.I.** Odulskii (yukagirskii yazyk). In: Yazyki i pismennost narodov Severa. Ch. III. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1934. Pp. 149–180.
- Kim A.A.** Ocherki po selkupskoj kultovoi leksike. Tomsk: TGPU, 1997. 219 pp.
- Kreinovich E.A.** Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku. Leningrad: Nauka, 1982. 302 pp.
- Kupriyanova Z.N.** Yepicheskie pesni nentsev. Moscow: Nauka, 1965. 782 pp.
- Kuznetsova A.I.** Rechevye akty v skazkakh tazovskikh selkupov. In: Stroi samodiiskikh i eniseiskikh yazykov. Tomsk: TGPI, 1987. Pp. 31–39.
- Kuznetsova A.I., Khelimsii E.A., Grushkina E.V.** Ocherki po selkupskomu yazyku (tazovskii dialekt). Moscow: MGU, 1980. 407 pp.
- Nenetskii folklor.** Mify, skazki, istoricheskie predaniya / Sost. K.I. Labanauskas. Krasnoyarsk: Taimyrskii okruzhnoi tsentr narodnogo tvorchestva, 1995. 222 pp.
- Plungyan V.A.** Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moscow: RGGU, 2011. 672 pp.
- Prokofev G.N.** Samouchitel nenetskogo yazyka. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936. 184 pp.
- Prokofev G.N.** Selkupskaya grammatika. Leningrad: Izd-vo Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935. 131 pp.
- Prokofeva E.D.** Selkupskii yazyk. In: Yazyki narodov SSSR. T. III. Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 396–415.
- Tereshchenko N.M.** Nenetskii epos. Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam. Leningrad: Nauka, 1990. 336 pp.
- Tereshchenko N.M.** Nenetsko-russkii slovar. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965. 942 pp.
- Tereshchenko N.M.** Sintaksis samodiiskikh yazykov. Leningrad: Nauka, 1973. 323 pp.
- Tereshchenko N.M.** Vvedenie. In: Nenetskii epos. Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 5–40.

Список условных обозначений и сокращений

EVID – эвиденциальный показатель;
 нен. – ненецкий язык;
 сельк. – селькупский язык;
 юк. – юкагирский;
 1SG – личный аффикс 1-го лица ед. числа;
 3 DU – личный аффикс 3-го лица двойственного числа;
 3PI – личный аффикс 3-го лица множественного числа;
 = – морфемный шов.

References

- Skazki narymskikh selkupov** / V.V. Bykonya, A.A. Kim, Sh. C. Kuper [i dr.]. Tomsk: Izd-vo NTL, 1996. 187 pp.
- Dolgikh B.O.** Vvedenie. In: Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 7–35.

О ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ХАКНИИЯЛИ В 2021 ГОДУ

А. С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0318-5808

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме – описанию языковой ситуации в сагайском диалекте хакасского языка – на примере хакасских сел Бейского района Республики Хакасия, которые посетили научные сотрудники ХакНИИЯЛИ в 2021 г. в рамках комплексной экспедиции института. Основными задачами экспедиции были: сбор данных о носителях сагайского диалекта хакасского языка; выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания сагайцев; запись образцов звучащей речи носителей сагайского диалекта на электронные носители; комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей сагайского диалекта и создания электронного корпуса текстов на данном диалекте. Автор представил краткие сведения о характерных лексических особенностях сагайского диалекта хакасского языка. Приведены статистические данные о степени употребления сагайского диалекта в общении между его носителями, также отношение самих сагайцев к перспективам сохранения диалекта. Сделана попытка анализа причин сужения языковой среды в местах проживания носителей сагайского диалекта. Также приведены примеры разговорной речи некоторых информантов, записанной на диктофон. В качестве исследовательской задачи была рассмотрена роль языковой среды в деле приобщения подрастающего поколения к изучению родного языка и культурного наследия хакасов. Определены основные моменты утраты младшим поколением хакасов их родной диалектной речи.

Ключевые слова: языковая ситуация, сагайский диалект, опрос, хакасский язык, анкетирование, функционирование, респонденты.

ON THE LANGUAGE EXPEDITION OF KHAKASS RESEARCH INSTITUTE FOR LANGUAGE, LITERATURE, AND HISTORY IN 2021

A. S. Kyzlasov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0318-5808

The article is devoted to an urgent problem – the description of the language situation in the Sagaic dialect of the Khakass language – on the example of Khakass villages of the Beya District of the Republic of Khakassia, which were visited by research fellows of KhRILLH in 2021 as part of a comprehensive expedition of the Institute. The main tasks of the expedition were: collecting data on native speakers of the Sagaic dialect of the Khakass language; identifying and describing the language situation in the areas of Sagai compact residency; recording samples of sounding speech of native speakers of the Sagaic dialect on electronic media; a comprehensive collection of materials for the scientific description of the current state and features of the Sagaic dialect and the creation of an electronic corpus of texts in this dialect. The author presented brief information about the characteristic lexical features of the Sagaic dialect of the Khakass language. The article provides statistical data on the degree of use of the Sagaic dialect in communication between its speakers, as well as the attitude of the Sagaians themselves to the prospects of preserving the dialect. An attempt is made to analyze the causes of the narrowing of the language environment in the places where speakers of the Sagaic dialect live. Examples of some informants' colloquial speech, recorded on a dictaphone, are also given. As a research task, the role of the language environment in attracting the younger generation to the study of the Khakass' native language and cultural heritage was considered. The main points of the younger Khakass generation's loss of their native dialect speech are determined.

Keywords: language situation, Sagaic dialect, survey, Khakass language, questionnaire, functioning, respondents.

В рамках выполнения государственного задания «Изучение языковой ситуации в местах компактного проживания коренного населе-

ния» Министерства образования и науки Республики Хакасия научные сотрудники секторов языка, истории ХакНИИЯЛИ (Кызласов А. С.,

Белоглазов П. Е., Бурнаков А. А., Каскаракова З. Е.) с 7 по 10 сентября 2021 г. приняли участие в экспедиции в Бейский район Республики Хакасия. Основные цели и задачи экспедиции: сбор данных о носителях сагайского диалекта хакасского языка; выявление и описание языковой ситуации в районах компактного проживания сагайцев; запись образцов звучащей речи носителей сагайского диалекта на электронные носители; комплексный сбор материалов для научного описания современного состояния и особенностей сагайского диалекта и создания электронного корпуса текстов на данном диалекте. Сбор материала проводился в тех населенных пунктах, в которых проживает коренное население: д. Красный Ключ (Хызыл хара суғ аал), с. Малый Монок (Кічіг Нонып аал), с. Верх-Киндирла (Чоғархы Киндірліг аал), с. Усть-Киндирла (Киндірліг пилтірі аал), с. Маткечик (Маткичіг аал).

В течение ряда лет сектором языка Хакасии ИЯЛИ проводятся языковые экспедиции по местам проживания носителей диалектов хакасского языка, экспедиция 2021 г. является продолжением этой работы.

Хакасский язык является многодиалектным. Несмотря на относительную малочисленность его носителей в настоящее время в нем выделяется четыре территориальных диалекта: качинский, сагайский, кызыльский и шорский. Названия диалектов восходят к известным с дореволюционного времени самоназваниям этнических групп (субэтносов) хакасов: *хаастар* – качинцы (проживают в Ширинском, Усть-Абаканском и Алтайском районах), *сагайлар* – сагайцы (Аскизский, Бейский районы и северная часть Таштыпского района), *хызыллар* – кызыльцы (Орджоникидзевский район и некоторая часть Ширинского района), *шорлар* – шорцы (Таштыпский район). Число хакасских субэтносов больше, чем названо выше: на территории Хакасии и по настоящее время живут также *пилтірлер* – бельтыры и *хойбаллар* – койбалы. Однако в языковом отношении бельтыры и койбалы утратили многие специфические свои особенности, и их диалекты, как считают хакасские диалектологи, слились с соседними крупными диалектами: бельтырский с сагайским, койбалынский с качинским. В целом, хакасские диалекты и говоры разделяются на две достаточно различные группы: 1) группа шипящих диалектов, к которой относятся качинский, кызыльский, шорский диалекты, а также койбалынский говор; 2) группа свистящих диалектов, куда относится сагайский диалект и бельтырский говор. В лексическом отношении указанные диалекты имеют

как немало общего, так и довольно много отличий, которые проистекают не только из разного фонетического, фономорфологического и морфологического оформления общих лексем, но и из различий на лексемном уровне. Представим основные лексико-грамматические особенности сагайского диалекта хакасского языка.

По составу звуков фонетика сагайского диалекта не отличается от литературного языка. «Диалектную особенность представляют своеобразие артикуляции и позиционного употребления некоторых звуков, а также некоторые фонетические явления, свойственные лишь сагайскому диалекту и его говорам» [Патачакова, 1992, с. 14–19].

Например: 1) употребление [а] вместо [о] и [ö] – [пызаа] ‘теленос’, [хыраа] ‘иней’; 2) употребление [у] вместо [о] – [ун] ‘десять’, [хул] ‘рука’, [чулым] ‘моя дорога’; 3) выпадение редуцированных гласных [ы], [і], [у], [у]: [хра] вместо [хыра] ‘пашня’, [ибре] вместо [ибіре] ‘вокруг’, [түзре] вместо [түзіре] (служебное слово); 4) широкая перестановка звуков (метатеза) [палға] вместо [пағла] – “вязать”, [сахпа] вместо [сапхы] – “коса”, [үрген] вместо [үгрэн] – “учись”, [тулға] вместо [туғла] – “преграждать” и др.

В этом диалекте существует также определенный фонд слов, отсутствующий в других диалектах и литературном языке. Наиболее многочисленные слова, отличающиеся фонетическим составом. Например, [азығ] – ‘коренной зуб’ в говорах сагайского диалекта в конце слова вместо [ғ] имеет звук [й] – [азый]. В эту же группу будут входить слова [күзее] – “зять”, [тлаа] – “кочка”, [өреме] – [өріңме] / [үріңме] – “сливки”, “сметана”. Ряд слов в диалектах и в литературном языке противопоставляется морфологическим составом, как [кибір-кип] – “обычай”, “традиция”, [сур – сура] – “спрашивать”, [аллығ-алдығ] – “просторный”. Диалектные слова из сагайского, как и из других диалектов, умело используются поэтами, писателями и другими мастерами слова [Инкижекова, 1948, с. 26–39].

При создании хакасского литературного языка за основу был взят качинский диалект. Этот выбор был связан с доминирующим положением качинцев в среде интеллигенции во время появления в 1926 г. хакасской письменности. Однако на сегодняшний день произошли изменения в соотношении носителей диалектов хакасского языка. Как отмечал В. Г. Карпов «... в настоящее время жизнь хакасского языка держится главным образом на сагайцах. В тех сферах, где используется хакасский язык (газета, радио, телевидение,

школа), работают в основном носители сагайского диалекта. В последние годы на отделение хакасской филологии Института саяно-алтайской тюркологии поступают только сагайцы. Несмотря на то, что во всех школах изучается хакасский литературный язык, его устная форма до сих пор не стала разговорной нормой даже среди хакасской интеллигенции» [Карпов, 2007, с. 91].

Соотношение численности хакасских субэтносов складывается в пользу сагайцев, которые в количественном соотношении превосходят все остальные субэтноты вместе взятые. Следует также отметить, что среди качинцев и кызыльцев наблюдается самый высокий процент не владеющих родным хакасским языком и считающих родным русский язык. За прошедшие десятилетия качинцы в силу своего территориального положения (земли качинцев располагались вдоль новопроведенной железнодорожной линии Абакан-Красноярск) «более интенсивно подвергались языковой ассимиляции с русскими и в большем количестве выезжали за пределы Хакасии, что привело как к численному сокращению представителей качинского диалекта, так и говорящих среди оставшихся качинцев на хакасском языке. По переписи 1987 г. их оказалось 20,6% от общего числа хакасов, в то время как в 1820 годы они составляли 36,6%» [Карпов, 2007, с. 91].

Следует отметить, что в настоящее время диалектные различия, присутствующие в речи носителей хакасского языка, проявляются в фонетическом оформлении высказываний и лексических предпочтениях. Они продолжают оставаться объектом научных исследований и ресурсным источником развития лексической системы хакасского языка.

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации проводилось в основном путем опроса, фиксация языковых материалов – путем записи разговорной речи на электронные носители в непринужденной беседе, при связном рассказе о каких-либо событиях, при рассказывании биографии, а также произведений устного народного творчества. Языковой материал в настоящее время находится в обработке, происходит его перевод в текстовый редактор, затем будет произведен их анализ при помощи специальных лингвистических методов.

В ходе проведенной экспедиции научными сотрудниками ХакНИИЯЛИ в общем было опрошено более 30 информантов, владеющих сагайским диалектом хакасского языка в возрасте от 40 до 90 лет. В с. Красный ключ Бейского района сделали записи речи следующих носите-

лей сагайского диалекта: Байкалова Маргарита Гавриловна 1943 г.р.; Кызычакова Нина Федоровна 1955 г.р.; Тюкпиекова (Сагалакова) Нина Сергеевна 1938 г.р.; Сагалаков Александр Матвеевич 1963 г.р.; Тюкпеева (Сагалакова) Татьяна Николаевна 1954 г.р. В с. Малый Монок записали речь Тохтобина Николая Апчинаевича 1949 г.р., Тюкпиекова Петра Николаевича 1960 г.р., Сагалаковой Галины Васильевны 1969 г.р., Сагалаковой (Кочелаковой) Надежды Семеновны 1970 г.р. В с. Верх-Киндирла была опрошена Кайдачакова Нина Афанасьевна 1937 г.р. В с. Усть-Киндирла была записана речь Сагалакова Виктора Митрофановича 1954 г.р., Сагалаковой Евдокии Тарасовны 1931 г.р., Чебодаевой Светланы Владимировны 1973 г.р. В с. Маткечик информантами стали Чебодаев Максим Яковлевич 1953 г.р., Чебодаева Изольда Ивановна 1969 г.р., Таскараков Николай Михайлович 1964 г.р.

Самые пожилые информанты записаны в с. Усть-Киндирла Бейского района (Сагалакова (Янгулова) Евдокея Тарасовна 1931 г.р., Кайдачакова Нина Афанасьевна 1937 г.р.), в д. Красный ключ Бейского района (Тюкпиекова Нина Сергеевна 1938 г.р., Байкалова Маргарита Гавриловна 1943 г.р.), в с. Малый Монок Бейского района (Тохтобин Николай Апчинаевич 1949 г.р.). Участники экспедиции зафиксировали у них образцы разговорной речи на сагайском диалекте хакасского языка: рассказы о быте семьи, воспоминания о родственниках, об истории рода и т.д. Можно констатировать, что сегодня в исследуемом районе не осталось исполнителей хакасского героического эпоса, носителей хакасского фольклора, но есть люди, бывшие очевидцами исполнения алыптыг ныхахов.

Приведем образцы речи, записанной на диктофон.

Аудиозапись, записанная в с. Красный Ключ Бейского района РХ, информант Байкалова Маргарита Гавриловна 1943 г.р.

Байкалова М.Г.: *Миниң адым – Байкалова Маргарита Гавриловна. Төрөөн фамилиям – Карачакова. Мин мында төрөөм, 1943 чылда, 18 августта, амды 78 час толдыр салдым. Пу таг төзінче суғ ахчаң полган. Иң пастан пу аалды төстептір миниң улуг абам. Аның ады Карачаков Мучой полган. Ізе-пабазын сөзін истин, сыгара сүрдірібістір. Чирде полга киис чазыбысчаң, анда узучаңмыс. Кічіг Ноньпта тогыңам пастан. Пу тураны хозспособом пүдіргеннер. 58 чыл чуртап салдыбын мында. 9 харындас-ниче полгабыс.*

Прайзы даа үгретчилер полчалар. Аннаң пеер Тюкпиековтар родының кізілері килгеннер пеер. Ол түлгү фермаларында кізілер тогынчаңнар. Түлгүлер клеткаларда турчаң, таңахтары, тізең, свободно хайын чөрчеңнер. Маймахтар тікчеңнер, малларның теерілерін истечең полған. Мал соонаң теерлерін истечең полған. Минің читі пүүр роды. Аалдың агазы парох.

Аудиозапись, записанная в с. Красный Ключ Бейского района РХ, информант Тюкпиекова (Сагалакова) Нина Сергеевна 1938 г.р.

Тюкпиекова Н.С.: *Минің хыс фамилиям полған Сагалакова, хада чуртаан кізімнең хада 63 чыл чуртап салгабыс, пу чыл үреен. 6 класста үгреткенде, тетям настыхтарнаң хырызыбыстыр, аннаң паза школаа парбаам. Прай чуртазымда доярка ла полгам. Прай нимені пос холларнаң идерге килісчең: холнаң сагчаңмыс пастап, арыглачаңмыс, азых тастачаңмыс, тайгадаң одың тартарга поэзыбызох чөрчеңміс. Хармачыда мал тутчаңнар. Колхоз аттар полчаңнар, сеять полчаңнар, прай атмың первай майга, хыра тогызын тоозыбысса, үлүкүн итчеңнер. Колхозтың ады «Пятилетка» полчаң. Амды прай хырларды паайларга пирибіскеннер. Ол туста чон ынаг полған, ам тура нимелер итчетсе, прай полысчаңнар, ахча нимелер полбаңаң. Алтон чылларда совхозха кіргенде, ахча көр сыххабыс, чаа тузында, анаң соонча тамахнаң санасчаңнар.*

Аудиозапись, записанная в с. Красный Ключ Бейского района РХ, информант Сагалаков Александр Матвеевич 1963 г.р.

Бурнаков А.А.: Мискелер пар ба ?

Сагалаков А.М.: *Я. Мында хазың мискезі пар. Тиин хады парох. Палыхтабинчабыс. 90 чылларда агас тогынган чирде ноңных, тиин хады тееріп алчаңмыс. Ам агас прай өзібістір. Хазыңнар, харагайлар, ос агастар. Андада прай мыннаң на тееріп алчаңмыс.*

Кызласов А.С.: Пу таг хайди адалча?

Сагалаков А.М.: *Крестіг таг адалча. Мында, таң, крес полған ма, пу пазында.*

Кызласов А.С.: *Андар пазырарга чөрчеңнер бе? Кем аны тургысхан?*

Сагалаков А.М.: *Я, андар пазырарга чөрчеңнер, наңмыр ние үр чох полыбысса, тайыг идерге. Ам ол турбинча. Іліг ілчең чирлер пар. Той, Троица килчетсе, чол азых ползын тіп, іліг ілчелер сында.*

Бурнаков А.А.: *Сірер аңнап чөрчезер бе?*

Сагалаков А.М.: *Чох, маң чоғыл ам. Ибде хайынарға кирек.*

Бурнаков А.А.: *Таг ээзі нимелерге киртінчезер бе?*

Сагалаков А.М.: *Пар, тіпчелер, піс харындастарымнаң хада, тайга чирінзер парза, пірее, от одынып, хазың төзінде чічең ние артыс салчабыс, піске пірее үлүс пирзін тіп.*

Аудиозапись, записанная в с. Малый Монок Бейского района РХ, информант Тохтобин Николай Апчинаевич 1949 г.р.

Тохтобин Н.А.: *Мында төреем, мындох школаа паргам. 1968 чылда, школань тоосханда, трактористке үгреткем. 1970 чылларда художественной школада үгреткем, свидетальстволар пар, че тогын полбаам, абам-ичем киирлер полганнар. Ичем-набамның 15 пала полтыр, төртелең не халгабыс, ам ікелең не халгабыс. Ипчим сигіс пала тапхан, улии 37 частыгда үреен, үзелең халган, пір оол, ікі хыс. Хозяйствода сосхалар пар, ікі инек саап алчабыс. Читче піске, прастас, творог, таңахтар тутчабыс, өртең, хас чоғыл. Хой хадарарга надо, хой тутпинчабыс. Огород одыртчабыс.*

Бурнаков А.А.: *Аңнар мында пар ба?*

Тохтобин Н.А.: *Я, морсыхтар, кииктер, тииннер, абалар даа пар. Мында палаткаларда Абаканнаң килгеннерні хуйдырган. Могильникке килген полар ирте часхыда.*

Кызласов А.А.: *Хайдаг агастар өсчелер мында?*

Тохтобин Н.А.: *Хазыңнар, нымырт агастар, харагайлар парох, сала оортах арах таллар даа пар.*

Кызласов А.А.: *Туган-чагыннарыңны хайди адапчазар?*

Тохтобин Н.А.: *Күйім, тайым, ачам, чистем, худагайларны, сваттарны. Ирте ічемнің харындазы полған, Хат алчаң ады, кличказы. Ікі хыс полған, ікі оол үреглең парганнар. Ортын оолгы ГАИ-де тогынган, Нербышев. Тайымның пір хызы Ново-стройкада үреен, улии тоже үреен. Суг хоостыра чуртапчатхан Усть-Кандырла ба. Ам Тюкпиеков абазының туңмазы. Чылгы хадарчатхан полтыр.*

Аудиозапись, записанная в с. Верх-Киндирла Бейского района РХ, информант Кайдачакова Нина Афанасьевна 1937 г.р.

Кайдачакова Н.А.: *Мин төреем 1937 чылда, 9 февраль айда, Усть-Абаканский район, станция Капчалыда. Сагам магаа 84. Абам тимір чолда тогынган. Мин Хапчылда 7 чыллыг школада мын-*

дох үргенгем, аны тоозып, Агбанзар көскебін. Анда педучилищеде тоос салып, анаң мындар ыстырыбысхам. Пабам партийнай полган, пір часха даа пірее чирзер парчатса, сыгдыратчаңнар, чарабас полган үрге парыбызарга. Пабам чоохтаан чили, мында одыр халгам. Военизированной тус полган. Пір часха даа тимір чолдаң хыйа парыбызарга чарабас полган. Мин, пеер килип, паза мында ла тогын салгам. Ол туста пала илееде полчаң. Пастагы класста тогынчатханда, пастагы класста чибіргіңе пала полчаң. Ол тустаң сыгара орыс тілін апарчаңмын, тетрадьтар даа чох полчаң. Прай класстарны апарчаңмын. Ол палалар ам даа, тоғас парзалар, сірерні көр салзабыс, «русский» тіңеңнер. Мин – заслуженнай учитель РСФСР. Ирге парыбысханда, мында ла чуртап салгам. Палалар прайзы Агбанзар парыбысханнар. Пизөлең, палалар Агбандалар прайзы. Минің родым харга теен пабам, Кокова. Аал улуг полган, малда тогынган, ир чоны прай механизаторлар полганнар. Минің хада хонганым механизатор полган.

Аудиозапись, записанная в с. Усть-Киндирла Бейского района РХ, информант Сагалакова Евдокея Тарасовна 1931 г.р.

Сагалакова Е.Т.: Минің туңмамны Кея тіп адаптырлар. Евдокия тіп полбин, Кея адап алганнар. Аалдагылар іди адап алганнар мині. Пір туңмам, Семён Сагалаков, үреен, пір туңмам мында одырча. Сарыгларбыс. Сарыг тал пөзік өсче, іскечектер, аның хастырыхтары сарыг, хара тал чамызах, тарбахай өсче. Кічигде тооны чүрегібіс ағырғанча чіп алчаңмыс. Абам тракторист полган. Көмес пайка пирчеңнер минің пабама, ол тогынган, чаа тузында үзөлең халгабыс, Петя туңмам паза Соломон, минің ачам, мин оларны нянчить полчам, ічем хараадаң хараага теере тогынча, пір отара хой полган все равно, ічем ікі атнаң от тартчаң, тігі алты километр ол тігі заимканаң. Мин үргенмеен, чаа тузында туңмаларымны алгам, пір туңмам, Петр Тарасович, чаа тузында төреен, нянчить полгам, ічем тогынчаң. Пірсі мында чуртапча. Соломон ады полган. Пірсі үгретчі полган, харагы уйан полып, чаазар апарбааннар. Ипчізі больницада, мындар ағыл салча. Абам чаадаң айланганда, нис пала полгабыс. Станциязар теткамзар парыбысхам. 1961 чылдох станциязар парыбысхам. Вагоннай

депода колеснай цехта тегілектер чугчаңмыс. 1964 чылдох кізее паргам, ол Горькийдең килген хазах полган, үс пала таап алгам. Пір оолгымнаң хада чуртапчам. Пір оолгым үреен, мотоциклга саайлан парган. Иң улуг оолгым, Валера, станцияда төреен. Хызым пасха чирзер парыбысхан, чуртапча Красноярскта [Полевые материалы экспедиции].

Основной целью социолингвистического анкетирования было выявление языковой ситуации в селах компактного проживания носителей диалекта. Анкетируемым респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов. Основные из них представлены ниже в таблицах.

Данные, полученные в результате опроса сагайцев в селах Бейского района Республики Хакасия

В ходе бесед с нашими информаторами (по данной теме специально опрошено 30 хакасов) сложилась следующая картина. Около 97% опрошенных нами хакасов заявили, что родным языком для них является хакаский. 15% респондентов считают родным хакаский и русский языки. Уровень владения родным языком выразился в том, что 100% респондентов свободно разговаривают на родном языке. На вопрос «Знают ли ваши дети хакаский язык?» были получены данные, что свободно говорят, пишут и читают 83% детей, говорят, могут изъясняться на бытовом уровне – 10%.

Большинство из опрошенных (83%) при общении дома используют хакаский язык, только лишь 17% используют в этом случае оба языка, в кругу своих родных, друзей, соседей говорят только на хакасском языке 67%, на хакасском и русском языках – 33%. В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакаский язык не используется. На хакасском языке на работе с коллегами говорят 57%, на хакасском и русском языках – 47%. В общественных местах 27% опрошенных говорят на хакасском языке, 70% хакасов говорят на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 3% опрошенных.

Для наглядности приводим результаты тестирования в таблицах [Материалы анкетирования экспедиции]. Данные представлены в процентах.

Таблица № 1

Насколько хорошо Вы знаете хакасский язык?

Очень хорошо знаю хакасский язык	29	97
Не очень хорошо знаю хакасский язык	1	3
Плохо знаю хакасский язык	0	0
Не знаю хакасского языка	0	0

Таблица № 2

На каком языке Вы общались в детстве?

На хакасском языке	26	85
На русском языке	0	0
И на хакасском, и на русском языках	4	15

Таблица № 3

Изучали ли Вы хакасский язык?

Да, изучал в начальной школе	21	35
Да, изучал в основной школе	23	38
Да, изучал в училище, колледже, техникуме, институте, университете и т. д.	14	23
Да, изучал на курсах хакасского языка (в том числе, платно)	2	4
Нет, не изучал	0	0

Таблица № 4

Ваши родители владеют (владели) хакасским языком?

Да, оба родителя знают (знали) хакасский язык	29	97
Хакасский язык знает (знал) только один из родителей	1	3
Нет, мои родители не знают (не знали) хакасского языка	0	0
Затрудняюсь ответить	0	0

Таблица № 5

На каком языке Вы общаетесь в общественных местах?

На хакасском языке	8	27
На русском языке	1	3
И на хакасском, и на русском языках	21	70
Затрудняюсь ответить	0	0

Таблица № 6

Какой язык Вы считаете родным?

Хакасский язык	29	97
Русский язык	0	0
И хакасский, и русский язык	1	3
Никакой язык не считаю родным	0	0

Таблица № 7

Что для Вас значит понятие «родной язык»?

Язык, на котором я думаю	24	32
Язык, который я лучше знаю	13	17
Язык, на котором чаще разговариваю	15	20
Язык моих родителей	23	31

Таблица № 8

Насколько важно сохранить хакасский язык?

Очень важно сохранить его для будущих поколений	30	100
Наверное, это важно	0	0
Это абсолютно неважно, поскольку в жизни можно обойтись без хакасского языка	0	0

Таблица № 9

Какие пути и способы сохранения хакасского языка необходимы?

Необходимо сделать обязательным изучение языка в детском саду, школе, университете	29	62
Необходимо сделать обязательным знание языка при поступлении на госслужбу	13	28
Необходимо, чтобы все новости (телевидение, радио, газеты, Интернет) были на хакасском языке	4	9
Общение в семье	1	1

Экспедиция ХакНИИЯЛИ 2021 г., проведенная в Бейском районе Республики Хакасия, выявила, что большинство носителей сагайского диалекта хакасского языка общаются на своем диалекте дома и в общественных местах, но их дети чаще используют в повседневной речи русский язык. Хотя в школе дети изучают хакасский язык и разговаривают со своими сверстниками на своем родном языке, на улице они предпочитают использовать русский язык. Такая тенденция наблюдается во всех селах, где проживают коренные жители. Одна из причин такой ситуации – это обучение детей на русском языке, вещание на телевидении и радио, Интернет-ресурсы на русском языке. Заставить детей говорить только на хакасском языке трудно, так как родители порой также забывают разговаривать с детьми на родном языке и переходят к общению на русском языке. Уровень владения хакасским языком у опрошенных нами носителей сагайского диалекта оцениваем как достаточно высокий: в семье, с родственниками, на работе, в общественных местах общение происходит на родном языке.

По мнению В.М. Алпатова, «...языковая ситуация в России, сохраняя многие черты недавней исторической эпохи (безусловное господство и высокую престижность русского языка, без которого во многих сферах просто

невозможно обойтись; широкое общение между людьми разных национальностей, как правило, требующее знания русского языка; развитые литературные традиции на ряде малых языков и др.), кое в чем меняется вследствие распространения рыночных отношений. Эти отношения в большинстве случаев стихийно усиливают роль русского языка, все более оттесняя малые языки в бытовую сферу. Противостоять этому оттеснению может только целенаправленная языковая политика, которая у нас развита чрезвычайно слабо» [2005].

Собранные исследователями комплексные материалы могут быть использованы как один из важнейших источников по истории формирования хакасского языка, пополнения базы современного литературного языка диалектизмами в условиях современных общественно-политических преобразований. Научная обработка собранных записей звучащей речи позволит ввести в тюркологию ценную информацию по диалектам хакасского языка.

Литература

Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России // <http://philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm?ysclid=kzlip34fbx> (Дата обращения: 12.05.2022).

Карпов В.Г. Проблема сохранения хакасского языка как основы духовной культуры хакасского этноса // В.Г. Карпов К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. 144 с. С. 88–93.

Инкижекова А.И. Сагайский диалект хакасского языка: дисс. ...канд. филол. наук. М., 1948. 232 с.

Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан: УПП «Хакасия», 1992. С. 14–19.

Полевые материалы языковой экспедиции ХакНИИЯЛИ 2021 г. РФ ХакНИИЯЛИ. Я-4, Оп-2, Д-2234.

References

Alpatov V.M. Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoi Rossii. In: <http://philology.ru/linguistics1/>

alpatov-05.htm?ysclid=kzclip34fbx (Accessed: 12.05.2022 g.).

Inkizhekova A.I. Sagaiskii dialekt khakasskogo yazyka: diss. ...kand. filol. nauk. Moscow, 1948. 232 pp.

Karpov V.G. Problema sokhraneniya khakasskogo yazyka kak osnovy dukhovnoi kultury khakasskogo etnosa. In: V. G. Karpov K 80-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti. Abakan: Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2007. 144 pp. Pp. 88–93.

Patachakova D.F. O roli dialektov v formirovanii natsionalnykh osobennostei khakasskogo yazyka. In: Khakasskaya dialektologiya. Abakan: UPP «Khakasiya», 1992. Pp. 14–19.

Polevy materialy yazykovoi ekspeditsii KhakNIIYaLI 2021 g. RF KhakNIIYaLI. Ya-4, Op-2, D-2234.

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.005

УДК 81.2.2

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МОДУС-ДИКТУМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРОКСКОГО И НАНАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.В. Озолия

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: siblang@philology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3749-816X

Статья посвящена анализу способов и средств выражения модус-диктумных отношений в тунгусо-маньчжурских и русском языках. Модус и диктум выступают как компоненты семантической структуры предложения, причем, смысл сообщения определяется не только номинативным, но и модальным планом, который в сравниваемых языках реализует модус, выражаемый в модальных глаголах, указывающих на определенный способ обработки информации. Основные отличия связаны с выражением диктума (пропозиции). В тунгусо-маньчжурских языках для выражения модус-диктумных отношений используются преимущественно монопредикативные структуры, в которых диктум оформляют посессивные конструкции с отглагольными именами («формами вторичной предикации»), тогда как в русском эти отношения выражаются изосемическим способом через полипредикативные конструкции (сложноподчиненные предложения, в которых зависимая маркируется аналитическим средством связи – подчинительным союзом). Стратегии выражения модус-диктумных отношений в каждом языке определяются его лексическими, грамматическими и синтаксическими особенностями. К таким особенностям в тунгусо-маньчжурских можно отнести отсутствие союзов – они не сформированы в большинстве языков, что ограничивает возможности присоединения диктумной части аналитическим средством связи, а также наличие морфологической категории посессивности, обслуживающей имена существительные (в русском притяжание носит лексико-синтаксический характер), что позволяет оформлять посессивные конструкции с падежными формами причастных субстантивов, семантически эквивалентные изъяснительным придаточным, и при широко распространенной грамматической омонимии безошибочно устанавливать принадлежность слова к грамматическому классу в составе предикативной конструкции.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, орокский язык, нанайский язык, семантическая структура предложения, модус-диктумные отношения, способы выражения, монопредикативная конструкция, полипредикативная конструкция.

FEATURES OF EXPRESSING MODUS-DICTUM RELATIONS IN THE MANCHU-TUNGUS LANGUAGES (BASED ON THE MATERIAL OF THE OROK AND NANAI LANGUAGES)

L. V. Ozolinya

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: siblang@philology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3749-816X

The article is devoted to the analysis of ways and means of expressing modus-dictum relations in the Tungusic and Russian languages. The modus and the dictum act as components of the semantic structure of a sentence, whereas, the meaning of a message is determined not only by the nominative, but also by the modal plan, which, in the compared languages, is implemented by the mode expressed in modal verbs indicating a certain way of processing information. The main differences are related to the expression of the dictum (proposition). In the Manchu-Tungus languages, monopredicative structures are mainly used to express modus-dictum relations, in which the dictum is formed by possessive constructions with verbal names ("forms of secondary predication"), whereas in Russian these relations are expressed in an isosemic way through polypredicative constructions (complex sentences in which the dependent is marked by an analytical means of communication – a subordinate conjunction). The strategies of expressing modus-dictum relations in each language are determined by its lexical, grammatical and syntactic features. The absence of conjunctions in Manchu-Tungus can be related to such features – they are not formed in most languages, which limits the possibility of attaching the dictum part by an analytical means of communication, as well as the presence of a morphological category of possessiveness serving nouns (in Russian, possessiveness is lexical and syntactic), which makes it possible to formalize possessive constructions with case forms of participial substantives, semantically equivalent to explanatory adjuncts, and with widespread grammatical homonymy to establish unmistakably the belonging of a word to a grammatical class as part of a predicative construction.

Keywords: Manchu-Tungus languages, Orok language, Nanai language, semantic structure of the sentence, modus-dictum relations, ways of expression, monopredicative construction, polypredicative construction.

Сопоставление стратегий выражения модус-диктумных отношений в языках типологически различных систем – полуагглютинативных орокском и нанайском и флективном русском – обусловлено, в первую очередь, тем, что именно русский выступает как язык межнационального общения, определяющий процессы адаптации национальных языков к современным условиям. «Пропозиция, модус и диктум представляют интерес как часть реализации национального коммуникативного поведения, поскольку избираемая для коммуникации пропозитивная структура, модальность и способы ее номинации обладают определенными этнокультурными чертами в силу отражения различными языками собственных имманентных предпочтений в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации» [Седых, 2008, с. 3]. Данная статья посвящена преимущественно описанию способов выражения модус-диктумных отношений в тунгусо-маньчжурских языках в сопоставлении с русским и установлению корреляции между ними.

Модус и диктум являются важнейшими компонентами семантической структуры предложения. Как отмечала Т. В. Шмелева, модус и диктум представляют собой два слагаемых смысла предложения [1988, с. 169]. В классическом понимании

модус – это отношение говорящего к сообщаемому, субъективный смысл, то, как нечто сообщается, диктум же – это то, что сообщается, пропозиция. Диктум всегда представлен вербально, эксплицитно, т.е. выражен словами, тогда как модус допускает вербальную невыраженность, может быть имплицитным. Но даже если высказывание представляет собой «чистый» диктум, то имплицитный модус есть всегда – это модус знания [см. Шмелева, 1994, с. 34].

Под модус-диктумными отношениями понимаются «разнообразные типы рефлексии субъекта по поводу содержащейся в высказывании информации: способ ее получения (слуховой, зрительный, чувственный и др.), характер источника информации (собственные наблюдения говорящего; информация, полученная от других лиц; умозаключение, сделанное на основе косвенных источников), ее достоверность или недостоверность с точки зрения говорящего, разнообразные типы оценки передаваемой информации и т.д.» [Кошкарева, 2005, с. 169].

Для русского языка характерно выражение модус-диктумных отношений изосемическим способом: через полипредикативные конструкции, в главной части которых содержится модусная интерпретация зависимой – диктумного

высказывания, причем, зависимая часть такого предложения маркируется аналитическим показателем связи (подчинительным союзом или союзным словом), т. е. основным синтаксическим средством передачи модус-диктумных отношений в русском языке являются сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными (изъяснительными).

Однако, как отмечала еще Н. М. Терещенко, сибирские языки допускают также «выражение сложной мысли средствами простого предложения» [1964, с. 146], т. е. модус-диктумные отношения могут находить свое выражение и в монопредикативных конструкциях.

Тунгусо-маньчжурские языки не являются в этом плане исключением. Основным средством выражения модус-диктумных отношений в них остаются монопредикативные конструкции, в которых диктум (пропозиция) оформляется посессивной конструкцией с «причастным субстантивом в падежной форме» [Суник, 1962, с. 204].

Поскольку модус интерпретируется как отношение говорящего к пропозиции, он выступает как «модальная рамка высказывания», когда смысл сообщения определяется не только номинативным, но и модальным планом. Для выражения субъективной модальности в простых предложениях с дополнениями (посессивными конструкциями с определяемым в форме аккузатива) в тунгусо-маньчжурских языках, как и в сложноподчиненных с придаточными изъяснительными в русском, используются модусы, характеризующие определенные отношения: сенсорные, эмоциональные, знания прогностического плана и др., т. е. в первую очередь, это лексические единицы, обозначающие различные возможности получения или передачи информации [Кошкарева, 2005, с. 168, 170], а также способы обработки этой информации. Основными способами обработки полученной информации являются:

1) вербальный (использующий лексемы с семантикой речи, авторизующие высказывание, указывающие на авторство определенного лица: *ун-* ‘сказать, говорить’; *тэлуну-* ‘рассказать, повествовать’; *алдури-* ‘сообщить новость, пересказать, передать на словах’; *алау-/аллав-* ‘прочитать’, *нури-* ‘написать’ и др.);

2) когнитивный («дешифрующий» лексические единицы ментальной семантики: *сā-* ‘знать, узнать’; *сāду-* ‘сообразить, догадаться’; *морочи-/мурутчи-* ‘думать, придумать’; *боддо-/бодо-* ‘сообразить, решить’ и др.);

3) чувственный (лексемы с семантикой восприятия органами чувств: *итэ-/ичэ-* ‘видеть,

увидеть’; *иттэв-* ‘посмотреть, рассмотреть’; *долдолзи-/долди-* ‘слышать, услышать’ и др.);

4) экспрессивно-вербальный (уточняющий и «раскрывающий» лексемы эмотивной семантики, эмоционального самовыражения и эмоционального воздействия: а) лексика, обозначающая эмоции; б) лексика, выражающая эмоции; в) лексика, описывающая эмоции).

Практически для выражения модус-диктумных отношений могут быть использованы любые языковые средства: лексические, морфологические и синтаксические. Однако в языках различной типологии (например, агглютинативных и флективных) эти средства не всегда находят соответствия, синтаксическая структура предложения и грамматический статус морфологических единиц, привлекаемых для выражения эквивалентных смыслов, могут не совпадать. Как отмечает Н. Б. Кошкарева на материале уральских языков, «эквивалентом русского изъяснительного предложения в них являются монофинитные полипредикативные конструкции (далее ППК), зависимая часть которых содержит инфинитную форму глагола (причастие или имя действия). Круг передаваемых изосемических конструкциями отношений в хантыйском и ненецком уже, чем в русском, так как в них, кроме ядерных способов выражения модус-диктумных отношений, представлены и другие ППК, каждая из которых специализируется на выражении частных типов модус-диктумных отношений» [2005, с. 171].

1. Монопредикативные конструкции модус-диктумной семантики

Для передачи основных модусных смыслов в тунгусо-маньчжурских языках используются преимущественно монопредикативные структуры, в которых позицию предиката заполняет глагол модусной семантики в финитной форме, диктумная часть оформляется посессивными конструкциями с дополнениями, выраженными инфинитными формами глагола, причастными субстантивами в форме винительного падежа (такая притяжательная конструкция семантически эквивалентна изъяснительному придаточному сложноподчиненного предложения русского языка).

1.1. Монопредикативные конструкции с дополнениями

Именно монопредикативные конструкции, в которых позицию предиката заполняет модус-

ный глагол в финитной форме, являются основным средством передачи модус-диктумных отношений в тунгусо-маньчжурских языках. В функции сказуемого обычно используются глаголы следующих лексико-семантических групп:

1) устной речи, например:

(1) Орок. *Пурил дукутаккери нэногоччэри эничилтэккери алдурречи амичилбари исухамбачи.*

пури=л дуку=такке=ри
дети=Pl дом=Lat-Dat=RefPl

нэно=гоччэ=ри

прибежать=CV3=PossRefPl

эни=чил=тэкке=ри алду=ре=чи

мать=Lat-Dat=RefPl сообщить новость=Pres=3Pl

ами=чил=ба=ри

отец=Pl=Acc=PossRefPl

ису=хам=ба=чи

возвращение=Acc=Poss3Pl

‘Дети, прибежав домой, сообщают своим матерям новость, что их отцы возвратились’ (букв. сообщают новость о возвращении своих отцов) (Архив Новиковой, 2).

2) восприятия, например:

а) зрительного:

(2) Орок. *Татала нэнухэндучи нари гевливани итэуэчи.*

татала нэнухэн=ду=чи нари
оттуда отплытие=Lok=Poss3Pl человек
гевли=ва=ни итэ=гэ=чи

гребля=Acc=Poss3Sg видеть=Past=3Pl

‘Когда оттуда отплыли, они увидели, что гребут люди’ (букв. при их оттуда отплывании они увидели греблю человека) (Архив Озолины, 4).

(3) Нан. *Ми ичэи хайва-да си нируйвэси.*

Ми ичэ=и хайва-да
Я=N/1Sg видеть=Pres-1Sg что-то=Acc

си нируй=вэ=си

твой написание=Acc/Poss2Sg

‘Я вижу, что ты пишешь’ (Аврорин, 1981, с. 133) (букв. Я вижу что-то твоего написания).

(4) Нан. *Хамаси мочогопи, диасилчи выставкаду хайва-да ичэхэмби гисурэнгэси-тэни.*

хамаси мочого=пи
назад вернуться=CV4

диа=сил=чи выставка=ду

товарищ=Pl/Poss3Pl выставка=Lok

хай=ва=да ичэхэм=би

что-то=Acc видение=Acc=PossRefSg

гисурэ=нгэ=си-тэни

рассказать=Imp=2Sg

‘Обратно вернувшись, товарищам своим на выставке что видел, Расскажи-ка’ (Аврорин, 1981,

с. 133) (букв. назад возвратившись (при своем возвращении), своим товарищам про что-то своего видения на выставке Расскажи-ка).

б) слухового:

(5) Орок. *Чомзи этэ путтэ долзини-тани дукутај ча мапа идухэмбэни.*

чомзи этэ путтэ
вдруг=Adv женщина-ребенок

дол=зи=ни

слышать=Pres=3Sg

тани дуку=тај ча

точно дом=Lat-DatTot

мапа идухэм=бэ=ни

старик вход=Acc=Poss3Sg

‘Вдруг девочка действительно слышит, что тот старик в дом заходит’ (букв. в дом того старика вход=его) слышит (Архив Озолины, 4).

(6) Нан. *Си хайва-да ундивэси ми нянга-да долдиадасимби.*

си хай=ва=да
ты=2Sg что-то=Acc

унзи=вэ=си ми
говорение=Acc=Poss2Sg я=1Sg

нянга=да долди=ада=сим=би

мало-то слышать(понимать)=Neg=Pres=1Sg

‘Я не разбираю, о чем ты говоришь’ (Аврорин, 1981, с. 135) (букв. что-то твое говорение я и мало не понимаю).

3) ментальной деятельности, например:

(7) Орок. *Тари мапа мамаңуби исухамбани эсини муручи.*

тари мапа мама=ңу=би
тот старик жена=PossRefSg

исухам=ба=ни

возвращение=Acc=Poss3Sg

э=си=ни муручи

думать=AUX:Neg=Pres=3Sg

‘Тот старик, что его жена домой возвратится, не думает’ (Архив Новиковой, 3) (букв. старик про возвращение домой своей жены не думает).

(8) Орок. *Эжкэни амбаңуни синдевэни мэдэ-хэни-тэни.*

эжкэ=ни амба=ңу=ни
сестра=Poss3Sg черт=Indir=Poss3Sg

синде=вэ=ни

приход=Acc=Poss3Sg

мэдэ=хэ=ни тэни

догадаться=Past=3Pl точно

‘Сестра ее сразу догадалась, что пришел черт’ (букв. про черта=ее приход=его догадалась точно) (Архив Озолины, 4).

(9) Нан. *Ми мэдэи, хай=да чаду бояхамбани.*
 ми мэдэ=и, хай=да
 я=1Sg сообразить=Pres=1Sg что=то
 чаду бояхам=ба=ни
 там сломанное=Acc=Poss3Sg

‘Я сообразил (догадался), что там что-то сломалось’ (Аврорин, 1959, с. 278) (букв. я догадываюсь, что=то там сломанное).

4) результативные с семантикой «раздробленности» или многократности действия, например:

(10) Орок. *Дукуби исун'е сама(н) эктэ тари вāри нари вāхамбани моротчихони.*

дуку=би исун'=n'e
 дом=PossRefl возвращаться=CV4
 сама(н) эктэ тари
 шаман женщина тот
 вāри нари
 охотящийся мужчина
 вāхам=ба=ни моротчи=хо=ни

убийство=Acc=Poss3Sg придумать=Past=3Sg

‘Шаманка, пока шла домой, придумывала, как убить того охотника’ (букв. шаманка, возвращаясь в свой дом, того охотника про убийство=его напридумывала) (Архив Озолини, 4).

В монопредикативных конструкциях, которые традиционно используются для передачи модус-диктумных отношений в тунгусо-маньчжурских языках, позицию дополнения заполняют притяжательные конструкции с отглагольными именами или причастными субстантивами, т. е. субстантивированными активными причастиями как единственного, так и множественного числа в лично-притяжательной или возвратно-притяжательной форме винительного падежа.

Например:

(11) Орок. *Нэчэсэл унзивэчи путтэ маматакки алдурихани.*

нэчэ=сэл унди=вэ=чи путтэ
 птичка=Pl рассказ=Acc=Poss3Pl мальчик
 мама=такк=и алдури=ха=ни.
 мать=Lat-Dat=PossReflSg поведать=Pass=3Sg.

‘Мальчик рассказал своей матери, о чем говорили птички’ (букв.: птички рассказ=их мальчик своей матери поведал) (Архив Новиковой, 2).

(12) Орок. *Нарисал чакки гирикки пулимде итэуэчи ду путтэ галпанамари хунпивэчи.*

нари=сал чакки
 мужчина=Pl там (вдоль)
 гири=кки пули=мде
 морской берег=Prolat бродить=Cv2
 итэ=уэ=чи ду
 увидеть=Past=3Pl два

путтэ галпана=мари
 ребенок стрельба из лука=PossReflPl
 хунпи=вэ=чи.
 игра=Acc=Poss3Pl

‘Там, бродя по морскому берегу, мужчины увидели, как двое детей играют, стреляя из лука (букв.: мужчины, там, по морскому берегу бродя, увидели двух детей, игру=их в стрельбу из лука)’ (Архив Новиковой, 2).

1.2. Монопредикативные конструкции с местоименными наречиями

Также в тунгусо-маньчжурских языках представлены монопредикативные конструкции, на первый взгляд, сходные со сложноподчиненными предложениями русского языка. Диктумная часть в этих конструкциях как будто присоединяется к модусной союзными словами – местоименными наречиями разряда вопросительно-относительных. Связано это с тем, что в тунгусо-маньчжурских языках все активные причастия как формы глагола сохраняют способность основы присоединять наречия и управлять именами существительными в функции обстоятельств. Диктум в таких предложениях также находит свое выражение в посессивной конструкции с причастным субстантивом в форме винительного падежа, к которому и примыкает наречие, т. е. такие предложения с точки зрения формальной организации остаются простыми.

Например:

(13) Орок. *Сули нэлэтэј пануччини хайтај пуллэвэни* (Архив Новиковой, 2).

сули нэлэ=тэј пану=ччи=ни
 лисица волк=Lat-Dat спросить=Past=3Sg
 хайтај пуллэ=вэ=ни.
 куда=Adv ходьба=Acc=Poss3Sg.

‘Лисица спросила у волка, куда он идет’ (букв. куда его ходьба) (Архив Озолини, 4).

(14) Орок. *Би сāриви хайду эри нарисал униңучи бивэни.*

би сā=ри=ви хайду эри
 я знать=Pres=1Sg где этот=Pl
 нари=сал уни=ну=чи
 человек=Pl река=Indir=Poss3Pl
 би=вэ=чи
 местонахождение=Acc=Poss3Pl

‘Я знаю, где находится река этих людей’ (букв. где этих мужчин реки им принадлежащей местонахождение) (Архив Новиковой, 2).

Фактически все подобные монопредикативные конструкции передают собственно модус-диктумные отношения, семантических сдвигов

в сторону оценочности или верификации сообщаемой информации, что отмечается в уральских языках Сибири [Кошкарева, 2005, с. 172], в тунгусо-маньчжурских языках не наблюдается.

2. Полипредикативные конструкции

Полипредикативные конструкции для передачи модус-диктумных отношений демонстрируют в тунгусо-маньчжурских языках некоторые отличия от сложных предложений русского языка. Эквивалентные в семантическом плане сложноподчиненным изъяснительным предложениям конструкции представлены бифинитными конструкциями с союзными словами и с бессоюзной связью.

2.1. Полипредикативные конструкции с союзными словами

Модус-диктумные отношения в тунгусо-маньчжурских языках могут быть выражены полипредикативными конструкциями, обнаруживающими структурное сходство со сложноподчиненными предложениями русского языка, в которых зависимая часть присоединяется союзным словом и соотносима с придаточным изъяснительным.

Например:

(15) Орок. *Тари мама эсини с̄ара хайду амбанучи дукуни бини-тани.*

<i>Тари</i>	<i>мама</i>	<i>эси=ни</i>	<i>с̄ара</i>
та	старуха	знать=AUX:Neg/Pres=3Sg	
<i>хайду</i>		<i>амба=ну=чи</i>	
где		черт=Poss3Pl	
<i>дуку=ни</i>		<i>би=ни</i>	
<i>дом=Poss3Sg</i>		<i>быть=Pres-3Sg</i>	
<i>тани</i>			

точно, в самом деле=Part

‘Эта старушка не знает, где в самом деле находится дом их черта’.

[Ср. семантически эквивалентную традиционную конструкцию: *Тари мама эсини с̄ара хайду амбанучи дукуни би=вэ=ни* ‘Та старуха, где их черта дома местонахождение (Acc=Poss3Sg) точно не знает’] (Архив Озолини, 4)].

(16) Орок. *Ча нари пануччини хайтај мапа нэннэни (нэннени-үэ?).*

<i>ча</i>	<i>нари</i>	<i>пану=чи=ни</i>
этот	мужчина	спросить=Past=3Sg
<i>хайтај</i>	<i>мапа</i>	<i>нэннэ=ни</i>
куда=Adv	старик	идти=Pres=3Sg

‘Этот мужчина спросил, куда старик идет (идет-то?)’ (Архив Озолини, 4).

[Ср. семантически эквивалентную традиционную орокскую конструкцию: *Ча нари пануччини хайтај мапа нэннэ=вэ=ни* ‘Этот мужчина спросил, куда (в каком направлении) старикова ходьба’ (Acc=Poss3Sg)].

(17) Нан. *Неани синчи ункини уйсэл дичичи.*

<i>неани</i>	<i>син=чи</i>	<i>ун=ки=ни</i>
он=3Sg	ты=Lat2Sg	сказать=Pres=3Sg
<i>уй=сэл</i>	<i>ди=чи=чи.</i>	
кто=Pl	прийти=Pres=3Pl	

‘Сказал ли он тебе, кто пришел (многие ли пришли)’ (Аврорин, 1981, 64).

В таких сложноподчиненных предложениях в функции союзных слов используются вопросительно-относительные местоимения, т. к. подчинительные союзы в орокском и нанайском не сформированы. Семантика и структурная организация конструкций позволяет предположить, что они развивались на базе предложений с прямой речью, содержавшей вопрос. Подобные сложноподчиненные конструкции не являются регулярными и отмечаются, например, в орокских текстах, записанных преимущественно во второй половине XX в. (Архив Новиковой, Архив Озолини), в более ранних записях такие сложноподчиненные предложения единичны и в орокском языке, и в нанайском, они не свойственны тунгусо-маньчжурским языкам, что отмечали и Т. И. Петрова [10, 1967, с. 124], и В. А. Аврорин [11, 1981, с. 28].

2.2. Полипредикативные конструкции с предикативными причастиями

Модус-диктумные отношения в тунгусо-маньчжурских языках находят свое выражение в бифинитных конструкциях, в которых сказуемое диктумной части выражено предикативным причастием. Такие синтаксические конструкции представлены достаточно широко. Диктумная часть маркируется союзным словом, выраженным вопросительно-относительным местоимением. Позицию сказуемого диктумной части занимает так называемое причастие обычности действия: никакой иной функции в тунгусо-маньчжурских языках, кроме предикативной, оно выполнять не может, хотя не обладает темпоральными характеристиками и при помещении содержания предложения в прошедший или будущий временной план требует использования вспомогательного глагола в финитной форме.

Например:

(18) Орок. *Ча нари мапатај унзини хаила нѳчи вэдэпчиллеккэлэл.*

<i>ча</i>	<i>нари</i>	<i>мапа=тај</i>
тот	человек=N/Sg	старик=Lat-Dat
<i>ун=зи=ни</i>	<i>хаила</i>	
сказать=Pres=3Sg	куда=Adv	
<i>нѳчи</i>	<i>вэдэпчи=лле(ккэ)=лэл</i>	
они=3Pl	пропадающий-то=PP1=Pres=Pl	

‘Тот человек старика спрашивает, куда они пропадают’ (букв. куда, в каком направлении они пропадающие-то) (Архив Озолини, 4).

Некое промежуточное положение занимают полипредикативные конструкции со сказуемым диктумной части, выраженным пассивным причастием прошедшего времени: семантика таких предложений на первый взгляд эквивалентна семантике дополнения с постпозитивным определением. Однако функциями пассивного причастия в орокском и нанайском языках являются исключительно номинативная и предикативная, функция определения ему не свойственна. Темпоральные характеристики сказуемого с пассивным причастием реализуются финитными формами вспомогательного глагола.

Например:

(19) Орок. *Нэуэтчи, итэхэни: мѳ сувэкини гйда путтэ лопула.*

<i>нэ=уэччи</i>	<i>итэ=хэ=ни</i>	<i>мѳ</i>
выйти=CV3=Sg	видеть=Past=3Sg	дерево
<i>сувэ=ки=ни</i>	<i>гйда</i>	<i>путтэ</i>
вершина=Prolat=Poss3Sg	один	ребенок
<i>ло=пула</i>		
повешен=PP2-Sg		

‘Он вышел и увидел, что на вершине дерева один ребенок повешен’ (Петрова, 1967, с. 147, 149).

2.3. Полипредикативные бессоюзные конструкции

Модус-диктумные отношения в тунгусо-маньчжурских языках могут оформляться сложными предложениями, организованными по типу бессоюзных: сказуемое первого предложения, выраженное модусным глаголом, требует развернутой интерпретации ситуации, т.е. модусную часть высказывания объясняет, как бы «разворачивает» исключительно семантика второго предложения – диктумной части. Формального выражения (маркировки аналитическими средствами связи, использования грамматических единиц особого наклонения и др.) такие модус-диктумные отношения не находят.

Например:

(20) Орок. *Авуми толчичихани: эр малуки гѳда утэ бини.*

<i>аву=ми</i>	<i>толчичи=ха=ни</i>
уснуть=CVI=Sg	увидеть во сне=Past=3Sg
<i>эр</i>	<i>малу=ки</i>
этот	малу= Prolat
<i>утэ</i>	<i>би=ни</i>
дверь	есть=Pres-3Sg

‘Уснув, он видит во сне: <что> на этом малу [малу ‘почетное место в традиционном жилище, располагающееся напротив входа за очагом’] есть одна дверь’ (Петрова, 1967, с. 147, 149).

(21) Орок. *Чѳччи тари нари итэхэни: нарре урэхэ мѳ(ду) нэисэи тухэне путтэ бини.*

<i>чѳччи</i>	<i>тари</i>	<i>нари</i>	<i>итэ=хэ=ни</i>
потом тот	мужчина	увидеть=Past=3Sg	
<i>нарре</i>	<i>урэхэ</i>	<i>мѳ(ду)</i>	
человек=Acc	похожий	дерево=Abl	
<i>нэисэи</i>	<i>тухэне</i>		
вниз=Adv	упавший=Adj/Sg		
<i>путтэ</i>	<i>би=ни</i>		
ребенок	быть=Pres-3Sg		

‘Потом тот мужчина увидел, <что> на человека похож упавший с дерева ребенок’ (букв. <что> на человека похожий есть с дерева вниз упавший ребенок) (Архив Новиковой, 2).

Также в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в орокском, модус-диктумные отношения могут быть переданы полипредикативными конструкциями, в которых подлежащее диктумной части выражается неопределенными местоимениями, что, на первый взгляд, сближает эти конструкции со сложноподчиненными, однако семантически они являются бессоюзными.

Например:

(22) Орок. *Тари нари маманутакки уччини нѳ-да мапарисал бојомбочи вѳхани.*

<i>тари</i>	<i>нари</i>
тот	человек
<i>мама=ну=такки</i>	
жена=Indir=Lat-Dat/PossReflSg	
<i>уч=чи=ни</i>	<i>нѳ=дај</i>
сказать=Past=3Sg	кто=то
<i>мапарисал</i>	<i>бојом=бо=чи</i>
старик=Pl	медведь=Acc=Poss3Pl
<i>вѳ=ха=ни</i>	
убить=Past=3Sg	

‘Тот человек своей жене рассказал, <что> кто-то убил медведя стариков’ (Архив Озолини, 4).

(23) Орок. *Тари нари доримаккени локкоби тэвууэччи мамаңутакке эччини ундэ хай-да вāпула биллини.*

тари нари дорима=кке=ни
 тот мужчина тропинка=Prolat=Poss3Sg
 локко=би тэву=уэччи
 самострел=Acc=PossRefl насторожить=CV3
 мама=ну=такке
 жена=Indir=Lat-Dat/Poss
 э=ччи=ни ундэ
 сказать=AUX:Neg=Past=3Sg
 хай=да вā=пула би=ли=ни
 кто=то убитый=Adj быть=Fut=3Sg

‘Тот мужчина, насторожив на тропинке свой самострел, жене не сказал, <что> кого-то хочет убить’ (букв. кто-то будет убит) (Архив Новиковой, 3).

Следует также отметить, что в фольклорных текстах выделено несколько сложных предложений, в которых диктумная часть занимает препозицию по отношению к модусной, что является отклонением от традиционной структуры выражения изосемических отношений, когда модус содержится в главной части, а диктум – в зависимой.

Например:

(24) Орок. *Хай-да гарамбани баја иргэмби олбиччини, би эсув сара, хэк=-кэ-кэј!*

хай=да гарам=ба=ни
 какой=то ветка=Acc=Poss3Sg
 баја иргем=би
 богатый=Adj невестка=Poss1Sg
 олби=ччи=ни би
 принести=Past=3Sg я=1Sg
 э=су=в сара
 знать=AUX:Neg=Pres=1Sg
 хэк=кэ=кэј
 ой, горячо=горячо=Interject

‘Что за (какие) ветки принесла богатая невестка, не знаю, ой, как горячо!’ (Архив Новиковой, 2).

2.4. Полипредикативные конструкции с эвиденциальной семантикой

В отличие от других сибирских языков, например, уральских или палеоазиатских, в тунгусо-маньчжурских на уровне грамматических форм отсутствует обязательная маркировка вербальных, чувственных и когнитивных источников

информации как достоверных или недостоверных, собственно эвиденциальность находит свое выражение преимущественно на лексическом или синтаксическом уровнях. Отчасти к подобным маркерам может быть отнесена приглагольная энантиосемичная частица -тани / -тэни 1) ‘да точно, несомненно’; 2) ‘возможно, вероятно’.

Например:

(25) Орок. *Долбо тари манга долзэни=тэни: ббду нарисал-да лэдэмэри инэсичи, пурил-да хупничи, нинзил-да гуввэни.*

долбо тари нари
 ночью тот человек
 дол=зэ=ни тэни
 слышать=Pres=3Sg действительно
 бб=ду нари=сал= да
 улица=LocI люди=Pl то ли
 лэдэ=мэри инэ=си=чи
 разговаривать=CV1=Pl смеяться=Pres=3Pl
 пурил=да хуп=и=чи нинзи=л=
 дети=Pl то ли играть=Pres=3Sg собака=Pl
 да гуввэ=чи
 то ли лаять=Pres=3Pl

‘Ночью богатырь действительно слышит: <что> на улице то ли люди, разговаривая, смеются, то ли дети играют, то ли собаки лают’ (Н, 2).

Для выражения персуазивности (‘уверенности / неуверенности’ в достоверности сообщаемой информации) в предложении в орокском языке, например, могут использоваться такие средства модусной семантики, как лексические единицы субъективной оценки тэддэ ‘правда, верно’; орки(н-) ‘плохо, неправильно’; ано / ану 1) так вот; 2) ‘не может быть’, эмбе ‘конечно’ или суффиксальные частицы с семантикой уверенности / неуверенности -ккэ / -кэ ‘неужели, едва ли’ и -тани / -тэни 1) ‘да точно, несомненно’; 2) ‘возможно, вероятно’ и др., присоединяемые к сказуемому.

Например:

(26) Орок. *Ано, тэддэ-дэ, тари мапа пэттэ наму эдэвэни вāми тојохони.*

ано тэддэ=дэ тари мапа
 ну правда же тот старик
 пэттэ наму эдэ=вэ=ни
 нерпа=Acc море царица=Acc=Poss3Sg
 вā=ми тојо=хо=ни
 убить=CVI намереваться=Past=3Sg

‘Так вот, это правда, <что> тот старик соби-рался убить нерпу – владычицу моря’ (Архив Новиковой, 3).

Заключение

1. Для передачи модус-диктумной семантики, которая в языках другой типологии, например, в русском, оформляется исключительно изосемическим способом через сложноподчиненные конструкции, в тунгусо-маньчжурских языках вообще, в нанайском и орокском в частности, традиционно используются иные семантически эквивалентные синтаксические конструкции и грамматические средства.

2. В тунгусо-маньчжурских языках для передачи модус-диктумных смыслов используются преимущественно монопредикативные конструкции, диктумная часть которых оформляется посессивными конструкциями с отглагольными субстантивами в форме аккузатива.

3. Собственно сложноподчиненные предложения для выражения модус-диктумных отношений не имеют широкого распространения в нанайском и орокском языках, относительно нерегулярные примеры с присоединяемой союзным словом диктумной частью являются, скорее, результатом влияния русского языка.

4. Полипредикативные структуры модус-диктумной семантики представлены конструкциями с бессоюзной связью, т. к. подчинительные союзы в нанайском и орокском языках не сформированы, и они эквивалентны бессоюзным сложным предложениям русского языка.

Литература

- Аврорин В.А.** Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 198 с.
- Кошкарева Н.Б.** Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: Издательский дом «НиКа», 2005. С.169–195.
- Петрова Т.И.** Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1968. 156 с.
- Седых А.П.** Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. [https://cyberleninka.article.pr.] (Дата доступа: 18.05.2022).
- Сунник О.П.** Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.
- Терещенко Н.М.** Выражение сложной мысли средствами простого предложения (на материале ненецкого языка) // Вопросы финно-угорского

языкознания: Грамматика и лексикология. М.-Л.: Наука, 1964. С. 146–155.

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: МГУ, 1988. С. 168–202.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1994. 43 с.

Источники и сокращения

- Аврорин**, 1959 – Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
- Аврорин**, 1981 – Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 198 с.
- Архив** Новиковой – Новикова К.А. Полевые записи в 4-х тетрадях, сделанные во время экспедиции 1949–1950 гг. на Северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.
- Архив** Озолини – Озолина Л.В. Полевые записи в 6 тетрадях, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на Северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.
- Петрова**, 1967 – Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.

Условные обозначения

- 1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ABL – исходный п., ACC – винительный п.; ADJ – имя прилагательное; ADV – наречие; AUX: Neg – аналитическая отрицательная форма глагола; CD – сравнительная степень; CVI – одновременное деепричастие; CV2 – разновременное деепричастие; CV3 – условно-временное деепричастие; Indir – косвенная принадлежность; FUT – будущее время; LAT-DAT – направительно-дательный; LOC I – местный I п., LOC II – местный II п.; NEG – отрицательная форма; PART – частица; PAST – прошедшее время; PL – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; POSTP – послелог; PRES – настоящее время; PP1 – активное причастие; PP2 – предикативное причастие обычности действия; PP3 – предикативное причастие длительного действия; PROL – продолжный п.; REFL – возвратность; SG – единственное число.

References

- Avrorin V.A.** Sintaksicheskie issledovaniya po nanaiskomu yazyku. Leningrad: Nauka, 1981. 198 pp.
- Koshkareva N.B.** Sposoby vyrazheniya modus-diktumnykh otnoshenii v uralskikh yazykakh Sibiri (na materiale khantyiskogo i nenetskogo yazykov). In: Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk: Izdatelskii dom «NiKa», 2005. Pp. 169–195.

- Petrova T.I.** Yazyk orokov (ulta). Leningrad: Nauka, 1968. 156 pp.
- Sedykh A.P.** Propozitsiya, modus, diktum v natsionalnykh yazykakh. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2008. [https://cyberleninka.article.pr.] (Accessed: 18.05.2022).
- Shmeleva T.V.** Modus i sredstva ego vyrazheniya v vyskazyvanii. In: Ideograficheskie aspekty russkoi grammatiki. Moscow: MGU, 1988. Pp. 168–202.
- Shmeleva T.V.** Semanticheskii sintaksis. Tekst lektsii. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. un-ta, 1994. 43 pp.
- Sunik O.P.** Glagol v tunguso-manchzhurskikh yazykakh: Morfologicheskaya struktura i sistema form glagolnogo slova. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 363 pp.
- Tereshchenko N.M.** Vyrazhenie slozhnoi mysli sredstvami prostogo predlozheniya (na materiale nenetskogo yazyka). In: Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanii: Grammatika i leksikologiya. Moscow-Leningrad: Nauka, 1964. Pp. 146–155.

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.006

УДК 811.512.153

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Л. А. Сафьянов

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, ул. Щетинкина, 18, Абакан, 655017, Россия; email: sla@r19.ru

Сегодня в Российской Федерации уделяется большое внимание языковой политике. Законодательно признано, что языки народов РФ являются национальным достоянием государства, они находятся под защитой, и Российская Федерация способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия. В настоящее время государственными языками в субъекте, согласно статье 69 Конституции Республики Хакасия, являются русский и хакасский языки. Целью статьи является освещение деятельности Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия в области сохранения и поддержки хакасского языка в регионе. Министерство является исполнительным органом государственной власти, осуществляющим функции по реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Республики Хакасия. По вопросу использования хакасского языка в работе государственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления организаций и учреждений Республики Хакасия деятельность Миннацполитики Хакасии направлена на создание условий по изучению, использованию, применению хакасского языка, являющегося основой национальной самоидентификации и достоянием наследия хакасского народа. На сегодняшний день все исполнительные органы государственной власти Республики Хакасия обеспечивают использование хакасского языка в официальном делопроизводстве. Ежегодно в адрес органов государственной и муниципальной власти республики Миннацполитики Хакасии направляются рекомендательные письма об актуализации сведений в официальном делопроизводстве, а также об использовании хакасского языка в соответствии с другими положениями, предусмотренными Законом Республики Хакасия. Министерство реализует и другие мероприятия с целью сохранения и поддержки хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия.

Ключевые слова: хакасский язык, государственная политика, изучение хакасского языка, государственный язык Республики Хакасия.

ON THE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF NATIONAL AND TERRITORIAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA IN THE FIELD OF PRESERVATION AND SUPPORT OF THE KHAKASS LANGUAGE

L. A. Safyanov

The Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia, 18 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: sla@r19.ru

Today, much attention is paid to the language policy in the Russian Federation. It is legally recognized that the languages of the peoples of the Russian Federation are the national heritage of the state, they are protected, and the Russian Federation promotes the development of national languages, bilingualism, and multilingualism. Currently, the official languages in the Republic of Khakassia, according to Article 69 of the Constitution of the Republic of Khakassia, are Russian and Khakass. The purpose of the article is to highlight the activities of the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia in the field of preservation and support of the Khakass language in the region. The Ministry is an executive body of the state power of the Republic of Khakassia, performing functions for the implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Republic of Khakassia. Regarding the use of the Khakass language in the work of state executive authorities, local self-government organizations and institutions of the Republic of Khakassia, the activities of the Ministry of National Policy of Khakassia are aimed at creating conditions for the study, use, and application of the Khakass language, which is the basis of national identity and heritage of the Khakass people. To date, all executive state authorities of the Republic of Khakassia ensure the use of the Khakass language in official office work. Every year, letters of recommendation are sent to the state and municipal authorities of the Republic of the Ministry of National Policy of Khakassia on updating information in official records management, as well as on the use of the Khakass language in accordance with other provisions provided for by the Law of the Republic of Khakassia. It also implements other measures to preserve and support the Khakass language as the state language of the Republic of Khakassia.

Keywords: Khakass language, state policy, study of the Khakass language, the state language of the Republic of Khakassia.

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия (далее – Миннацполитики Хакасии) является исполнительным органом государственной власти Республики Хакасия, осуществляющим функции по реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Республики Хакасия. В рамках предусмотренных полномочий в части языковой политики Миннацполитики Хакасии реализует мероприятия по сохранению и поддержке русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации, проживающих в Республике Хакасия. В области использования хакасского языка в работе государственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, организаций и учреждений Республики Хакасия деятельность Миннацполитики Хакасии направлена на создание условий по изучению, использованию, применению хакасского языка, являющегося основой национальной самоидентификации и достоянием наследия хакасского народа.

В настоящее время государственными языками в субъекте, согласно статье 69 Конституции Республики Хакасия, являются русский и хакасский языки. Согласно пункту 2 статьи 14 Закона Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» (далее – Закон РХ) тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций оформляются на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а также на хакасском языке как государственном языке Республики Хакасия. Соблюдение исполнительными органами государственной власти указанного пункта Закона РХ осуществляется самостоятельно в соответствии с порядком оформления вышеуказанных документов.

На сегодняшний день все исполнительные органы госвласти Республики Хакасия обеспечивают использование хакасского языка в официальном делопроизводстве. По отдельным поручениям Главы Хакасии реализуются мероприятия по использованию второго государствен-

ного языка – хакасского – в других отраслевых сферах деятельности. Например, во исполнение пункта 1 Перечня поручений Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия от 08.06.2021 № ПР-74п Министерством транспорта и дорожного хозяйства Республики Хакасия организована работа по установке дорожных знаков с дублирующими названиями населенных пунктов на хакасском языке, расположенных на автомобильных дорогах общего пользования Республики Хакасия регионального и межмуниципального значения. На 1 ноября 2021 г. установлено 52 дорожных знака на хакасском языке из 388. В качестве положительного примера необходимо отметить, что некоторые муниципалитеты проявляют большую активность в этом процессе, например, администрацией Вершинотейского поссовета Аскизского района размещена 31 табличка с наименованиями улиц на хакасском языке и установлен 1 дорожный знак с наименованием населенного пункта; на территории Усть-Бюрского сельсовета Усть-Абаканского района вывешено 25 табличек с наименованиями улиц на хакасском языке из 50; в городе Черногорск из 3 дорожных знаков с наименованием населенного пункта 2 продублированы на хакасском языке.

По данным городских округов и муниципальных районов Республики Хакасия, органами местного самоуправления заключено 16 договоров с ХакНИИЯЛИ на выполнение услуг по переводу с русского на хакасский язык наименований улиц и населенных пунктов. Таким образом, дополнительно планируется перевести на хакасский язык 318 наименований улиц, 14 переулков и 9 проспектов, а также нескольких населенных пунктов на территории муниципальных образований городов и районов республики (4 поселения – в Таштыпском, по 3 – в Алтайском и Аскизском, 2 – в Усть-Абаканском и 1 – в Орджоникидзевском районе, а также в городах Абакан, Черногорск, Саяногорск).

Ежегодно в адрес органов государственной и муниципальной власти республики Миннацполитики Хакасия направляются рекомендательные письма об актуализации сведений в официальном делопроизводстве, а также об использовании хакасского языка в соответствии с другими положениями, предусмотренными Законом РХ. К примеру, согласно статье 14 Закона РХ на территории Республики Хакасия, граждане имеют право обращения с заявлениями, предложениями и жалобами в органы государственной власти Республики Хакасия как на государственных

языках Республики Хакасия, так и на других языках, а также обладают правом получать на свои обращения ответы на языке обращения. Миннацполитики Хакасии осуществляет взаимодействие рекомендательного характера с другими органами государственной власти по вопросам кадровой политики в министерствах и ведомствах. Так, обращается внимание на повышение доли представителей из числа коренного этноса (хакасов) в структурах органов власти, владеющих двумя государственными языками Республики Хакасия, с целью организации проведения круглых столов, прямых эфиров на телевидении, встреч с общественностью и информационной открытости в СМИ.

В адрес Правительства Республики Хакасия ежегодно поступают информационные материалы по рассмотрению предложений, решений и рекомендаций, а также резолюций по итогам проведенных заседаний, совещаний консультативно-совещательных органов, в том числе обращений, об актуальности сохранения, развития, популяризации хакасского языка, правовом регулировании в части языковой политики государства. Поэтому Миннацполитики Хакасии реализует и другие мероприятия с целью сохранения и поддержки хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия. Основным источником финансирования этих мероприятий является подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия» государственной Программы «Региональная политика Республики Хакасия», утвержденной Постановлением Правительства Республики Хакасия от 01.11.2016 № 528 (с последующими изменениями). Выделенные финансовые средства в 2020–2021 гг. позволили исполнителям подпрограммы провести более 30 мероприятий в этой сфере, в том числе следующие: IV Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (2020); телевизионная викторина по хакасскому героическому эпосу «Албынжи», посвященная Дню и Году хакасского языка (2020); IV республиканский семейный фестиваль-конкурс «Родной язык – душа народа» (2020); перевод на хакасский язык сайта социальной сети «ВКонтакте» (2020); республиканский онлайн-фестиваль «Іне тілі», посвященный Году хакасского языка и героическому эпосу «Албынжи» (2020); республиканский творческий конкурс «Мой родной язык» в рамках Дней тюркской письменности и культуры (2020–2021); XIV съезд хакасского народа (2021);

награждение жителей республики, внесших заметный вклад в развитие республики, на республиканском празднике «Чыл пазы» по итогам республиканского конкурса «Человек года», а также по результатам смотра-конкурса хакасских родов в рамках республиканского праздника «Уртун тойы» (2020–2021); торжественное мероприятие, посвященное Дню хакасского языка (2021) и др. Особо отметим республиканский конкурс на лучшее знание хакасского языка среди будущих первоклассников. Цель конкурса – сохранение и развитие государственного языка РХ – хакасского – как неотъемлемой части культурного и духовного наследия хакасского народа, популяризация его изучения в семьях. В 2021 г. победителями конкурса стали 100 первоклассников (в 2020 г. – 93). Победителям конкурса вручены сертификаты на сумму 15 тыс. рублей с учетом НДФЛ. Общий призовой фонд конкурса – 1,5 млн рублей.

В рамках Года хакасского языка, прошедшего в 2020 г., а также в Год хакасского эпоса в 2021 г. учебная и художественная литература пополнилась новыми изданиями на хакасском языке: «Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь» [Каксин, Чертыкова, 2020]; сборник «Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора» на хакасском и русском языках [Майногашева, 2020]; альбомы «Традиционный женский сикпен» [Чебодаева, 2021], «Художественная обработка дерева у хакасов» [Чебодаева, 2021] и др. В 2020 г. издан II том «Энциклопедии "Хакасия"» (Хакасско-Минусинская котловина)» (тираж 1000 экз.). В 2020 г. опубликован I том «Толкового словаря хакасского языка» [2020] (тираж 1300 экз.). Работа в этом направлении продолжена в 2021–2022 г., ожидается издание очередного тома «Энциклопедии "Хакасия"».

Важную роль в сохранении, развитии и популяризации хакасского языка в республике играет совет по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма, действующий при Правительстве РХ. Ежегодно на заседаниях данного совета рассматриваются актуальные и проблемные вопросы перспектив развития хакасского языка. Необходимость дальнейшей целенаправленной работы подтверждается результатами социологического исследования по теме «Оценка состояния и перспективы развития хакасского языка в Республике Хака-

сия», проводимого Миннацполитики Хакасии ежегодно.

Огромная работа по разработке государственной программы, направленной на сохранение и развитие хакасского языка, проведена Миннацполитики Хакасии и в 2021 г. Ее результатом стало принятие Постановления Правительства Республики Хакасия от 08.11.2021 № 569 «Об утверждении государственной Программы Республики Хакасия «Сохранение и развитие хакасского языка». Также во исполнение резолюции по итогам XIV съезда хакасского народа, прошедшего в апреле 2021 г., принято Постановление Президиума Правительства РХ от 06.10.2021 № 153-п «Об утверждении Плана мероприятий («Дорожной карты») по реализации резолюции XIV съезда хакасского народа».

Таким образом, языковая политика в деятельности Миннацполитики Хакасии является одним из приоритетных направлений в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Хакасия, которая обеспечивает стабильность и сохранение межнационального мира и согласия в регионе.

Литература

- <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883> (Дата обращения: 11.05.2022).
- <https://docs.cntd.ru/document/804956793> (Дата обращения: 11.05.2022).
- Каксин А.Д., Чертыкова М.Д.** Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») = Хакас-орыс паза орыс-хакас тема хоостыра пöлilген сöстik («Kizi», «Özimner паза чир-чайаандагы tirig нимелер»). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2020. 224 с.
- Майногашева В.Е.** Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан, 2020. 137 с.
- Чебодаева М.П.** Традиционный женский хакасский сикпен. Воронеж: «ООО Чемпион», 2021. 48 с.
- Чебодаева М.П.** Художественная обработка дерева у хакасов. Воронеж: «ООО Чемпион», 2021. 48 с.
- Энциклопедия «Хакасия»:** (Хакасско-Минусинская котловина). В 5 т. Т. 2: Основные этносы региона – хакасы и русские. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. 381 с.
- Толковый словарь хакасского языка** = Хакас тілінің чарыдылыг сөстiгі / О.П. Анжиганова, П.Е. Белоглазов, А.С. Кызласов [и др.]. Т. 1. А-П. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. 608 с.

References

- Chebodaeva M.P.** Khudozhestvennaya obrabotka dereva u khakasov. Voronezh: «ООО Chempion», 2021. 48 pp.
- Chebodaeva M.P.** Traditsionnyi zhenskii khakasskii sikpen. Voronezh: «ООО Chempion», 2021. 48 pp. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883> (Accessed: 11.05.2022).
- <https://docs.cntd.ru/document/804956793> (Accessed: 11.05.2022).
- Entsiklopediya «Khakasiya»:** (Khakassko-Minusinskaya kotlovina). V 5 t. T. 2: Osnovnye etnosy regiona — khakasy i russkie. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo im. V.M. Torosova, 2020. 381 pp.

- Kaksin A.D., Chertykova M.D.** Khakassko-russkii i russko-khakasskii tematicheskii slovar (razdely «Chelovek», «Flora i fauna») = Khakas-orys paza orys-khakas tema khoostyra pölilgen söstik («Kizi», «Özimner paza chir-chajaandagy tirig nimeler»). Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2020. 224 pp.
- Mainogasheva V.E.** Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh folklor. Abakan, 2020. 137 pp.
- Tolkovyi slovar khakasskogo yazyka** = Khakas tilining charydyglyg söstigi / O.P. Anzhiganova, P.E. Beloglazov, A.S. Kyzlasov [i dr.]. T. 1. A-P. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo im. V.M. Torosova, 2020. 608 pp.

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.007

УДК 811.512.1 + 81'35

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АЛФАВИТЫ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

И.Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: siya_irina@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9457-3237

В статье освещаются дискуссионные проблемы современного состояния графических и орфографических систем южносибирских тюркских языков, предлагаются возможные пути совершенствования и развития национальных алфавитов и систем письма. Установлено, что большинство рассматриваемых систем являются фонико-фонематическими с добавлением элементов морфологического подхода. Выявленные во всех орфографиях отступления от идеального научного принципа – фонематического – обусловлены сложностью и неоднородностью этнолингвистической истории народов алтае-саянского региона. Более того, при создании современных алфавитов для новописьменных языков и инновационных преобразований младописьменных орфографий разработчики в ряде случаев сознательно допускают отклонения от алгоритмов фонематического письма, внедряя фонико-фонематические подходы во избежание влияния русской графики на произносительные нормы национальных языков – особо пагубного для школьного обучения в условиях би- и трилингвизма. К числу дискуссионных относится также вопрос о фонематической трактовке сложных гласных звуков – долгих, фарингализованных, дифтонгов – и правилах их орфографирования. Если обязательное обозначение стяженных долгих гласных принято в качестве основного принципа письма, то позиционная долгота гласных, ярко выраженная в языках алтае-саянского этноареала, не находит на письме отражения. В тувинской орфографии следует ввести правило последовательной передачи фарингализованных гласных как в основах, так и в производных от них формах. Дальнейшая работа по совершенствованию тюркской графики и орфографии предполагает широкое использование научных результатов, полученных в ходе экспериментально-фонетических исследований тюркологов.

Ключевые слова: южносибирские тюркские языки, графика, орфография, фонологический принцип письма, сложные гласные, сингармонизм.

NATIONAL ALPHABETS AND SPELLING SYSTEMS OF THE TURKIC LANGUAGES OF SIBERIA: TRADITIONS AND INNOVATIONS

I. Ya. Selyutina

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: siya_irina@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9457-3237

The article highlights the debatable problems of the current state of graphic and spelling systems of the South Siberian Turkic languages, suggests possible ways to resolve the existing contradictions, improve and develop national alphabets and writing systems. It is established that most of the systems under consideration are phonico-phonemic with the addition of elements of the morphological approach. The deviations from the ideal scientific principle (phonemic), revealed in all orthographies, are due to the complexity and heterogeneity of the ethnolinguistic history of the peoples of the Sayan-Altai Region. Moreover, when creating modern alphabets for languages recently put into writing and innovative transformations of orthographies recently acquired a written form, developers, in some cases, deliberately allow deviations from phonemic writing algorithms, introducing phonico-phonemic approaches in order to avoid the influence of Russian graphics on the pronunciation norms of national languages – especially detrimental to school education in conditions of bilingualism and trilingualism. The issue of phonemic interpretation of complex vowel sounds – long, pharyngealized, diphthongs – and the rules of their spelling is also among the discussion ones. If the mandatory designation of contracted long vowels is accepted as the basic principle of writing, then the positional length of vowels, pronounced in the languages of the Altai-Sayan ethnoareal, is not reflected in the letter. In Tuvan orthography, a rule should be introduced for the sequential transmission of pharyngealized vowels both in the basics and in forms derived from them. Further work on the improvement of Turkic graphics and orthography involves the extensive use of scientific results obtained in the course of experimental phonetic studies of Turkologists.

Keywords: South Siberian Turkic languages, graphics, spelling, phonological principle of writing, complex vowels, synharmonism.

Введение

Многообразие фонетического ландшафта Сибири, нашедшее отражение в национальных алфавитах и орфографических системах, обусловлено сложностью этнолингвистической истории народов сибирского региона. Языки, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками родственными и неродственными, пережившие последовательно несколько волн тюркизации различных типов – уйгуро-орхонского, кыргызского, уйгуро-кыргызского, кыпчакского, – представляют собой «многослойную конструкцию» [Широбокова, 2015, с. 248].

Тюркская семья представлена на территории Сибири шестнадцатью языками. Кроме признанных языков – алтайского, хакаского, шорского, тувинского, тофаларского (тофского), якутского, долганского, здесь локализуются языки-диалекты, получившие в 1990–2000-е гг. статус языков малочисленных народов Российской Федерации: бачатско-телеутский, чулымско-тюркский, барабинских татар, а также тубаларский (тубинский), теленгитский, чалканский, кумандинский, тоджинский, сойотский.

Алтайский, хакаский, тувинский и якутский языки относятся к числу литературных, полу-

чивших письменность в XIX – начале XX вв. Они имеют хорошо проработанные графические и орфографические системы, богатую многожанровую литературу, преподаются в школах. Кумандинский, чалканский, тубинский, бачатско-телеутский, шорский, тофский, долганский языки обрели письменность в XX в. во многом благодаря стараниям представителей интеллигенции из числа носителей языков, либо подвижничеству лингвистов-исследователей, как правило – русскоязычных. Эти языки не имеют богатого опыта создания литературных произведений, но для них разработаны алфавиты, написаны буквари, детские книги для чтения, для некоторых из языков изданы словари и разговорники [Черемисина и др., 2006].

Ряд языков – барабинско-татарский, чулымско-тюркский, тоджинский, сойотский – являются бесписьменными, они функционируют только в сфере бытового общения. Тем не менее учеными, педагогами, представителями национальной интеллигенции предпринимаются практические шаги, направленные на сохранение исчезающих языков малочисленных этносов. Так, калмыцкие и бурятские лингвисты подготовили к печати и издали уникальный четырехязычный сойотско-русско-бурятско-английский картинный словарь, разработанный в свое время В. И. Рассадиным [Рассадин, 2020].

Целью данной статьи является освещение некоторых актуальных дискуссионных аспектов письменности южносибирских тюркских языков с позиций современной лингвистики, выявление проблем, требующих своего разрешения, предложение возможных путей совершенствования рассматриваемых графических и орфографических систем.

Научные принципы разработки алфавита

Идеальными принято считать алфавит и систему письма, построенные по фонематическому принципу: количество графем соответствует количеству фонем языка, причем каждая фонема выражается одной и той же буквой, независимо от позиции, в которую она попадает. Практика же показывает, что «идеальных алфавитов в мире нет, а существуют лишь более или менее рациональные» [Мусаев, 1965], большинство графических и орфографических систем сибирских тюркских языков являются фонико-фонематическими с добавлением элементов морфологического подхода.

Ниже дается краткий анализ систем письма и принципов их структурно-таксономической организации в южносибирских тюркских языках.

Хакасское письмо. В 1926 г. были изданы первые книги на хакасском языке. В основу хакасской орфографии был положен фонетический принцип – написание отражало произношение. Поскольку одни и те же словоформы имели различное звучание в диалектах, и даже носители одного диалекта употребляли в речи различные варианты произношения, отсутствие четкой фиксированной нормы правописания приводило к многочисленным ошибкам и затрудняло понимание письменного текста.

Основы современной орфографии были заложены Н. Г. Катановым, издавшим в 1928 г. первый хакасско-русский словарь. При дальнейшем совершенствовании хакасского письма фонетический принцип стал уступать морфологическому, при котором на письме учитывается звуковой состав основы и аффиксов: морфема сохраняет единое буквенное написание, хотя при произношении звуки, входящие в эту морфему, могут видоизменяться.

В 1936 г. впервые в хакасоведении был разработан свод правил орфографии, определены ее принципы – за основу был принят фонетико-морфологический (точнее, фонологический) принцип письма. В 1947 г. орфография подверглась переработке, и в таком усовершен-

ствованном виде она действует и по настоящее время.

Спецификой хакасской орфографии при обозначении согласных на письме является передача озвончения звуков в составе медиальных биконсонантных сочетаний в постпозиции к сонорному согласному: *алтынзарых*, а не *алтынсарых* ‘север’. В данном случае выдерживается фонетический принцип, а не фонематический и не традиционный. Звуки *з* и *с* – оттенки одной фонемы, следовательно, при фонематическом письме должны обозначаться одной графемой *с*. Но написание *с* в слове *алтынзарых* провоцировало бы произношение глухого *с*, то есть орфография оказывала бы влияние на орфоэпию. В условиях двуязычия, неустойчивости орфоэпических норм и диалектной многовариантности произношения представляется целесообразным отход в некоторых случаях от принципов идеального фонологического письма к письму фонетическому, отражающему реальное произношение большинства говорящих на языке. Проявлением фонетического подхода является и последовательное отражение на письме ассимилятивных процессов, происходящих на стыке морфем при наращении аффиксов: *сап* ‘черенок’ – *сабы* ‘черенок=его’, *хыс* ‘девушка’ – *хызы* ‘девушка=его’ [Патачакова, 1973, с. 257–270].

Алтайский язык является одним из немногих сибирских языков, получивших письменность еще в XIX в. – русская православная миссия разработала первый алфавит алтайского языка на основе кириллицы в 1869 г. В 1981 г. в г. Горно-Алтайске опубликована монография В. Н. Тадыкина и А. Т. Тыбыковой «Орфография и пунктуация алтайского языка» [Тадыкин и др., 1981]. Основным принцип алтайского письма – фонематический, однако имеются отдельные отклонения от базового алгоритма. Так для обозначения глухих и звонких аллофонов фонем *п*, *т*, *к*, *с*, *ш* используются различные графемы: в абсолютном начале и конце слова, а также в медиальных сочетаниях глухие согласные варианты указанных фонем обозначаются, соответственно, буквами *п*, *т*, *к*, *с*, *ш*, а в интервокальной и медиально-постсонантной позициях – звонкими *б*, *д*, *г*, *з*, *ж* (соответственно) – следует говорить не о фонематическом, а о фонетическом письме.

Прогрессивная ассимиляция согласных по работе голосовых связок, т. е. по звонкости / глухости, последовательно отражается на письме: *ташта* ‘на камне’, *колдо* ‘на руке’. Регрессивная ассимиляция обозначается графически лишь при озвончении глухих согласных при наращении

аффиксов: *ат* ‘конь’ – *адым* ‘конь=мой’, *кыс* ‘девушка’ – *кызы* ‘девушка=его’. Диссимилятивные процессы находят последовательное отражение в алтайской орфографии: *салкын* ‘ветер’, *антар* ‘опрокинуть’.

Явление метатезы не фиксируется в алтайской орфографии, в этом случае проводится в жизнь этимологический принцип письма – передается не современное языковое состояние, а прошлое: произносится *тепкиш* ‘лестница’, *чекпен* ‘сукно’, но в соответствии с нормами орфографии следует писать *тепкиш*, *чекпен*. Таким образом, написание вступает в противоречие с современным произношением, что приводит к многочисленным ошибкам на письме.

Итоги многолетней теоретико-прикладной работы коллектива лингвистов НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова по совершенствованию алтайской орфографии нашли отражение в изданных в «Правилах орфографии современного алтайского языка» [2019] и в «Орфографическом словаре алтайского языка» [2020].

Кумандинское письмо. В основу алфавита новописьменного кумандинского языка положены графические традиции алтайского литературного языка на базе кириллицы. Кумандинский алфавит, предложенный Л.М. Тукмачевым [2005], насчитывает 38 графем, а не 37, как в алтайском. В соответствии с особенностями кумандинской фонетики, Л.М. Тукмачевым добавлены, по сравнению с алтайским алфавитом, графемы *Ғ*, *Һ*, но исключен знак *ј*.

Несколько иной вариант кумандинской азбуки предложен М.Б. Петрушовой [2005] – нам он представляется более последовательным по сравнению с тем, что разработан Л.М. Тукмачевым. Алфавит включает 41 знак – добавлены буквы *Қ*, *Ү* и *Ң*. Знаки *Қ* и *Ғ* используются для обозначения языковых (увулярных) вариантов фонемы *[k]* в твердоядных словоформах в различных позиционно-комбинаторных условиях: буква *Қ* – в инициальной позиции, медиальной в сочетании с глухими согласными и в финальной; буква *Ғ* – в медиали словоформ: интервокальной или в комбинации с сонорными (малолушными) согласными. Графема *Ү* передает специфический североалтайский сонант, употребляющийся только в конце слова и слога (Л.М. Тукмачев обозначает этот звук знаком *Ғ*). Буква *Ң* передает шумный смычный среднеязычный согласный, часто встречающийся в кумандинских говорах в анлауте. В алтайском алфавите этот шумный смычный звук обозначается графемой *Ј*,

используемой в латинице для передачи щелевого сонанта. Такой выбор разработчиков алтайского письма является не совсем удачным, поскольку вызывает затруднения при чтении. Введение М.П. Петрушовой в кумандинский алфавит знака *Ң* позволило устранить возникшее противоречие.

Тубинское письмо. Разработанный в 2001 г. С.Б. Сарбашевой [2005] тубинский алфавит насчитывает 42 буквы. Из них 35 используются в собственно тубинских словах, при этом специфическими по отношению к русскому алфавиту являются следующие 9 знаков: *Ӗ*, *Ӧ*, *Жж*, *Ј*, *Һ*, *Қ*, *Ғ*, *Ү*, *Нн*. К алтайским графемам добавлено 5 знаков: *Жж*, *Һ*, *Қ*, *Ғ*, *Ү*.

При обозначении оттенков фонемы *[k]* С.Б. Сарбашева, как и позднее М.Б. Петрушова, сознательно пошла на нарушение фонематического принципа письма: заднеязычные реализации фонемы в мягкорядных словоформах обозначаются графемами *Кк*, *Ғ*, языковые твердоядные варианты – буквенными знаками *Қ*, *Ғ*.

Для взрослого носителя языка адекватное воспроизведение звуков *k* или *q* (т.е. выбор варианта данной фонемы в мягкорядной или твердоядной словоформе) не вызывает затруднений, но создает определенные проблемы с произнесением этого звука школьниками при чтении. На ребенка оказывают влияние традиции русского письма, в котором буквой *k* передается заднеязычный звук *k*. По аналогии с этим ученик и увулярный алтайский или тубинский звук *q* будет произносить как русский заднеязычный, что противоречит артикуляторным нормам родного языка: по законам сингармонизма заднеязычный *k* функционирует в мягкорядных словоформах, а увулярный *q* – в твердоядных.

Во избежание нарушения орфоэпических норм в тубинский алфавит включены буквы *Кк* и *Қ*, дифференцирующие заднеязычную и языковую артикуляции. Аналогичная ситуация складывается с шумными звуками *g* и *q*, *g*, обозначаемыми в алтайском алфавите одной графемой *г*: для различения заднеязычного звука *g* и увулярных – щелевого *q* и смычного *g* введена для передачи звуков *q* и *g* графема *Ғ*, что позволяет предотвратить затруднения в обучении двуязычных и трехязычных детей родному языку в начальных классах. Для передачи же малолушных щелевых согласных – заднеязычного *q* и увулярного *q*, функционирующих только в конце слова или слога, используется знак *у* «гамма» из греческого алфавита.

Таким образом, как кумандинский, так и тувинский алфавиты построены на фонико-фонематической основе: если при передаче на письме гласных фонем строго соблюдается фонематический принцип (за исключением фонемы [e]), то согласными буквами обозначаются как фонемы (фонематический принцип), так и отдельные аллофоны фонем (фонический принцип); последнее необходимо для того, чтобы не привести к нарушению специфики произношения на родном языке.

В **хакасском языке** ситуация с различением и написанием гуттуральных согласных нетипична по сравнению с остальными языками алтае-саянского региона. В хакасских словоформах твердоядные и мягкорядные оттенки гуттуральных фонем отличаются не только активным органом и местом артикуляции, но и способом образования, что убедительно показано в «Грамматике хакасского языка» [1975], в ряде лингвистических работ [Карпов, 1995; Субракова, 2006].

Следует отметить, что в последние примерно полвека и в других тюркских языках алтае-саянского ареала активно развивается тенденция к утрате смычности гуттуральными согласными; например, в алтайском языке и его северных диалектах смычный велярно-увулярный *q* в твердоядных словоформах фактически повсеместно подвергается спирализации и реализуется как щелевой *χ*: кум. *какпак* [qɑχpɑχ] ‘крышка’, *ак* [ɑχ] ‘белый’ [Селютина, 1980].

Тувинское письмо. Тувинская графика на основе кириллицы успешно выполняет свои функции национального алфавита уже более 70 лет. К сожалению, при разработке письма на основе фонематического принципа с использованием в некоторых случаях морфологического подхода ряд специфических тувинских звуков не нашли отражения в графике, а в орфографии некоторые своеобразные фонетические явления были «максимально приближены» к аналогам русской орфографии [Бичелдей, 2005, с. 20–21].

Во избежание влияния русской графики на тувинское произношение необходимо совершенствование принципов тувинской письменности. В тувинском языке в абсолютном начале слова функционируют два типа смычных согласных фонем: сильные придыхательные *п* и *т*, а также слабые непридыхательные согласные *б* и *д*. Наличие квазиомонимов *пар* ‘тигр’ – *бар* ‘есть, имеется’, *тал* ‘ива’ – *дал* ‘середина’ свидетельствует о том, что в языке действует двойное противопоставление шумных согласных по степени мускульной напряженности – сильные/сла-

бые фонемы. Признак звонкости / глухости для тувинской фонологической системы не релевантен. На письме сильные придыхательные передаются графемами *п* и *т*, а слабые – буквами *б* и *д* (соответственно). Такой способ графической передачи звуков тувинской речи вызывает определенные затруднения при чтении тувинских текстов – на носителей языка и, прежде всего, на детей школьного возраста, оказывают влияние традиции русского письма, в котором буквами *п* и *т* передаются глухие согласные звуки, а буквами *б* и *д* – звонкие. По аналогии с этим ученики и тувинские согласные [p] и [t] зачастую произносят на русский манер – с обязательной звонкостью, что противоречит артикуляторным нормам тувинского языка.

Во избежание нарушения орфоэпических норм тувинского литературного языка под влиянием графики, созданной на основе русского алфавита, К. А. Бичелдей предлагает внести в тувинский алфавит определенные коррективы [Бичелдей, 2000, с. 6]: ввести специальные графемы для передачи сильных согласных. Согласные буквы *Бб*, *Вв* и *Дд* также необходимо сохранить в алфавите для обозначения позиционных оттенков слабых фонем [p] и [t] соответственно. Тем самым нарушается фонематический принцип письма: слабая фонема [p] будет иметь три буквенных обозначения в зависимости от позиции и комбинаторики употребления – *п*, *б*, *в*, оттенки фонемы [t] будут передаваться двумя буквами – *т* и *д*. Такое сознательное отступление от принципов создания идеального алфавита на фонематической основе представляется оправданным и практически целесообразным в современных условиях тувинско-русского билингвизма и высокой грамотности населения.

Требуют своего решения и актуальные для тувинского письма проблемы орфографирования, к числу которых относятся вопросы обозначения на письме фарингализованных гласных. В действующей орфографии фарингализация обозначается лишь в девяти словах. Такой подход нельзя считать последовательным и практически целесообразным, он вызывает большие сложности при обучении письму и чтению на тувинском языке, детерминируя многочисленные орфографические и орфоэпические ошибки, разрушая произносительные нормы тувинского литературного языка.

Итак, анализ графических и орфографических систем в южносибирских тюркских языках свидетельствует о том, что авторы, говоря о фонетическом принципе письма, зачастую имеют в виду фонематический принцип.

Интуитивно авторы-разработчики тюркских орфографий проводят в своих трудах фонематический принцип, происходит лишь терминологическая подмена, обусловленная, в частности, нечеткостью разведения в специальной фонетической литературе терминов *фонетика* и *фонология*: термин фонетика обозначает как родовое понятие: наука о звуках как единицах речи, так и видовое: *фонетика* = *фонетика* + *фонология*, где *фонология* – наука о фонемах как единицах языка. Такой подход представляется неудачным – научные термины должны быть однозначными, полисемия здесь недопустима. Для устранения противоречия В.М. Наделяевым был предложен термин *фоника* для обозначения науки, изучающей звуки речи (фоны). В этом случае *фонетика* как видовое понятие включает в себя родовые понятия *фоника* и *фонология*: *фонетика* = *фоника* + *фонология*.

Кроме базового фонематического и сопутствующих ему фонического и морфологического принципов письма, на периферии орфографических систем в южносибирских тюркских языках допускается использование традиционного или этимологического, исторического принципа правописания.

Сложные гласные звуки в тюркских языках Южной Сибири и особенности обозначения их на письме

Вопросы правописания сложных гласных звуков – долгих, фарингализованных, дифтонгов – относятся к числу наиболее актуальных проблем современной орфографии тюркских языков Сибири.

По происхождению долгие гласные в тюркских языках являются гласными вторичного образования. Чаще всего они появлялись в результате выпадения интервокальных согласных («*or*», «*j*», «*ŋ*») и последующего стяжения гласных. Этот процесс может происходить как внутри корневой морфемы: **ayŷz* ‘рот, пасть’ → алт. *оос* «*ɔ:s*», кум. *агыс* «*ɑ:qɯs ~ ɑ:s*»; **bayŷr* ‘печень’ → алт. *буур* «*βu:ɣ*», кум. *пагар* «*paɣar ~ pa:ɣ*»; **soyɯq* ‘холод’ → алт. *соок* «*sɔ:χ*», так и при аффиксации, например, при образовании причастных форм на -*ar*: *saɣ* + *ar* = *сагар* «*saɣar*» → *саар* «*sa:ɣ*» ‘будет доить»; *тоң* + *ar* = *тоңор* «*toŋor*» → *тоор* «*to:r*» ‘будет мерзнуть»; или причастных форм на -*галак/-гелек*: *ойна* ‘играть’ + *галак* = *ойнагалак* «*ɔjnaɣalaχ*» → *ойнаалак* «*ɔjna:laχ*» ‘ещё не играл’.

Кроме стяженных долгих гласных, в тюркских языках выделяют первичные (этимологические)

долготы. Первичную долготу реконструируют в таких общетюркских словах, как *а:т* ‘имя’, *а:ч* ‘голодный’, *ка:р* ‘снег’, *ка:с* ‘гусь’, *кы:с* ‘девушка’, *кө:к* ‘синий, голубой’, *кө:л* ‘озеро’, *о:н* ‘десять’, *о:т* ‘огонь’, *ө:т* ‘желчь’, *па:р* ‘есть’ и т.д. Проведённые инструментальные исследования показали, что в алтайском литературном языке и в алтайских диалектах произношение первичных долгих гласных факультативно (*кар* «*χar ~ χa:ɣ*» ‘снег’, *тын* «*tɯn ~ tɯ:n*» ‘дышать’, *төрт* «*tört ~ tɔ:rt*» ‘четыре’, *жок* «*ħɔχ ~ ħɔ:χ*» ‘нет’, *жол* «*ħɔl ~ ħɔ:l*» ‘дорога’), т.е. первичная долгота гласных как система в алтайском языке не сохранилась [Шалданова, 2007, с. 182–193]. Аналогичные результаты получены по вокализму киргизского языка, судьба которого неоднократно пересекалась с хакасским.

В ряде тюркских языков Южной Сибири – хакасском, шорском, чулымско-тюркском, а также в языках Северного Алтая отмечается позиционная долгота гласных: удлиняется (более) широкий гласный в открытом слоге перед (более) узким гласным последующего слога. Причем в этих случаях краткий широкий гласный может удлиняться до длительности стяженного долгого гласного. Это удлинение носит фонологический характер, происходит чередование кратких и долгих гласных фонем: кум. *тар* «*taɣ*» ‘порох’ – «*ta:ɣɯm*» ‘порох=мой’, *ат* «*at*» ‘конь’ – «*ɑ:dɯm*» ‘конь=мой»; туб. *паи* «*pa:ɣ*» ‘голова’ – *пажым* «*pa:ɣɯm*» ‘голова=моя’, *пеш* «*peʃ*» ‘пять’ – *пешим* «*pe:ʃɯm*» ‘пятерка=моя»; шор. *парбадым* «*paɣba:dɯm*» ‘не уходил=я’, *келбесим* «*kelβe:sim*» ‘не приду=я»; чул.-тюрк. *семис* «*sɛ:mis*» ‘жирный’, *темир* «*te:mir*» ‘железо’ [Бирюкович, 1975, с. 55–67].

Впервые в тюркологии проблему позиционной долготы гласных поставил на материале хакасского языка М.И. Боргояков. Он убедительно показал, что в хакасском языке удлинение широких гласных происходит только в 1-м слоге перед узкими гласными *ы* и *и*: *чадыр* «*ʃa:dɯr*» ‘лёжа’, *харын* «*χa:ɣɯn*» ‘желудок’, *и:рин* «*i:ɣin*» ‘губа’. При этом 2-й слог должен начинаться звонким или сонорным согласным, перед долгим глухим согласным в хакасском языке такого удлинения не происходит: *чадыр* «*ʃa:dɯr*» ‘лежит’, но *чатыр* «*ʃat:ɣɯr*» ‘уложи’ [Боргояков, 1966, с. 81–98]. В непервых слогах широкий гласный удлиняется только перед *г* (*g*) + узкий гласный: *хулагы* «*χula:ɣɯ*» ‘ухо=его’, но *палазы* «*pa:laɣzɯ*» ‘ребенок=его’. Закономерности реализации позиционной долготы гласных в хакасском языке нашли всестороннее освещение на инструмен-

тальном материале в монографии Г. В. Кыштымовой [2001, с. 92–98].

Проблема правописания долгих гласных в тюркских языках Южной Сибири остается одной из дискуссионных в современной орфографии. В качестве основного принципа принято обязательное обозначение стяжённых долгих гласных. Но вопросы происхождения долготы единиц вокальных систем остаются во многом нерешёнными. Не все случаи формирования долготы удастся реконструировать, диалектная речь отражает различные стадии процесса выпадения интервокального согласного и стяжения двух кратких гласных в один долгий, что влечёт за собой непоследовательность в передаче на письме. Сложность выработки орфографических норм для обозначения долготы гласных обусловлена ещё и ярко выраженным проявлением закона позиционной долготы гласных в хакасском, шорском и североалтайских тюркских языках. При этом позиционно долгий гласный может проявляться даже с большей долготой, чем стяжённый гласный.

В соответствии с требованиями системного подхода при разработке норм орфографирования, одинаковые единицы языка должны иметь единое обозначение. Тем не менее по действующим правилам орфографии позиционная долгота гласных не находит на письме отражения, что приводит к непониманию детьми правил правописания при обучении в школе и ведёт к появлению многочисленных ошибок. Как отмечают педагоги, самое большое количество орфографических ошибок у школьников связано с отсутствием единого принципа написания долгих гласных. Всё это свидетельствует о необходимости пересмотра действующих орфографий с учетом современных представлений о состоянии фонологических систем.

Спецификой языка туба–кижи, выделяющей его среди других южносибирских тюркских языков и диалектов, является наличие трёх твёрдых диграфных дифтонгов: *ao* «*äö*», *au* «*öü*», *ou* «*öü*»: «*äö*» – *авом* «*äwöm*» / *аом* «*äöm*» ‘отец=мой’; «*öü*» – *савын* «*säwün*» / *саун* «*säün*» ‘мыло’; «*öü*» – *јовош* «*höwöš*» / *јовуш* «*höwüş*» / *јоуш* «*höüş*» ‘спокойный» [Сарбашева, 2004, с. 50–53]. Долгие гласные передаются путем удвоения соответствующих графем, для обозначения дифтонгов используется сочетание соответствующих гласных букв.

Тувинский вокализм на фоне других тюркских языков отличается качественным и количественным своеобразием: кроме традиционных

для тюркских языков 8 кратких и 8 долгих гласных, выделяются 8 фарингализованных фонем [Дамбыра, 2005, с. 38–40].

В соответствии с правилами действующей тувинской орфографии, специальная графическая передача фарингализованной окраски гласных звуков с помощью твёрдого знака, добавляемого к соответствующей графеме гласного фарингализованного звука, введена лишь для девяти слов: *аът* ‘конь’, *оът* ‘травя’, *каът* ‘ряд’, *эът* ‘мясо’ (обозначается фарингализация и во всех производных формах, образованных от данных основ), *чаъс* ‘дождь’, *чуък* ‘груз’, *чөөп* ‘гуша’, *дүүш* ‘полдень’, *аъш-чем* ‘пища’ (фарингализация маркируется на письме твёрдым знаком только в исходных основах, но не в производных от них) [Бичелдей, 2005, с. 20–28]. В остальных лексемах с фарингализованными гласными дополнительная окраска вокального звука передается на письме факультативно. Исходя из системного подхода при формировании орфографических норм языка, следует ввести правило обязательной передачи фарингализованного произношения гласных как в основах, так и в производных от них формах, образующихся при словообразовании и словоизменении.

Геминаты и обозначение их на письме

Определённые сложности возникают при обозначении на письме геминат – удвоенных согласных, появляющихся на стыке морфем; обозначаются они удвоением согласной буквы. В последние десятилетия в тюркских языках Южной Сибири наблюдается тенденция к сокращению длительности удвоенных согласных на стыке морфем, к утрате ими двухвершинности при произнесении; зачастую геминаты по своим характеристикам приближаются к долгим.

Если удвоенные согласные встречаются, как правило, на стыке морфем, между ними можно провести морфологическую границу (алт. *аттар* «*at=taɣ*» ‘кони’), с артикуляторной точки зрения удвоенные согласные являются двухвершинными «*tː*», длительность удвоенных согласных равна длительности сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой же позиции (алт. *аттар* «*attar*» ‘кони’ – *батпак* «*batpaɣ*» ‘коренастый, толстый’), то долгие согласные реализуются, как правило, внутри морфемы, являются одновершинными и по длительности они меньше сочетания двух аналогичных кратких согласных в этой позиции, но больше длительности одного краткого согласного в этой же позиции.

На современном синхронном срезе наблюдается тенденция к переходу геминат в долгие: алт. *кату* «хат:у» ‘твердый’ ← *кат=тыг*. В этом случае происходит амальгамирование, т.е. сплав, слияние компонентов словоформы, осложняющее процесс морфологического членения: если это один долгий согласный, то где проводить границу между морфемами? Существуют различные подходы к трактовке рассматриваемого явления, но удовлетворительного решения проблемы пока не предложено ни в одной из тюркских орфографических систем.

Аналогичные трудности в применении алгоритмов слогаделения при компьютерной обработке текстов возникают и на материале языков иных систем (в частности, рассматривались итальянские диалекты): «... в двух случаях автоматически происходит ошибочное разбиение словоформ на слоги: в случае с дифтонгами, когда два знака определяются как два гласных сегмента и относятся к разным слогам, и в случае с геминатами, когда слоговая граница проводится между двумя одинаковыми согласными, без учета их фонологической сущности» [Филипацци, 2011, с. 56]. Используемый автором вслед за А. А. Кретовым прием разграничения геминат (монофонов) и ассимилятов (бифонов) представляется перспективным для применения на материале южносибирских тюркских языков, для консонантных систем которых оппозиция единиц по параметрам краткости-долготы является одной из базовых.

Алгоритмы реализации сингармонизма в тюркских языках Южной Сибири и правила орфографии

Сингармонизм как явление морфонологического характера относится к числу системообразующих типологических характеристик урало-алтайских языков агглютинативного типа. Основной составляющей сингармонизма является закон гармонии гласных, регламентирующий последовательность вокальных компонентов в слове при помощи ограниченного набора сингармонических моделей. Но сингармонизм включает в себя и консонантную гармонию [Виноградов, 1990, с. 445]. Совокупность всех сингармонических моделей образует сингармоническую систему языка [Черкасский, 1965, с. 10].

Исследования звуковых систем тюркских языков народов Сибири показали, что типологически общие для них алгоритмы реализации палатального и лабиального сингармонизма имеют в каж-

дом из языков свою специфику, корни которой следует искать в истории формирования этносов.

Алтайский сингармонизм. Сингармоническая система алтайского литературного языка представлена четырьмя сингармоническими моделями. При этом лишь в двух (О-о и Ö-ö) из восьми сингармонических цепочек с огубленными гласными начального слога последовательно соблюдается губная гармония гласных, что свидетельствует о значительном её разрушении в нормированном алтайском языке. Однако в сельской местности носители языка алтайкижи реализуют иной алгоритм губной гармонии (*кужу* ‘птица=его’, *күнү* ‘солнце=его’), отражающий более древнюю и более полную систему. Обе алтайские сингармонические системы определяются как полные, реализующие не только нёбную, но и (частично) губную гармонию гласных.

Вопросы орфографирования сингармонических вариантов постоянно находятся в центре внимания научной и педагогической общественности. Если законы палатального (нёбного) сингармонизма соблюдаются в алтайском письме последовательно по всей словоформе [*бала* ‘ребенок’ – *балдар* (мн. ч.) – *балдардын* (род. п.), *кижи* ‘человек’ – *кижилер* (мн. ч.) – *кижилердин* (род. п.)], то отклонения от соблюдения принципов лабиальной (губной) аттракции [*согон* ‘стрела’ – *согондор* (мн. ч.) – *согондорго* (дат.-напр. и.); *көл* ‘озеро’ – *көлдөр* (мн. ч.) – *көлдөргө* (дат.-напр. п.)] относительно частотны. Губная гармония чётко проводится в пределах основы, но при наращении аффиксов гипотетическая идеальная сингармоническая модель зачастую не выдерживается (*колды* ‘руку’, *көрдү* ‘видел’).

В изданных в 2019 г. «Правилах орфографии...» указывается: «В соответствии с фонетическим принципом, в алтайском языке осуществляется написание гласных по сингармоническим рядам» [Правила орфографии, 2019, с. 30–31]. Подробно освещены законы палатальной гармонии, а также губной с многочисленными её “нарушениями”, и правила обозначения их на письме.

Хакасский сингармонизм. Хакасский язык относится к числу языков, в которых губной сингармонизм, фактически, полностью разрушен (или так и не успел сформироваться): *хузы* ‘птица=его’, *холы* ‘рука=его’, *көлі* ‘озеро=его’, *күні* ‘солнце=его’. Но при этом диалекты хакасского языка, как и в алтайском языке, сохраняют элементы губной гармонии (*хузу* ‘птица=его’, *күнү* ‘солнце=его’) – сингармоническая система переходная от полной к стяженной. Нетипичным для

тюркских языков является проявление законов палатального сингармонизма при реализации в речи хакасских гуттуральных согласных, где мягкорядные реализации фонем отличаются от твёрдорядных аллофонов этих же фонем не только активным артикулирующим органом и локусом образования, но и способом артикуляции – мягкорядные оттенки являются смычными, твёрдорядные – щелевыми [Субракова, 2006, с. 210].

Хакасская орфография предусматривает четкое отражение на письме законов нёбного сингармонизма: в пределах словоформы сочетаются гласные одного палатального ряда - твёрдого или мягкого; исключение – долгая фонема и. Сложнее ситуация с соблюдением на письме правил лабиальной аттракции. Во избежание многовариантности написания аффиксов в составе хакасской словоформы, по правилам орфографии принято узкие огубленные гласные у и ү, в отношении которых в основном соблюдается лабиальный сингармонизм, обозначать на письме лишь в пределах неразложимых основ, включая непродуктивные аффиксы: узун ‘длинный’, тұлгу ‘лиса’.

Тувинский сингармонизм. В тувинском языке сингармонизм включает не только палатальный и лабиальный, но и глоточный аспект [Бичелдей, 2001, с. 46–52; Дамбыра, 2005, с. 185]. По локализации преграды настройки твёрдорядных и мягкорядных аллофонов фонемы [к] в нефарингализованных словах фактически совпадают; в составе фарингализованных – резко различаются. Звуковой облик тувинской словоформы с гуттуральными согласными регламентируется не столько палатальным, сколько фарингальным сингармонизмом [Кечил-оол, 2006, с. 325].

Поскольку нёбная гармония в тувинском языке носит строго последовательный характер, она находит столь же четкое отражение в орфографии, как и палатальная. Отступление от принципов сингармонизма происходит в сложных словах, второй компонент которых восходит к слову чок ‘нет, не имеется’: аажок ‘очень’, эмгежок ‘много’. Фарингальный сингармонизм на письме не отражается.

Поскольку тюркские языки относятся к числу сингармонических, при разработке и усовершенствовании систем письма для них необходимо учитывать не только системы фонологических единиц сегментного уровня, но и специфику суперсегментной фонетики, в частности, закономерности сингармонизма [Жунисбек, 2009, с. 3–4].

Заключение

При разработке и совершенствовании системы письма должна быть учтена специфика строя национального языка с учетом изменений, которые происходят в настоящее время, а также обеспечена возможность быстрого и легкого усвоения грамоты на родном языке; алфавит должен быть максимально унифицированным с алфавитами языков, пользующихся общей графической основой, с учетом общих черт их фонематического строя. Основным требованием к орфографии является максимальная простота, общедоступность, легкость усвоения, стандартность написания, экономное и полное отражение на письме особенностей языка [Мусаев, 1965].

Результаты анализа дискуссионных проблем современного состояния графических и орфографических систем южносибирских тюркских языков свидетельствуют о том, что большинство рассматриваемых систем являются фонико-фонематическими с добавлением элементов морфологического подхода. При создании современных алфавитов для новописьменных языков и инновационных преобразований младописьменных орфографий разработчики в ряде случаев сознательно допускают отклонения от алгоритмов идеального – фонематического – письма, внедряя фонико-фонематические подходы во избежание влияния русской графики на произносительные нормы национальных языков – особо пагубного для школьного обучения в условиях билингвизма. Нарушение фонематического принципа письма оправдано потребностями практики выработки у детей произносительных навыков, свойственных артикуляционно-акустической базе родного языка.

Обсуждение дискуссионных проблем орфографирования сложных гласных звуков – долгих, фарингализованных, дифтонгов – свидетельствует о необходимости применения системного подхода при разработке правил письма: одинаковые единицы языка должны иметь единое обозначение. Вместе с тем, в южносибирских тюркских языках до сих пор не находят отражения на письме позиционно долгие гласные, реализующиеся в определенных позиционно-комбинаторных условиях даже с большей долготой, чем стяженные вокальные единицы.

В тувинской орфографии следует ввести правило последовательной передачи фарингализованных гласных как в основах, так и в производных от них формах.

Поскольку тюркские языки являются сингармоническими, при разработке и совершенствовании письма необходимо учитывать не только системы фонологических единиц сегментного уровня, но и специфику суперсегментной фонетики.

В. М. Надеяев, чья работа «Графика и орфография долганского языка» [1982] может послужить теоретической и методической основой для разработки и совершенствования письменности, отмечал, что «... без учета качественных и количественных характеристик фонем может оказаться неудачным подбор буквенных знаков для выявленных фонем...» [Он же, 1981, с. 13]. Дальнейшая работа по совершенствованию тюркской графики и орфографии предполагает широкое использование научных результатов, полученных в ходе экспериментально-фонетических исследований отечественных и зарубежных тюркологов с применением современных методологий и высокоточной аппаратуры, а также с учетом тех фонетических трансформаций, которые происходят на данном этапе функционирования языков.

Литература

- Бирюкович Р. М.** О первичных долгих гласных в чуйско-тюркском языке // Советская тюркология. 1975. № 6. С. 55–67.
- Бичелдей К. А.** Латинизированный и русифицированный алфавиты тувинского языка – к проблеме совершенствования тувинской графики и орфографии // Становление и развитие науки в Туве. 1 ч. Кызыл: ТывГУ, 2000. С. 6–7.
- Бичелдей К. А.** Фарингализация в тувинском языке. М.: Изд-во РУДН, 2001. 289 с.
- Бичелдей К. А.** Проблемы совершенствования графики и орфографии современного тувинского языка // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы развития. Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк», 2005. С. 20–28.
- Боргояков М. И.** Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1966. С. 81–98.
- Виноградов В. А.** Сингармонизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 445.
- Грамматика хакасского языка.** М.: Наука, 1975. 417 с.
- Дамбыра И. Д.** Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 223 с.
- Жунисбек А.** Введение в сингармоническую фонетику. Алматы: Арыс, 2009. 108 с.
- Карпов В. Г.** Сопоставительная фонетика хакасского и русского языков. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1995. 72 с.
- Кечил-оол С. В.** Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.
- Кыштымова Г. В.** Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 152 с.
- Мусаев К. М.** Алфавиты языков народов СССР. М.: Наука, 1965. 85 с.
- Надеяев В. М.** Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск: Гос. публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР, 1981. С. 11–37.
- Надеяев В. М.** Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск: Управление делами СО АН СССР, 1982. С. 3–50.
- Орфографический словарь алтайского языка.** Горно-Алтайск: Науч.-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2020. 384 с.
- Патачакова Д. Ф.** Орфография хакасского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. М.: Наука, 1973. С. 257–270.
- Петрушова М. Б.** Краткая грамматика кумандинского языка. Новосибирск: НГУ, 2005. 112 с.
- Правила орфографии современного алтайского языка.** Горно-Алтайск, 2019. 384 с.
- Рассадин В. И.** Картинный словарь сойотского языка. Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2020. 168 с.
- Сарбашева С. Б.** Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 242 с.
- Сарбашева С. Б.** К проблеме разработки тувинского алфавита // Алтайская и восточная филология. М.: Восточная литература, 2005. С. 388–400.
- Селютина И. Я.** Кумандинский консонантизм (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1980. 26 с.
- Субракова В. В.** Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 244 с.
- Тадыкин В. Н., Тыбыкова А. Т.** Орфография и пунктуация алтайского языка. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 174 с.
- Тукмачев Л. М.** Азбука кумандан. Барнаул: Азбука, 2005. 100 с.
- Филипаци Ю. А.** Фонологическая интерпретация геминат (на материале сицилийского диалекта) //

- Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 56–60.
- Черемисина М.И., Тазранова А.Р.** Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 2006. 150 с.
- Черкасский М.А.** Тюркский вокализм и сингармонизм. М.: Наука, 1965. 143 с.
- Шалданова А.А.** Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 280 с.
- Широбокова Н.Н.** О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.
- References**
- Bicheldei K.A.** Faringalizatsiya v tuvinskom yazyke. Moscow: Izd-vo RUDN, 2001. 289 pp.
- Bicheldei K.A.** Latinizirovannyi i rusifitsirovannyi alfavituvinskogo yazyka – k probleme sovershenstvovaniya tuvinskoj grafiki i orfografii. In: Stanovlenie i razvitie nauki v Tuve. I ch. Kyzyl: TyvGU, 2000. Pp. 6–7.
- Bicheldei K.A.** Problemy sovershenstvovaniya grafiki i orfografii sovremennogo tuvinskogo yazyka. In: Gumanitarnaya nauka Tuvy na styke vekov: istoriya, problemy i perspektivy razvitiya. Kyzyl: Tip. KTso «Anyak», 2005. Pp. 20–28.
- Biryukovich R.M.** O pervichnykh dolgikh glasnykh v chulymsko-tyurkskom yazyke. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1975. № 6. Pp. 55–67.
- Borgoyakov M.I.** Ob obrazovanii i razviti nekotorykh dolgikh glasnykh v khakasskom yazyke. In: Uchenye zapiski KhakNIYaLI. Vyp. XII. Abakan: Khakasskoe otd-nie Krasnoyarskogo kn. izd-va, 1966. Pp. 81–98.
- Cheremisina M.I., Tazranova A.R.** Yazyki korennykh narodov Sibiri. Novosibirsk: NGU, 2006. 150 pp.
- Cherkasskii M.A.** Tyurkskii vokalizm i singlarmonizm. Moscow: Nauka, 1965. 143 pp.
- Dambyra I.D.** Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: ID «Sova», 2005. 223 pp.
- Filipatstsi Yu.A.** Fonologicheskaya interpretatsiya geminat (na materiale sitsiliiskogo dialekta). In: Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2011. № 2. Pp. 56–60.
- Grammatika khakasskogo yazyka.** Moscow: Nauka, 1975. 417 pp.
- Karpov V.G.** Sopostavitelnaya fonetika khakasskogo i russkogo yazykov. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1995. 72 pp.
- Kechil-ool S.V.** Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-kholskogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: ID «Sova», 2006. 362 pp.
- Kyshtymova G.V.** Sostav i sistemy glasnykh fonem sagaiskogo i kachinskogo dialektov khakasskogo yazyka. Eksperimentalno-foneticheskoe issledovanie. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. 152 pp.
- Musaev K.M.** Alfavit yazykov narodov SSSR. Moscow: Nauka, 1965. 85 pp.
- Nadelyaev V.M.** Grafika i orfografiya dolganskogo yazyka. In: Eksperimentalnaya fonetika sibirskikh yazykov. Novosibirsk: Upravlenie delami SO AN SSSR, 1982. Pp. 3–50.
- Nadelyaev V.M.** Teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie foneticheskikh issledovaniy po yazykam narodov Severa. In: Pis'mennost' narodov Sibiri. Istoriya i perspektivy. Novosibirsk: Gos. publichnaya nauchnotekhnicheskaya biblioteka SO AN SSSR, 1981. Pp. 11–37.
- Orfograficheskii slovar altaiskogo yazyka.** Gorno-Altaysk: Nauch.-issled. in-t altaistiki im. S. S. Surazakova, 2020. 384 pp.
- Patachakova D.F.** Orfografiya khakasskogo yazyka. In: Orfografiya tyurkskikh literaturnykh yazykov SSSR. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 257–270.
- Petrushova M.B.** Kratkaya grammatika kumandinskogo yazyka. Novosibirsk: NGU, 2005. 112 pp.
- Pravila orfografii sovremennogo altaiskogo yazyka.** Gorno-Altaysk, 2019. 384 pp.
- Rassadin V.I.** Kartiny slovar soiotskogo yazyka. Ulan-Ude: Izd-vo PAO «Respublikanskaya tipografiya», 2020. 168 pp.
- Sarbasheva S.B.** Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altaiskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004. 242 pp.
- Sarbasheva S.B.** K probleme razrabotki tubinskogo alfavita. In: Altaiskaya i vostochnaya filologiya. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. Pp. 388–400.
- Selyutina I.Ya.** Kumandinskii konsonantizm (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): avtoref. ...kand. filol. n. Alma-Ata, 1980. 26 pp.
- Shaldanova A.A.** Vokalizm dialekta altai-kizhi v sopostavitel'nom aspekte. Novosibirsk: ID «Sova», 2007. 280 pp.
- Shirobokova N.N.** O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri). In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. № 4. Pp. 242–250.
- Subrakova V.V.** Sistema soglasnykh sagaiskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyi aspekt. Novosibirsk: ID «Sova», 2006. 244 pp.
- Tadykin V.N., Tybykova A.T.** Orfografiya i punktuatsiya altaiskogo yazyka. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otd-nie Alt. kn. izd-va, 1981. 174 pp.
- Tukmachev L.M.** Azbuka kumandan. Barnaul: Azbuka, 2005. 100 pp.
- Vinogradov V.A.** Singarmonizm. In: Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 445 pp.
- Zhunisbek A.** Vvedenie v singlarmonicheskuyu fonetiku. Almaty: Arys, 2009. 108 pp.

СИНОНИМИЯ МОДЕЛЕЙ С ИМЕННЫМ И ГЛАГОЛЬНЫМ ПРЕДИКАТОМ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Ч. Серээдар

Тувинский институт гуманитарных, прикладных и социально-экономических исследований при Правительстве РТ, ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667000, Россия; email: sereedar.62@mail.ru

Статья посвящена изучению, выявлению и описанию моделей простого предложения, поиску смысловых сходств и различий синонимических конструкций. В статье предпринята попытка изучения языковых свойств синонимов во взаимообусловленности их словообразовательных, синтаксических и коммуникативных особенностей; представлены языковые уровни, на которых обнаруживаются сходства и различия синонимических единиц; синонимические свойства моделей исследуются в связи с их коммуникативными функциями при соотношении с гипермоделями; предложен механизм прогнозирования синтаксических и коммуникативных свойств мотивированных предикатов со значением профессии по типу их производности. Синонимичные предложения обладают одним типовым значением, отражают одну и ту же типовую ситуацию. Синонимические модели со значением профессии, рода деятельности в тувинском языке представляют разные моделиобразующие способы: аффиксальный, лексико-семантический, синтаксический (изафет, управление). В работе проанализированы четыре группы моделей профессии, рода деятельности, оценки. Некоторые из синтаксических различий моделей проявляются уже на словообразовательном уровне, другие – на синтаксическом и коммуникативном. Анализ данных групп моделей позволил выявить их семантическую, грамматическую и функциональную специфику. Семантическая специфика данных единиц заключается в возможности выражения субстантивными предикативными формами значений профессии, рода деятельности человека, относящихся к любой сфере. Грамматическая специфика состоит в возможности выражения основной части составного субстантивного сказуемого именем существительным в определенных формах, что определяется бифункциональностью существительного как языкового знака.

Ключевые слова: модель, элементарные простые предложения, структурная схема, семантика предложения, структура предложения, пропозиция, синонимия моделей, синтаксические синонимы, именной предикат, глагольный предикат.

SYNONYMY OF MODELS WITH THE NOMINAL AND VERBAL PREDICATE IN THE TUVAN LANGUAGE

N.Ch. Sereedar

Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: sereedar.62@mail.ru

The article is devoted to identifying, exploring and describing the models of a simple sentence, searching for semantic similarities and differences of synonymous constructions. The article makes an attempt to explore the linguistic properties of synonyms in interdependence of their word-formation, syntactic, and communicative peculiarities; the linguistic levels showing similarities and differences of synonymous units are presented; the synonymous properties of models are studied in relation to their communicative functions in correlation with hypermodels; the mechanism of forecasting the syntactic and communicative properties of motivated predicates denoting profession by type of their derivation is proposed. Synonymous sentences have the same generic meaning, i.e. they reflect the same type-determined situation. Synonymic models with the meaning of profession, occupation in the Tuvan language represent different model-forming constructs: affixal, lexical-semantic, syntactic (ezāfe, government). Four groups of models for profession, occupation and ways of evaluation are analysed in the paper. The analysis of these groups of models revealed their semantic, grammatical and functional specifics. The semantic specificity of these units lies in the possibility of expressing by substantive predicative forms the meanings of the profession, the kind of human activity related to any sphere. Grammatical specificity consists in the possibility of expressing the main part of a compound substantive predicate by a noun in certain forms, which is determined by the bifunctionality of the noun as a linguistic sign.

Keywords: model, elementary simple sentences, block diagram, sentence semantics, sentence structure, proposition, synonymy of models, syntactic synonyms, nominal models, verbal models.

Разные исследователи по-разному представляют модель предложения и по-разному описывают эту эмическую сущность. Этому посвящено немало работ. Так, Т.П. Ломтев представлял языковые сущности, «образцы», в виде искусственных фраз, в которых устранялось все лишнее и оставались только структурно необходимые компоненты. Например, *Иван бьет Петра, Иван дает Петру книгу, Иван режет мясо ножом* [Ломтев, 1958]. Подобные предложения, с одной стороны, обнажают грамматическое устройство образца, наглядно демонстрируя то, что позже будет названо *структурной схемой*, с другой стороны, так же непосредственно выражают определенный синтаксический смысл, т.е. намечают некоторый класс ситуаций, которые можно описать таким же способом. Такой способ представления соблазняет своей конкретностью, но он не позволяет детализировать этого представления, не описывает семантических возможностей данного образца.

В.Ю. Копров отмечает общие подходы к типологии предложения и классификации русского простого предложения: 1) традиционные взгляды и идеи (Грамматика русского языка, 1954); 2) в основе типологии простого предложения должен лежать предикативный минимум (Н.Ю. Шведова, С.И. Кокорина и др.); 3) идея об информативном минимуме предложения (Л. Теньер, В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюнова, И.П. Распопов и др.); 4) в чем-то совпадающие, а в чем-то отличающиеся концепции от вышеперечисленных (Г.А. Золотова, А.М. Ломов, З.Д. Попова) [Копров, 1999].

В русской синтаксической традиции намечается противостояние двух тенденций: логической и структурно-грамматической. Об этом пишет В.В. Виноградов [1955], противопоставляя логический, формальный, ложно-грамматический и структурно-грамматический, семантико-синтаксический, морфологический подходы в синтаксисе [Новоженова, 2001].

Настоящая работа основывается на положениях и терминологии Новосибирской синтаксической школы, основанной М.И. Черемисиной, подход которой в основных чертах перекликается с изложенными выше. По М.И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступно прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей,

в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов.

Мы будем представлять каждое предложение (единицу языка) его *моделью*, которую понимаем как двустороннюю сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция. Уточним соотношение терминов и понятий: подлинная единица высшего, синтаксического уровня языка есть *предложение* (точнее, *элементарное*, минимальное предложение, в котором представлены необходимые и достаточные компоненты). Но эта единица нам непосредственно *не дана, недоступна*, и потому мы *представляем ее моделью*. Модель – это зафиксированное определенным образом *наше понимание* того, что такое предложение. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «модель», говоря о единицах языка.

Модель предложения – это искусственное построение, *конструкт*, который создается исследователем, лингвистом, в соответствии с тем, как он понимает, представляет себе предложение как единицу языка. Модель не претендует на точное отражение того психического образования, которое хранится у каждого в подсознании, но она должна сделать явными *самые существенные* с точки зрения говорящего черты, характеристики этого объекта. ЭПП есть синтаксическая единица языка на уровне **простого предложения**. Одному предложению как единице языка может соответствовать бесконечное множество конкретных речевых построений. **Элементарным** мы называем простое предложение минимального состава, содержащего предикат и **все его актанты**.

Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [Черемисина, 1997, с. 58]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [Черемисина, 1996, с. 47]. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [Черемисина, 1995: 47].

Под элементарным простым предложением (ЭПП) вслед за М.И. Черемисиной мы понимаем языковую сущность, недоступную прямому наблюдению, поэтому его принято записывать в виде формул. ЭПП отражает необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [Черемисина, 1997, с. 47].

Модели, находящиеся в синтаксическом поле, вступают в определенные отношения между собой. Идея о развитии в синтаксисе отношений синонимии заложена в работах Т.П. Ломтева. К проблемам синтаксической синонимии предложен подход в рамках структурно-семантического направления синтаксических исследований в работах Т.П. Ломтева [1972; 1979], Г. А. Золотовой [1968], где найдено иное решение вопроса о месте семантики в синтаксисе.

При установлении синонимичности Т.П. Ломтев [1958] на первый план выносит тождество синтаксических позиций. Он считает, что разные грамматические средства, выражая различные оттенки одного основного значения, находятся в отношении синтаксической синонимии. Ломтев отмечает также важную роль синтаксической синонимии в усложнении, обогащении и дифференциации грамматических конструкций [1956, с. 31]. С теорией Т.П. Ломтева сближается теория функциональной синонимии.

Синтаксическими синонимами в работах Г.А. Золотовой называются единицы, «формирующиеся одинаковым набором одноименных, но разнооформленных компонентов» [1987, с. 682]. Понятие одноименности (включающее значение подкласса части речи), характеризующее синонимичные единицы, рассматривается как основание их смысловой инвариантности. Условием синонимического варьирования синтаксической конструкции признается сохранение типового содержания модели. Типовое значение, понимаемое как значение смысловых констант предложения, и модель соотносятся друг с другом как семантическая структура предложения и его семантико-грамматическая структура.

Одним из этапов семантико-словообразовательного анализа производных имен и глаголов является их соотнесение с единицами производящими. В качестве таковых признаются мотивирующие слова, взятые в контексте своего синтаксического окружения – мотивирующая синтаксическая конструкция. Цель анализа составляет исчисление исходных конструкций, выявление их семантико-грамматических признаков и на их основе предполагаемый прогноз о синтаксическом потенциале производного – типа его функциональной парадигмы.

Одно из проявлений системности в сфере моделей предложения заключается в том, что модели, четко противопоставленные друг другу в своих основных формах и значениях, могут давать функционально близкие варианты, в том числе и синонимичные (квазисинонимичные). Типовое значение рода деятельности, профессии объединяет следующие основные модели: $\{N_{Nom} N_{NOM (cop)}\}$; $\{N_{Nom} N_{LOC (cop)}\}$; $\{N_{Nom} V_f\}$; $\{N_{Nom} N_{ACC} V_f\}$.

Сфера именных и глагольных моделей представляет большой интерес для исследователя. Она изучена недостаточно. Остаются открытыми вопросы об инвентаре этих моделей, их примерном количестве и качестве, большем или меньшем соответствии именных и глагольных моделей в разных родственных языках. Эта сфера в целом трудно обозрима в силу своей сложности и отсутствия четких критериев, позволяющих разграничить разные модели и их варианты. Общее множество предложений-моделей первым шагом делится на две подсистемы: модели с глагольными предикатами, т.е. глагольные модели противопоставляются моделям с именными предикатами – именным моделям. Подсистема глагольных моделей представлена несколькими взаимосвязанными и взаимно противопоставленными микросистемами. Первое основание противопоставления базируется на наличии или отсутствии прямого объекта. Модели с прямым объектом составляют основную, базовую микросистему; ей противопоставляются модели, в структуре которых такого компонента нет. Центр «прямообъектной» микросистемы составляет двухкомпонентная модель с подлежащим и прямым дополнением (объектом); ее структурная формула – $\{N_{Nom} N_{Acc} V_f\}$, которой соответствует обобщенная пропозиция {кто/что – кого/что – действие}. Под действием всегда будет пониматься процесс, направленный на прямой объект, выраженное переходным глаголом в переходном значении. Для тувинского языка характерны повторы родственных

слов, в частности глаголов и существительных, которые часто производны от указанных глаголов. Это явление присуще языку фольклора, современной литературы и обычной разговорной речи. Значения глаголов типа *аңна* = 'охотиться' и *малда* = 'пасти скот' включают в свою семантику компоненты, выраженные словами *аң* 'зверь' и *мал* 'скот'. Поэтому они вполне употребимы без названий указанных объектов, а выражения *аң аңна*, *мал малда* избыточны. Хотя повтором существительных в определенной мере усиливается семантика глаголов, им придается какая-то особая конкретность, наглядность.

Базовые модели (минимальные коммуникативные единицы) имеют такие типовые значения, как субъект и его квалификация, субъект и его деятельность, субъект и его свойство, субъект и его качество. Типовое значение представляет собой общее значение равнозначных предложений, оформленных разными формами компонентов. Изосемическими или неизосемическими способами выражено это общее типовое значение. Изосемический способ выражения предиката в моделях с типовым значением «субъект и его квалификация» – это категория профессии, рода деятельности.

Глаголы деятельности, профессиональной активности человека. Глаголы деятельности человека связаны с полем профессиональной активности, поскольку любая деятельность так или иначе связана с профессией. Глаголы этого класса объединяются вокруг слов деятельности, обозначая работу, занятия в какой либо области. Они тесно смыкаются с глаголами социальной активности человека, относящимися к бытовой деятельности (ведение домашнего хозяйства), животноводству (коневодство, овцеводство), охоте, рыболовству, ремесленной деятельности (кузнечное дело), земледельческой, строительной, административной, технической, военной, медицинской деятельности, деятельности в области культуры, искусства (всего 12 групп).

Синонимичные предложения обладают одним типовым значением, т.е. отражают одну и ту же типовую ситуацию. В тувинском языке существуют именные и глагольные предикаты для выражения рода деятельности, профессии. Это такие предложения, как 1) *Ол – малчын* 'Он чабан', 2) *Ол малчыннап турар* 'Он чабанит', 3) *Ол малда* букв. 'Он в скотах', 4) *Ол мал малдап турар* 'Он пасет скот'. Синонимические модели со значением профессии, рода деятельности в тувинском языке составляют разные способы: аффиксальный, лексико-семантический, синтаксический (изафет,

управление). В работе проанализированы четыре группы моделей профессии, рода деятельности, оценки. В тувинском языке существуют разнообразные синтаксические модели для выражения профессии, рода деятельности: $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$, $\{N_{Nom} N_{Loc(cop)}\}$, $\{N_{Nom} V_f\}$, $\{N_{Nom} N_{Acc} V_f\}$.

Некоторые из синтаксических различий моделей проявляются уже на словообразовательном уровне, другие – на синтаксическом и коммуникативном.

Предикативное оформление конструкций со значением профессии, рода деятельности в современном тувинском языке весьма разнообразно. Типовое значение «профессия, род деятельности» передается словами разных частей речи, что позволяет использовать для выражения пропозиции «субъект и его деятельность» как глагольные, так и именные модели предложений разных видов, ср.: *Сүлдем – малчын* 'Сүлдем – чабан', *Сүлдем малда* букв. 'Сүлдем (находится) в скотах', *Сүлдем малчыннап турар* 'Сүлдем чабанит'. Семантическая соотносительность именных и глагольных конструкций обусловлена, прежде всего, словообразовательными связями предложно-падежных сочетаний с глаголом: *Сүлдем мал малдап турар* 'Сүлдем пасет скот'. Данные предложения являются синонимичными, образуют синонимический ряд. Разнообразие состава именных предложений со значением профессии, рода деятельности и глагольных предложений сводится, прежде всего, к противопоставлению предикатов-сказуемых. Поэтому для удобства противопоставляемые пары предложений обозначаем с помощью оппозиций «составное именное сказуемое – глагольное сказуемое». Глагольная модель со значением рода деятельности, профессии в отличие от субстантивной, воспринимается как динамическая, активная.

Своеобразие развития тувинского языка в эпоху демократизации общества состояло в возрастании роли профессионализмов в различных сферах общения. Необходимость ознакомления учащихся со словами, связанными с особенностями работы людей той или иной специальности, профессии, привела к появлению даже в школьных учебных пособиях нового раздела, в котором рассматриваются профессиональные слова. На начальных этапах развития тувинского языка слова, выражающие наименования лиц по профессии, ограничивались несколькими десятками. Лексикографические источники тувинского языка в целом предоставляют достаточно полные сведения о наименованиях лиц по профессии. Например: *инек=чи* 'скотник' (ТСТЯ, с. 590),

кузет=чи ‘пастух’, ‘табунщик’, ‘охранник’, *бижэ-эчи* 1) ‘писарь, письмоводитель, делопроизводитель’; 2) ‘человек, помогающий людям составлять письма’; 3) перен. ‘секретарь собрания’; 4) *перен.* ‘писатель’ (ТСТЯ, с. 252), *сымыраачы* ‘колдун’, ‘знахарь’ (ТСТЯ, 2 т., с. 780), *дус=чу* ‘рабочий, добывающий соль’ (ТСТЯ, с. 519), *ажыл=чы* ‘трудящийся, работающий, рабочий’ (ТСТЯ, т. 1 с. 79), *ажыл=чын* 1) ‘рабочий’; 2) ‘работник, слуга’; 3) ‘являющийся рабочим, относящийся к рабочим’ (ТСТЯ, т. 1., с. 79); *Амбын Чазаандан үнген элчи кижиги мен* (ИБ, АК) ‘Я посыльный, отправленный из административного правления (по имени) Амбын’; *Ол Чызаан чериниң бижээчизи-ле боор* (ИБ, АК) ‘Он (наверное) секретарь административного правления’; *Түрөп чораан уруг баштай моол бижикти, ооң соонда тыва бижикти өөрөңгү алгаш, Барыын-Хемчик кожууннуң бичээчизи болу берген* (Кыстың бүдүжү) ‘Девушка, которая мучилась, вначале выучила монгольское письмо, а потом выучила тувинское письмо и стала делопроизводителем Барыын-Хемчикского кожууна’.

Современный тувинский язык постоянно пополняется новыми наименованиями лиц по профессии, преимущественно заимствованного характера, лишь малая часть которых попадает в лексикографические издания. Например: *ветеринар* ‘ветеринар’, *геолог* ‘геолог’, *почта=чы* ‘почтальон’, *машина=кчы* ‘машинист’, *проходчик* ‘проходчик’, *зоотехник* ‘зоотехник’, *ламповщица* ‘ламповщица’; *Анай 18 харлыг почтачы* (С. Пюрбю) ‘Анай – восемнадцатилетняя почтальонша’; *Мен бурильщик база чораан мен* (М.К.-Л., АБК) ‘Я также был бурильщиком’.

Лексика наименований лиц по профессии очень разнообразна по своему морфологическому строю. Встречаются слова простые, производные и сложные.

1. Простые слова являют собой один корень: *хам* ‘шаман’, *лама* ‘монах’ и др.

2. Производные наименования лиц по профессии образуются при помощи суффиксов *=чы*, *=чын*, *=кчы*: *дүшчү* ‘прорицатель’, ‘толкователь снов’, *кижизид=икчи* ‘воспитатель’, *мал=чын* ‘чабан’, *өрүмне=кчи* ‘бурильщик’; *Мен кончуг дүшчү кижиги мен* (Тоолдан) ‘Я очень большой сновидец’.

Лексикографические источники тувинского языка в целом предоставляют достаточно полные сведения о наименованиях лиц по роду деятельности, профессии [ТРС, 1968; РТС, 1958; РТС, 1980; ТСТЯ, т. 1, 2003; ТСТЯ, т. 2, 2011]. Тувинский язык отличается большей детализацией в характеристике лица по разным признакам

и действиям в результате образования производных наименований лица, по сравнению с русским языком, например, лиц, занимающихся охотой. Присоединяясь к именным основам, аффикс *=чы* образует новые слова, выражающие профессию, деятельность, привычки. Встречаются более детализованные имена существительные. К ним относятся следующие существительные: *аң=чы* ‘охотник’ (ТСТЯ, с. 141), *диң=чи* ‘охотник на белок’ (ТСТЯ, с. 446), *балык=чы* ‘рыбак’ (ТСТЯ, с. 215), *бөрү=жү* ‘охотник на волков’, *дилги=жи* ‘охотник на лисиц’, *сыын=чы* ‘мараловод’ (ТСТЯ, с. 793), *киш=чи* ‘охотник на соболя’ (ТСТЯ, с. 140) и др.

Среди номинаций лиц со значением профессии в количественном отношении преобладают отглагольные дериваты, например: *шыгаа=кчы* ‘наводчик (боец)’, ‘поэт’, ‘поэтесса’, *шылгад=ыкчы* 1) ‘экзаменуемый’, 2) ‘испытываемый’, *шылга=кчы* ‘экзаменатор’, *эпте=кчи* ‘монтажник’, ‘сборщик’, *ужуд=укчу* ‘летчик’, *узан=ыкчы* 1) ‘кузнец’; 2) ‘мастер’ (ср. *дарган*), *үтте=кчи* ‘бурильщик’, ‘сверловщик’, *ялала=кчы* ‘прокурор’, *чарла=кчы* 1) ‘глашатай’, 2) ‘конференсье’, *бижи=кчи* ‘корреспондент’, *каңна=кчы* ‘паяльщик’, ‘сварщик’, *кежир=икчи* ‘перевозчик’; *Балчый – алдарлыг өрүмнекчи* (М.К.-Л., АБК) ‘Балчый – известный бурильщик’.

В тувинском языке рассмотренные нами конструкции представляют собой пример синтаксической синонимии. Существуют разнообразные синтаксические модели для выражения профессии, рода деятельности: $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$, $\{N_{Nom} N_{Loc(cop)}\}$, $\{N_{Nom} V_f\}$, $\{N_{Nom} N_{ACC} V_f\}$. Синонимичные предложения обладают одним типовым значением, т. е. отражают одну и ту же типовую ситуацию. Синонимические модели со значением профессии, рода деятельности в тувинском языке представляют разные моделиобразующие способы: аффиксальный, лексико-семантический, синтаксический (изафет, управление). В работе проанализированы четыре группы моделей профессии, рода деятельности, оценки.

Именное предложение со значением рода деятельности, профессии представляет собой особую разновидность именного предложения, анализ которой в сопоставлении с глагольным предложением позволил выявить семантическую, грамматическую и функциональную специфику этих предложений. Семантическая специфика именных предложений со значением рода деятельности, профессии заключается в возможности выражения субстантивными предикативными формами профессии, рода деятельности человека, относящихся к любой сфере. Грамматическая

специфика заключается в возможности выражения основной части составного субстантивного сказуемого именем существительным в определенных формах, что определяется бифункциональностью существительного как языкового знака.

Содержание именных предложений связано с отнесенностью к определенному временному отрезку, с «присутствием» говорящего субъекта, автора, наблюдающего и оценивающего ситуацию. Выделенные особенности именных и глагольных предложений могут, как представляется, помочь при дальнейшей систематизации разновидностей тувинского предложения со значением профессии, рода деятельности.

Литература

- Виноградов В.В.** Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. С. 389–435.
- Золотова Г.А.** О структурных основаниях синтаксической синонимии // Русский язык в национальной школе. 1968. № 6. С. 5–10.
- Золотова Г.А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
- Копров В.Ю.** Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения: На материале русского, английского и венгерского языков: дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999.
- Ломтев Т.П.** Основы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1958. 166 с.
- Ломтев Т.П.** Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 198 с.
- Ломтев Т.П.** Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. С. 89–174.
- Новоженова З.Л.** Русское глагольное предложение: структура и семантика: дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001.
- Толковый словарь тувинского языка.** Том 1, А-Й. Новосибирск: Наука, 2003. 600 с.
- Толковый словарь тувинского языка.** Том II, К-С. Новосибирск: Наука, 2011. 800 с.
- Тувинско-русский словарь** / под ред. А.А. Пальмбах. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 723 с.
- Тувинско-русский словарь** / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- Черемисина М.И.** Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56–61.
- Черемисина М.И., Скрибник Е.К.** О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.
- Черемисина М.И.** Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 4. С. 63–68.
- Черемисина М.И.** Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сб. тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. С. 219–222.

References

- Cheremisina M.I.** Issledovanie modelei EPP v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri. In: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1997. №4. Pp. 56–61.
- Cheremisina M.I.** Issledovanie predlozheniya v yazykakh Sibiri. In: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1995. №4. Pp. 63–68.
- Cheremisina M.I.** Yazykovaya «kartina mira» v ee otnoshenii k modelyam elementarnykh prostykh predlozhenii. In: Gumanitarnye issledovaniya: itogi poslednikh let. Sb. tezisov nauchnoi konferentsii, posvyashhennoi 35-letiyu gumanitarnogo fakulteta NGU. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1997. Pp. 219–222.
- Cheremisina M.I., Skribnik E.K.** O sisteme modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v yazykakh Sibiri. In: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1996. №4. Pp. 46–57.
- Koprov V.Ju.** Nominativnyi aspekt strukturno-semanticheskogo ustroistva prostogo predlozheniya: Na materiale russkogo, angliiskogo i vengerskogo yazykov: diss. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 1999.
- Lomtev T.P.** Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1956. Pp. 89–174.
- Lomtev T.P.** Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 166 pp.
- Lomtev T.P.** Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1972. 198 pp.
- Novozhenova Z.L.** Russkoe glagolnoe predlozhenie: struktura i semantika: diss. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2001.
- Tolkovyi slovar tuvinskogo yazyka.** Tom 1, A-I. Novosibirsk: Nauka, 2003. 600 pp.
- Tolkovyi slovar tuvinskogo yazyka.** Tom II, K-S. Novosibirsk: Nauka, 2011. 800 pp.
- Tuvinsko-russkii slovar** / Pod red. A.A. Palmbacha. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1955. 723 pp.
- Tuvinsko-russkii slovar** / Pod red. E.R. Tenisheva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 646 pp.
- Vinogradov V.V.** Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya (na materiale russkogo yazyka). In: Voprosy grammaticeskogo stroya. Moscow: AN SSSR, 1955. Pp. 389–435.
- Zolotova G.A.** Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. Moscow: Nauka, 1982. 368 pp.
- Zolotova G.A.** O strukturnykh osnovaniyakh sintaksicheskoi sinonimii. In: Russkii yazyk v natsionalnoi shkole. 1968. № 6. Pp. 5–10.

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ДЕЗИДЕРАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЗНАНИЯ В АЛТАЙСКОМ, ТУВИНСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. В. Тюнтешева

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: tyunteshvae@mail.ru

Рассматриваются производные глаголы алтайского, тувинского и хакасского языков, образованные от существительных с помощью аффиксов =CA, =Cbl, =CblpA с дезиверативным значением («испытывать желание к объекту, который назван основой»), а также глаголы с аффиксом =Cbln со значением признания («считать своим то, что названо основой»). В языках Южной Сибири данные словообразовательные форманты присутствуют в указанных значениях в разной степени. Эти глаголы исследуются с точки зрения отражения в них некоторых национально-культурных ценностей алтайцев, тувинцев и хакасов. Анализируются также отсубстантивные прилагательные с аффиксами =CA и =CblpA, соотносящиеся с глаголами, образованными посредством этих же формантов. Все они маркируют объекты действительности, к которым может проявляться особое расположение, забота (кровные родственники), которые имеют ценность (родная земля, национальные продукты питания) или вызывают осуждение (алкоголь, чрезмерная увлеченность противоположным полом). В данных словообразовательных моделях и образованных по ним глаголах, а также в прилагательных с аффиксами =CA и =CblpA в исследуемых языках наблюдаются как сходства, так и различия: в производящих основах, словообразовательном значении, а тем самым и в акцентировании в языке того или иного явления действительности. Специфика языков проявляется в выборе производящих основ исследуемых глаголов, относящихся к определенным лексико-семантическим группам, и в оттенках словообразовательного значения производных лексем.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, словообразование, языковая картина мира, дезиверативное значение.

DERIVATIVE VERBS WITH THE DESIDERATIVE MEANING AND THE MEANING OF ACCEPTANCE IN ALTAIC, TUVAN, AND KHAKASS LANGUAGES (LINGUOCULTURAL ASPECT)

E. V. Tyunteshva

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: tyunteshvae@mail.ru

The article considers Altaic, Tuvan, and Khakass verbs derived from nouns by the means of affixes =CA, =Cbl, =CblpA with the desiderative meaning ("to desire an object denoted by a word stem"), as well as verbs with the affix =Cbln with the meaning of acceptance ("to consider an object, denoted by a word stem, as one's own"). In the languages of South Siberia, these word-forming formants are present in these meanings to a different extent. I study the reflection of Altai, Tuvan, and Khakass national and cultural values in these verbs. I also analyze the noun-derived adjectives with affixes =CA and =CblpA correlating with verbs formed by the means of the same formants. All of these denote objects of reality that may be treated with special affection or care (close relatives), that possess value (homeland, national cuisine) or are frowned upon (alcohol, excessive interest in the opposite sex). In these word-formation models and verbs formed according to them, as well as adjectives with affixes =CA and =CblpA found in the listed languages, one may see similarities and differences in forming stems, meanings, and nuances of presentation of various real phenomena by the means of language. The specificity of languages, which is manifested in the choice of forming stems of the verbs under study, belonging to certain lexico-semantic groups, and in shades of the word-formation meaning of derived lexemes.

Keywords: Turkic languages of Siberia, word-formation, linguistic worldview, desiderative meaning.

Введение

В настоящее время словообразование находит свое место в рамках когнитивных, лингвокультурологических исследований. В этом аспекте явления словообразования русского и некоторых европейских языков отражены в работах Е. С. Кубряковой [1988], Т. И. Вендиной [1998], Л. В. Бабиной [2009], Л. М. Борисенковой [2011], И. В. Евсеевой [2012], Р. Х. Хайруллиной [Хайруллина, Пожидаев, 2013], Л. С. Абросимовой [2014, 2015] и др. В них рассматриваются разные элементы словообразования (производные слова, словообразовательные типы, словообразовательные категории, словообразовательные гнезда) как отдельно, так и в комплексе, выявляются универсалии и национально-культурная специфика.

На материале тюркских, в частности сибирских, языков эта тема еще практически не исследована. Имеются лишь отдельные работы в этом направлении. Анализ особенностей семантики производных и производящих слов хакасского языка посвящены работы И. М. Чебочаковой [2017, 2019а, 2019б]. В своих статьях автор большое внимание уделяет также выявлению этнокультурной специфики лексем разных лексико-семантических групп через их словообразовательные возможности. В основе исследования А. В. Проскуриной, результаты которого отражены в статье «Роль словообразовательных ресурсов в отражении картины мира телеутов» [2017], лежит идея о том, что «словообразовательная система каждого языка демонстрирует одновременно универсальные и уникальные способы классификации производных единиц, отражающих культурно значимый фрагмент картины мира народа» [2017, с. 161]. Автор анализирует словообразовательную семантику производных наименований коня, моделирующих в совокупности с непроизводными единицами и ассоциативно связанными с ними реалиями сферу «Коневодство». В совместной работе Л. А. Араевой и А. В. Проскуриной [2020] рассматривается пропозиционально-семантическое своеобразие производных и непроизводных телеутских наименований, относящихся к такому важному фрагменту языковой картины мира, как дети и детство.

В нашей статье рассматриваются производные глаголы алтайского, тувинского и хакасского языков, образованные от существительных с помощью аффиксов $=sA$, $=sY$, $=sYrA$ с дезидеративным значением («испытывать желание к объекту, который назван основой») и $=sYn$ со значением «считать своим то, что названо основой». Эти гла-

голы исследуются с точки зрения отражения в них фрагмента языковой картины мира.

Основная часть

Формы $=sa/=se$, $=sy/=si$ были зафиксированы Махмудом Кашгарским в значении, выражающем стремление, желание, влечение, привычку к данному предмету и действию [СИГТЯ, 1988, с. 348]. Форму на $=sA$ возводят к форме желательного наклонения, а ту, в свою очередь, – к основе вспомогательного глагола $sa=$ ($<*say=$) ‘желать, думать, считать’ [СИГТЯ, 1988, с. 348]. Форму на $=sY$ связывают с показателем подобия $=sY$, «широко употребляющимся во всех языках тюркской группы» [Севортян, 1962, с. 296]. Эти аффиксы, хотя и разные по происхождению, утратили различие в семантике, «по-видимому, еще в давние времена, и эти показатели смешались, превратившись... в формальные, хотя и не всегда регулярные параллели» [Севортян, 1962, с. 295; Кононов, 1960, с. 256]. Многие исследователи описывают их в современных языках как варианты [например: Deny, 1971; Баскаков, 1952; Севортян, 1962; Кононов, 1956].

В результате развития семантики этих форм в системе словообразования и словоизменения появились новые продуктивные и непродуктивные формы со значениями намерения, долженствования, побуждения, повеления, условия и некоторые др., функционирующие в большинстве тюркских языков [СИГТЯ, 1988, с. 348].

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» указывают, что формант глаголообразования $=sA$ первоначально присоединялся только к именным основам: др.-т. $suvsa=$ ‘жаждать, испытывать жажду’ ($< suv$ ‘вода’), $kökse=$ ‘желать возвыситься до неба’ ($< kök$ ‘небо’). Желательное наклонение глагола также образовывалось от производной именной формы – имени действия на $=y/ig$: $biligse=$ ‘желать, хотеть знать’ ($< bilig$ ‘знание’ $< bil=$ ‘знать’) [там же, с. 351, 435], что сохранилось и в образовании желательной формы глагола $=(BI)ksA$ в тувинском и тофском языках, где к настоящему времени эти два показателя слились в один: тув. $алыкса=$ 1) ‘хотеть брать’; 2) ‘хотеть получать’ ($< ал=$ ‘брать’; ‘получать’); $болукса=$ ‘хотеть (желать) быть’ ($< бол=$ ‘быть’); $баиштактаныкса=$ ‘хотеть (любить) шутить’ – ($< баиштактан=$ ‘шутить’) и др. [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 269; Рассадин, 1978, с. 164; Ооржак, 2019, с. 40–41]. А. Р. Тазранова отмечает широкое употребление этой формы и в алтайском языке: $яныкса=$ ‘скучать по дому,

хотеть домой' (< *jan* = 'возвращаться домой'), *körükse* = 'хотеть видеть' (< *kör* = 'смотреть'), *aydyksa* = 'хотеть сказать' (< *ayt* = 'говорить'), *эдиксе* = 'хотеть делать' (< *эт* = 'делать'). Она выражает сильное желание что-либо сделать [Тазранова, 2020, с. 60–61].

В современных языках выделяются глаголы, образованные с помощью аффикса =*СА* от именных, глагольных и образоподражательных основ. Однако исследователи отмечают непродуктивность модели¹ с дезидеративным значением («желать того, что названо основой, испытывать желание к объекту, названному основой») в современных тюркских языках, и в грамматиках приводятся лишь немногие глаголы, образованные от существительных с помощью данного словообразовательного аффикса [например: Баскаков, 1952; Кононов, 1956; СИГТЯ, 1988; ГСАЯ, 2017]. Частично эти глаголы совпадают друг с другом и с древнетюркскими лексемами. Но в каждом языке наблюдаются также отличия, которые демонстрируют этнокультурное своеобразие языковой картины мира этих народов.

Глаголообразующий формант =*СЫРА*, производный от показателя =*СЫ* [Баскаков 1951, с. 321–322; Севортян, 1962, с. 310], распространен в кыпчакских и некоторых других языках (туркменском, узбекском, тувинском) в основном в уподобительном значении (подражания, притворства, «считать за...», «рассматривать как...») и значении ослабленного действия, которые Э.В. Севортян рассматривал как одно, считая ослабленное действие «количественным выражением той же уподобительности» [1962, с. 304, 311]. В некоторых глаголах, образованных от существительных при помощи этого аффикса, проявляется уподобительное значение «считать себя тем, что названо основой; действовать подобно тому, что названо основой», «чувствовать себя подобно тому, в том качестве, что названо основой»: алт. *ösküzire* = 'осиротеть' (< *ösküs* 'сирота'); тув. *даргазыра* = 'считать себя начальником, вести себя, как начальник' (< *дарга* 'начальник'); ср. также глаголы, образованные от основ прилагательных: алт. *жайымзыра* = 'чувствовать себя свободным, вольным' (< *жайым* 'свободный, вольный'); хак. *улузгыра* = 'высокомерничать, важ-

ничать' (< *улуз* 'большой; великий') [ГХЯ, 1975, с. 170].

При образовании глаголов от существительных у данного форманта наблюдается также менее распространенное дезидеративное значение, например: алт. *уйкузыра* = 'дремать, быть в полусонном состоянии, хотеть спать, засыпать' (< *уйку* 'сон') [Колесникова, 2004, с. 223]; тув. *ажылзыра* = 'желать работать' (< *ажыл* 'работа') [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 267]; хак. *имсире* = 'иметь желание есть мясо; иметь острую потребность в мясе' (< *им* 'мясо') [ХРС, 2006, с. 139].

Аффикс =*СЫН* также является образованием от =*СЫ* в сочетании с показателем возвратного залога =*н*. У него выделяют в основном значение «считать для себя, в отношении себя тем, что названо основой»: алт. *айылзын* = 'считать своим домом' (< *айыл* 'дом') [АРС, 2018, с. 46]; тув. *эжимзин* = 'считать кого-л. своим товарищем' (< *эжим* 'мой товарищ') [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 268]. Исследователи фиксируют у этого форманта и значение уподобления, подражания, притворства: кирг. *акылдуусун* = 'изображать из себя умника, умничать' [Севортян, 1962, с. 308]. Э.В. Севортян отмечал, что у глаголов с этим аффиксом, хотя и редко, встречается дезидеративное значение: хак. *тамахсын* = 'хотеть есть' (< *тамах* 'пища') [там же, с. 309].

В языках Южной Сибири – алтайском, тувинском, хакасском – данные словообразовательные форманты присутствуют в указанных значениях в разной степени. Так, в хакасском языке аффиксы =*СА* и =*СЫРА* отмечаются лишь в единичных глаголах с дезидеративным значением, образованных от существительных. В алтайском языке такие лексемы с показателем =*СЫРА* чаще встречаются в говорах, в тувинском же они более распространены.

В грамматиках и исследованиях по алтайскому, тувинскому и хакасскому языкам зафиксированы следующие словообразовательные значения у отсубстантивных глаголов с аффиксом =*СА* (алт., тув., хак. =*за*, =*зе*, =*са*, =*се*, алт. огубленный вариант =*зö*):

1) дезидеративное значение: алт. *балаза* = / *балазы* =² 'проявлять нежные чувства, материнскую нежность, материнскую заботливость к ребенку' (< *бала* 'ребенок') [Колесникова, 2004, с. 106–107]; тув. *сукса* = 'хотеть пить, испытывать жажду' (< *суг* 'вода'), *херексе* = 'нуждаться' (< *херек* 'дело; нужда') [Исхаков, Пальмбах, 1961,

¹ Под моделью, вслед за М.М. Хусаиновым [1975], В.М. Наделяевым [1988], А.В. Есиповой и др. мы понимаем «формально-семантическую схему построения производных слов одной части речи, характеризующихся тождественным словообразовательным значением, общностью словообразовательного форманта и общностью части речи непосредственно мотивирующих слов» [Есипова, 2011, с. 114].

² В данном случае лексема с аффиксом =*зы* является вариантной глаголу с формантом =*за*.

с. 269]. В «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» среди глаголов с данной семантикой выделяются лексемы, которые обозначают а) «потребности человека»: *сууза* = 'хотеть пить' (< *суу* 'вода'), *күүнзе* = 'желать чего-л.' (< *күүн* 'желание'); б) «действия, связанные с получением желаемого»: *jemze* = 'искать корм, пищу, находиться в процессе добычи, потребления корма, пищи' (о животных) (< *jem* 'корм'), *күнзе* = 'греться на солнце' (< *күн* 'солнце') [ГСАЯ, 2017, с. 432].

2. А. В. Колесникова выявляет у глаголов, построенных по данной модели, значение признания («считать нужным для себя, считать своим то, что обозначено основой»): *төрөөнзө* / *төрөөнзи*¹ = 'считать кого-л. своим родственником, родней; родниться' (< *төрөөн* 'родственник'), а также уподобительное значение [2004, с. 107].

3. Уподобительное значение «быть или действовать подобно тому, что обозначено основой»: *кийикси* = 'одичать, дичиться' (< *кийик* 'дикий зверь') [там же].

4. Можно выделить еще одно значение – «проявлять то, что названо основой»: алт. *күүнзе* = 'желать' (< *күүн* 'желание'), *буурза* = 'жалеть' (< *буур* 'печень'), *ойсы* = 'уважать, почитать' (< *ой* 'забота').

У модели с аффиксом =*СЫРА* (алт., хак., тув. =*сыра*, =*сире*, =*зыра*, =*зире*, тув. также огубленные варианты =*сура*, *сүре*, =*зура*, =*зуре*) исследователи выделяют следующие значения:

1) «проявлять состояние, обозначенное основой» [ГСАЯ, 2017, с. 434; Колесникова, 2004, с. 109–110], «выражать какие-либо чувства» [ГХЯ, 1975, с. 170]: алт. *маказыра* = 'радоваться чужому несчастью, злорадствовать' (< *мака* 'чувство мести, месть, злоба'); хак. *сагыссыра* = 'заботиться, беспокоиться (о ком-л.)' (< *сагыс* 'мысль; дума'); тув. *дайынзыра* = 'быть воинственным' (< *дайын* 'война');

2) «чувствовать себя в том качестве, которое обозначено основой», «быть или действовать подобно тому, что обозначено основой»: алт. *өскүзире* =, тув. *өскүссүре* = 'чувствовать себя сиротой, осиротелым' (< алт. *өскүс*, тув. *өскүс* 'сирота'); алт. *анзыра* = 'озвереть, взбеситься, обезуметь' (< *ан* 'зверь') [ГСАЯ, 2017, с. 434; Колесникова, 2004, с. 109–110; Исаков, Пальмбах, 1961, с. 267];

У модели отсубстантивного глаголообразования с аффиксом =*СЫН* (алт., тув. =*зын*, =*зин*,

=*сын*, тув. также огубленные варианты =*сун*, =*сүн*, =*зун*, =*зүн* =*син*, хак. =*зын*, =*зин*, =*сын*, =*син*) выявляют значения:

1) «проявлять то, что названо основой»: алт. *jöpsin* = 'соглашаться, принять предложение, условие' (< *jöp* 'согласие') [Колесникова, 2004, с. 107; ГСАЯ, 2017, с. 434]; «чувствовать, переживать то, что названо основой»: хак. *хомзын* = 'сожалеть' (< *хом* 'досада; грусть'), *пыросын* = 'извиняться; признавать за собой вину' [ГХЯ, 1975, с. 169];

2) «испытывать желание к объекту»: *nökörsin* = 'считать своим другом, принимать в качестве друга' (*nökör* 'друг, товарищ') [ГСАЯ, 2017, с. 434]. Другие авторы определяют семантику таких глаголов как «считать (находить, признавать) предмет кем-л. / чем-л.» [Исаков, Пальмбах, 1961, с. 268], «признавать своим объект, обозначенный основой» (значение признания) [Колесникова, 2004, с. 107].

Таким образом, большинство значений всех рассматриваемых формантов пересекаются.

Обращает на себя внимание специфика языков, которая проявляется в выборе производящих основ исследуемых глаголов, относящихся к определенным лексико-семантическим группам, и в оттенках словообразовательного значения производных лексем. По словам Т. И. Вендиной, «уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательного детерминирования свидетельствует о его значимости для носителей языка» [1998, с. 10]. Семантика рассматриваемых форм, выражаемая специальными аффиксами, выбор производящей основы и тем самым маркирование определенных объектов акцентирует в этих языках те реалии, которые являются важными для картины мира данных языковых коллективов. Среди мотивирующих основ глаголов с дезидеративным значением и значением признания в исследуемых языках можно выделить следующие.

1. Образование глаголов от терминов родства. В алтайском языке аффиксы =*СА*, =*СЫ* могут присоединяться к целому ряду терминов родства, в результате чего образуются глаголы с семантикой «быть особенно привязанным, тянуться к родственнику, названному основой». За малым исключением они не зафиксированы в словаре, но употребляются в устной речи: *адаза* = 'быть особенно привязанным, тянуться к отцу' (< *ада* 'отец'), *энезе* = 'быть особенно привязанным, тянуться к матери' (< *эне* 'мать'), *балазы* = / *балаза* = 'проявлять нежные чувства, материнскую нежность, материнскую заботливость

¹ =*СЫ* (=зы, =зи, =сы, =си) рассматривается как вариант при совпадении значения у лексемы с аналогичной производящей основой.

к ребенку' (< бала 'ребенок'), аказа= 'тянуться к старшему брату' (< ака 'старший брат'), *төрөөнзи*= / *төрөөнзö*= 'считать кого-л. своим родственником, родней; родниться' (< *төрөөн* 'родственник'): *Эркелей коркышту адазаар* 'Эркелей сильно **тянется к отцу**'. Реже встречаются *эјезе*= 'тянуться к старшей сестре' (< *эје* 'старшая сестра'), *таайыза*= 'тянуться к дяде' (< *таай* 'дядя').

Приведенные выше глаголы встречаются также в составе деепричастной конструкции (с показателем =*n*) в сочетании со вспомогательным глаголом *кал*= 'оставаться' (в прошедшем времени). Данная конструкция имеет значение «соскучиться по родственнику, названному основой»: *энезеп калган* 'соскучился по матери', *аказап калган* 'соскучился по старшему брату'.

Отмечается употребление данных слов в отрицательной форме повелительного наклонения в конструкции алт. *Эјезебе меге!* 'Не эјекай (эје-эје) мне!' ('Не приставай ко мне, неожиданно начав проявлять родственные чувства как к старшей сестре!') – говорится в ситуации, когда что-либо просят (в данном случае у старшей сестры или тети), упрашивают, нарочито показывая свою привязанность, родственные чувства. Носители теленгитского диалекта алтайского языка (Улаганский район) приводят данную конструкцию с аффиксом =*СЫРА*: *Эјезиребе маа, туней ле акча бербезим* 'Не эјекай (эје-эје) мне, все равно денег не дам' ('Не приставай ко мне, неожиданно показывая родственные чувства как к старшей сестре, все равно денег не дам') [из личного архива с.н.с. ИФЛ СО РАН А.Р. Тазрановой].

Возможность присоединения к основам этих же терминов родства аффикса =*СЫРА* отмечают также некоторые информанты из Шебалинского и Усть-Канского районов Республики Алтай: *балазыра*= 'нуждаться в ребенке; скучать по ребенку; проявлять заботу о ребенке', *адазыра*= 'нуждаться в отце, тянуться к отцу; скучать по отцу', *энезире*= 'нуждаться в матери; скучать по матери; тянуться к матери', *аказыра*= 'тянуться к старшему брату, скучать по старшему брату'.

алт. теленг. *Энезиреп турганы кошту, балазын таштайла јүреерерде* '[Он] сильно нуждался в матери (скучал по матери), когда [она] уехала, бросив своего ребенка'; *Оскүс өскөн көөркий эјезин табала эјезиреп, аказырап турганы кошту* 'Росший сиротой бедняжка, найдя старшую сестру, сильно тянулся к сестре, тянулся к старшему брату' [Из личного архива А.Р. Тазрановой].

Такие лексемы с аффиксом =*СЫРА* употребляются не всеми носителями языка, не зафиксированы в словаре и грамматике, встречаются в разговорной речи и являются, скорее всего, принадлежностью определенных говоров.

В тувинском языке образование глаголов от названий родственников с помощью аффикса =*СА* нами не выявлено. Аффикс =*СЫРА* образует такие глаголы от очень ограниченного круга терминов родства: от общего названия 'родственники', а также от слов со значениями 'дети; потомство', 'муж' / 'жена'. Значение этих глаголов отличается от приведенных выше алтайских лексем на =*СА* и =*СЫРА*, являясь в большинстве случаев чисто дезидеративным. Производящая основа – название кровных родственников: *төрелзире*= 'тянуться к родственникам, родниться' (< *төрел* 'родственник'), *уругзура*= 'хотеть иметь ребенка' (< *уруг* 'ребенок'), *толзуре*= 'хотеть иметь потомство' (< *тол* 'потомство'); производящая основа – название супругов: *ашаксыра*= 'хотеть замуж' [ТСТЯ, 2003, с. 182] (< *ашак* 'мужчина; муж'), *кадайзыра*= 'хотеть жениться' (< *кадай* 'женщина; жена').

тув. *Адазырап чоруур чаштарга кайы-хире берге ирги?* 'Как же тяжело маленьким детям, которые **хотят иметь отца!**'; *Эх, мээң толзуреп чоруурумну билген болзуңза!* 'Эх, если бы ты знал, как я **хочу иметь детей!**'; *Өске-даа уруглар ашаксыраан чоруур* 'И другие девушки **хотят выйти замуж** (иметь мужчину)'; *Кадайзырап, өг-бүле тудуксап турар оол-дур* 'Это парень, который **хочет иметь жену**, построить семью' [Из личного архива с.н.с. ИФЛ СО РАН А. В. Байыр-оол].

В хакасском языке от существительных 'мужчина', 'женщина' посредством присоединения аффикса =*СЫРА* образуются глаголы со значением 'увлекаться кем-л. (противоположного пола)': хак. *хатсыра*= 'увлекаться женщинами' (< *хат* 'женщина'), *хыссыра*= 'увлекаться девушками, быть влюбчивым (о парнях)' [ХРС, 2006, с. 902] (< *хыс* 'девушка'), *ирсіре*= 'увлекаться мужчинами (о девушках)' (< *ир* 'мужчина'): хак. *чиит оол хыссырабыстыр* 'молодой человек **увлекся девушками**' [там же]. В алтайском имеется подобный глагол с аффиксом =*СА*: *эрзе*= (груб.) 'вожделеть кого-л.' (< *эр* 'мужчина', но употребляется по отношению к обоим полам).

От названий терминов родства с помощью аффикса =*СЫН* образуются глаголы со значением признания («считать для себя, в отношении себя тем, что названо основой; считать своим то, что названо основой»): алт. *адазын*=, тув.

ачазын = 'считать отцом' [ТСТЯ, 2003, с. 179] (< алт. *ада*, тув. *ача* 'отец'); алт. *энезин* =, тув. *авазын* =, *иезин* = 'считать матерью', 'принимать как родную мать' [ТСТЯ, 2003, с. 579] (< алт. *эне*, тув. *ава*, *ие* 'мать'); алт. *балазын* =, тув. *уругзун* = 'считать своим ребенком'; алт. *аказын* =, тув. *акызын* = 'считать старшим братом, относиться, как к брату'; алт. *эјезин* =, тув. *угбазын* = 'считать старшей сестрой, относиться, как к старшей сестре'; тув. *дуңмазын* = 'считать младшим братом / младшей сестрой', *күдээзин* = 'считать зятем'; тув. *төрелзин* =. Такие слова можно встретить в тувинских народных песнях, в частности в колыбельных:

*Авай, авай, авай, авай,
Авазынган авайымны,
Авайымдан артык ынак,
Аартанган кавайымны.
Увай, увай, увай, увай,
Увазынган увайымны,
Увайымдан артык ынак
Удуп өскен кавайымны.*

Мама, мама, мама, мама,
Мама, которую **считаю мамой**,
Мамы больше люблю
Качающуюся колыбель мою.
Старшая сестра, сестра, сестра, сестра,
Старшая сестра, которую **считаю сестрой**.
Старшей сестры больше люблю
Взрастившую меня колыбель мою [Кыргыз, 1992, с. 43–45].

В хакасском языке глаголов, образованных от терминов родства по приведенным моделям, нами не обнаружено.

Таким образом, особая важность родственных отношений, связанная с национально-культурными ценностями, отражается в языке посредством образования глаголов от терминов родства со значениями «быть привязанным, тянуться к родственнику, названному основой», «скучать по родственнику, названному основой». В словообразовательной картине мира алтайцев и тувинцев отмечается также возможность признать какого-либо чужого человека своим родным. Данная словообразовательная модель входит в круг репрезентантов фрагмента языковой картины мира «свой – чужой».

2. Образование глаголов от названий продуктов питания и напитков. Аффиксы =*СА* и =*СЫРА* в рассматриваемых языках формируют также глаголы от единичных названий основных продуктов питания – 'мясо', 'молоко': алт. *этсе* =, *этсире* = 'сильно желать есть мясо, чувствовать потребность в мясе' [АРС, 2018, с. 930],

хак. *итсире* = 'иметь желание есть мясо; иметь острую необходимость в мясе (при его отсутствии)' [ХРС, 2006, с. 139], тув. *эйтсире* = 'хотеть есть мясо, чувствовать отсутствие (недостаток) мясной пищи' [ТРС, 1968, с. 622]; ср. др.-т. *etsä* = [ДТС, с. 188] 'хотеть мяса' (< алт. *эт*, хак. *ит*, тув. *эйт*, др.-т. *et* 'мясо'); алт. *сүтсе* = [АРС, 2018, с. 620], *сүтсире* = 'скучать по молоку, хотеть пить молоко', хак. *сүтсире* = 'иметь желание пить молоко (при его долгом отсутствии)'; алт. *чайза* =, *чайзыра* = 'хотеть пить чай (если долго не пил)'; алт. *сууза* =, хак. *сухса* =, тув. *сукса* = 'испытывать жажду, хотеть пить', ср. др.-т. *suvsä* = с тем же значением [ДТС, с. 515] (< алт. *суу*, хак. *суг*, тув. *суг*, др.-т. *suu* 'вода'); хак. *тамахсыра* = (ср. также *тамахсын* =) 'хотеть есть' (< *тамах* 'пища'); тув. *таакпызыра* = 'хотеть курить' (< *такпы* 'табак'), *арага-дарызыра* = 'любить выпить, пьянствовать' [ТРС, 1968, с. 64] (< *арага-дары* 'алкогольные напитки'). Встречается также современное образование от русского заимствования *конфета*: алт. теленг. *конфетсире* =, тув. *камбетсире* = 'сильно хотеть конфет (если долго не ел или о ребенке)'.

Наблюдается сходство всех трех языков в образовании глаголов от названий основных продуктов питания скотоводческих народов – 'мясо', 'молоко'. Глагол 'хотеть пить, испытывать жажду', построенный по этой же модели, является общетюркским, зафиксированным еще в древнетюркских письменных памятниках. Вода как жизненно необходимый ресурс еще у древних тюрков связывалась с родной землей, что отражается также в хакасском языке. Парное слово *Jer sub* (букв.: земля-вода) употреблялось в древнетюркских текстах в значениях: 'материк, земля' – *jerim subum* 'моя земля' (букв.: земля=моя вода=моя) [ДТС, 1969, с. 257]; божество среднего мира, высшее божество после Тэнгри [СИГТЯ, 2006, с. 574].

тув. *Арага, таакпыга сундулуг назы четпээн аныяктарны «даңза угбас таакпызыраан, дашка угбас арагазыраан» деп кыжырып, чемелээр* 'Не достигших совершеннолетия молодых людей, имеющих пристрастия к вину, табаку, порицают, высмеивают: «не в состоянии поднять курительную трубку, а **хочет курить**, не в состоянии поднять чарку, а **хочет пить**»' [Салчак, 2016, с. 57]; *Аараан соонда эйтсиреп эгелээн мен* 'После болезни мне **захотелось есть мясо**'.

В глаголах на =*СЫРА* наряду с дезидеративной прослеживается семантика «нехватки» объекта: «не хватать кого-л., чего-л.» – «скучать о ком-л., о чем-л.», «не хватать кого-л., чего-л.» – «нуждаться в ком-л., чем-л.». Особенно явно

это ощущается в тувинском: *кужурзура*=, *хайырзыра*= ‘страдать от недостатка солончаков’ (о домашних животных) (< *кужур*, *хайыр* ‘солончак’) [ТРС, 1968, с. 263, с. 463], *идиксире*= ‘нуждаться в обуви’ (< *идик* ‘обувь’) [ТРС, 1968, с. 201], *савазыра*= ‘нуждаться в посуде, испытывать нехватку посуды’ (< *сава* ‘посуда’). Возможно, здесь влияние семантики омонимичного, омоформного [Севортян, 1962, с. 311] глаголообразующего показателя =*СЫРА* с привативным значением «лишиться того, что названо производящей основой» [ТГ, 1995, с. 453]. Эта форма встречается в древнетюркских памятниках, а в современных тюркских языках развития не получила [СИГТЯ, 1988, с. 435]: др.-т. *küčsirä*= ‘лишиться сил, ослабеть’ (< *küč* ‘сила’), *ögsirä*= ‘лишиться чувств, падать в обморок’ (< *ög* ‘рассудок, разум’) [там же]. Ее можно выявить лишь в немногих современных лексемах, например: алт. *канзыра*= ‘обескровиться, истечь кровью’ (< *кан* ‘кровь’), тув. *чүрексире*= 1) ‘томиться, ощущать усталость’; 2) ‘лениться, лодырничать’ (< *чүрек* ‘сердце’). В.В. Радлов, Дж. Клоусон, Э.В. Севортян и М. Эрдал связывают его происхождение с именным аффиксом =*slz* + глаголообразующий аффикс =*A* [Севортян, 1962, с. 313; Clauson, 1972; Erdal, 1991: s. 509].

3. Глаголы, образованные от основ, обозначающих родную землю, дом. В хакасском языке от лексемы *чир-суг* ‘родина’ (букв.: земля-вода, *чир* ‘земля’, *суг* ‘вода, река’) образуются глаголы ‘хотеть на родину’: *чирсе-сухса*=, *сухса*= / *сухсы*= (букв.: желать воды) и *чирсе*= / *чирси*= ‘хотеть на родину’ (букв.: желать земли). Тем самым желание приехать на родину передается в хакасском языке как желание испить воды из реки, источника родного края, пройти по родной земле.

хак. *Тойы-найы иртіп парганда, черліг кизи черсіп, суглыг кизи сухсып, нанаап парыпсхан. Похта Кіріс Күн Арыгынаң кен чыргап, кен мөтөп анда чирагап-чуртап халган* ‘После того как свадьба-пир завершилась, имевшие землю по [своей] земле тосковать стали, имевшие воду [своей] воды жаждать стали – обратно домой уехали. Похта-Кэрэс с Кюн-Арыг в большом недостатке, в большой радости жить-поживать там остались’ [Хакасские народные сказки, 2014, с. 140–145].

В алтайском и тувинском языках аффикс =*СЫН*, присоединяясь к словам, обозначающим родину, формирует глаголы со значением ‘считать своей землей, второй родиной’; ‘сделать своей второй родиной’: алт. *төрөлзин*= (< *төрөл* ‘родина’), тув. *чуртсун*= (< *чурт* ‘родина’); алт.

айылзын= ‘считать своим домом, чувствовать себя как дома’ (< *айыл* ‘дом’), тув. *аалзын*= ‘считать своим домом, местом’:

алт. *Бу кырду жууны токтодып, улусты бириктире тарткан эки эп бар деп, американ поэт У. Уитмен бичип јат: јоннын бу ла јаткан јерин төрөлсинип мактаган поэзия ла кожондор* [Маскина, 2002, с. 173] ‘Американский поэт У. Уитмен пишет, что есть два способа остановить эту уничтожительную войну [и] объединить людей: народная поэзия и песни, восхваляющие землю, на которой живут, **считая своей родиной**’.

тув. *Оон бээр байкаралар кагган өскентөрөөн чуртун уттуп, чаа тыпкан черин чуртсунуп, ээлеп чурттай бергеннер* [Ирбижей, 2008, с. 5] ‘С тех пор род байкара, забыв покинутую родную землю, где выросли, найденную новую землю стали **считать своей землей**, начали жить и хозяйничать’; ...*Аңгыр, дуруяа аалзынып ижиге бээр* ‘...Турпан, журавль привыкают, **считая своим домом**’ (из стихотворения в соц. сети «ВКонтакте»).

4. Глаголы, образованные от некоторых других основ. В качестве производящей основы рассматриваемых глаголов могут выступать как конкретные, так и абстрактные имена: алт. *малзыра*= ‘скучать по лошадям’ (< *мал* ‘скот; лошадь’); *канза*=, *канзыра*= ‘жаждать крови, звереть’ [АРС, 2018, с. 277] (< *кан* ‘кровь’); *амырза*= ‘наслаждаться миром, покоем’ [там же, с. 70] (< *амыр* ‘мир; спокойствие’); тув. *олчазыра*= ‘хотеть добычи’ (< *олча* ‘добыча’); *аътсыра* ‘любить (хотеть) ездить верхом’ [ТРС, 1968, с. 79] (< *аът* ‘конь’); *намзыра*= ‘хотеть быть членом партии’ (< *нам* ‘партия’).

алт. *Канзыраган фашисттерле күүн-кайрал јогынан тартыжып, адам жуунын баштапкы ла јылында јен јастанып јыгылган* (Э. Тоюшев) ‘Беспощадно сражаясь с озверевшими фашистами, отец мой в первый же год войны сложил голову’ [АРС, 2018, с. 277].

тув. *Оранымның эртине-байлаа төттүнмес хөй. / Олчазырап, ону курлаар күзелім чок* ‘Родины моей сокровищ-богатств неистребимо много. / Жаждуя добычи, нет у меня желания ее запасать’ [Сагаан-оол <https://www.pisateli-tuvy.ru/book/57>].

Интересно соотношение рассмотренных глаголов с аффиксами =*СА* и =*СЫРА* с прилагательными на =*СА*к, =*СЫРА*к (< =*СА*, =*СЫРА* + =*к*). Прилагательные, построенные по такой модели, передают значение пристрастия к тому, что обозначено корнем слова [ГСАЯ, 2017, с. 110]: «любящий кого-л. / что-л., кто назван / что названо

основой», «склонный к тому, что названо основой». Глаголы и прилагательные могут составлять пары: алт. *төрөөнзёк* 'ценящий и поддерживающий родственные отношения' – *төрөөнзё* = / *төрөөнзи* = 'считать кого-л. своим родственником, родней; родниться' (< *төрөөн* 'родственник'); *адазак* 'испытывающий большую привязанность к отцу' – *адаза* = 'испытывать большую привязанность к отцу' (< *ада* 'отец'), *амырзак* 'любящий мир, покой, спокойствие' – *амырза* = 'наслаждаться миром, покоем' (< *амыр* 'мир, спокойствие'); тув. *таакпызырак* 'любящий курить' – *таакпызыра* = 'хотеть курить' (*таакпы* 'табак'), *аътсырак* (ирон.) 'любящий ездить только верхом' – *аътсыра* = 'любить (хотеть) ездить верхом' (< *аът* 'конь') и некоторые др. Однако прилагательных с данными аффиксами выявляется больше, чем глаголов. Существительные, от которых образованы эти прилагательные, относятся:

1) к терминам родства (самая многочисленная группа): алт. *энезек* 'испытывающий большую привязанность к матери' (< *эне* 'мать'), *балазак* 'чадолюбивый' (< *бала* 'ребенок'), *эјезек* 'испытывающий большую привязанность к старшей сестре' (< *эје* 'старшая сестра'), *сыйынзак* 'испытывающий большую привязанность к младшей сестре' (< *сыйын* 'младшая сестра'), *кайынзак* 'любящий родниться с родственниками жены / мужа' (< *кайын* 'родственники жены / мужа'), а также приведенные выше *адазак* и *төрөөнзёк*; тув. *төрелзирек* 'проявляющий родственные чувства' (< *төрел* 'родственник'), что подчеркивает «ценность родственных отношений для алтайского этноса» [Добринина, 2020, с. 4–5];

2) к названиям 'мужчина', 'женщина': алт. *эрзек*, хак. *ирсек* 'распутный, развратный' (< алт. *эр*, хак. *ир* 'мужчина'), вероятно, относящиеся первоначально к женщине; хак. *ирсырах* 'влюбчивая (о женщине), кокетливая' [ХРС, 2006, с. 134], *хатсырах* разг. 'бабник' (< *хат* разг. 'баба, женщина');

3) к названиям некоторых напитков и продуктов: алт. *чайзак*, тув. *шайзырак* 'любитель пить чай' (< алт. *чай*, тув. *шай* 'чай'); алт. *аракызак*, тув. *арага-дарызырак*, *арагазырак*, хак. *арагасырос* (афф. =сыра + афф. именного образования =гас) 'любитель выпить, склонный пьянствовать (выпивать)' (< алт., *аракы*, тув. *арага-дары*, *арага*, хак. *арага* 'алкоголь'), *таакпызырак* 'любящий курить' (< *таакпы* 'табак');

4) к лексике, связанной с традиционными занятиями: алт. *анзак*, тув. *аңзак*, *аңзырак* 'любящий охотиться, любитель охоты' (< алт. *ан*, тув. *аң* 'зверь'); алт. *малзак*, хак. *малсах*, *малсырах*

'заботливо относящийся к скоту, проявляющий особую заботу о скоте' (< *мал* 'скот'); тув. *аътсырак* ирон. 'любящий ездить только верхом' (< *аът* 'конь').

Выявляются также некоторые другие существительные, от которых образуются прилагательные по данной модели: алт. *айылзак* 'любящий гостить, бывать в гостях' (< *айыл* 'дом'), *кудайзак* 'набожный, верующий' (< *кудай* 'бог'), *уйкузак* 'любящий поспать' (< *уйку* 'сон'), *амырзак* 'любящий мир, покой, спокойствие' (< *амыр* 'мир, спокойствие'), *ойынзак* 'игривый, веселый', *сыйзак* 'любящий подарки' [Добринина 2020: 99], от русского заимствования *законзак* 'любящий обращаться к закону, любящий все делать по закону' [ГСАЯ, 2017, с. 110] (< рус. *закон*); тув. *дайынзырак* 'воинственный, агрессивный' (< *дайын* 'война'), *өжээнзирек* 'мстительный' (< *өжээн* 'мечь'), *адаанзырак* 1) 'мстительный'; 2) 'азартный' (< *адаан* 1) 'мечь'; 2) 'вражда'; 3) 'азарт'), *өнчүзүрек* 'склонный иметь собственность; собственник' (< *өнчү* 'собственность').

Выводы

Таким образом, исследованные глаголы и прилагательные маркируют объекты действительности, к которым может проявляться особое расположение, забота (кровные родственники), которые имеют ценность (родная земля, национальные продукты питания) или вызывают осуждение (алкоголь, чрезмерная увлеченность противоположным полом, мстительность, собственничество). В данных словообразовательных моделях и образованных по ним глаголах, а также в прилагательных с аффиксами =СА и =СЫРА в исследуемых языках наблюдаются как сходства, так и различия: в производящих основах, словообразовательном значении, а тем самым и в акцентировании в языке того или иного явления действительности.

Литература

- Абросимова Л. С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. Канта. 2014. Вып. 2. С. 7–14.
- Абросимова Л. С. Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. 328 с.
- Араева Л. А., Проскурина А. В. Язык и культура телеутов сквозь призму словообразования // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских

- проектов РФФИ. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та, 2020. С. 200–203.
- Бабина Л.В.** Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 128–149.
- Баскаков Н.А.** Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. Часть I (части речи и словообразование). М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с.
- Борисенкова Л.М.** Когнитивные основания системы словообразования // Вестн. Московского гос. лингвистического ун-та. 2011. № 624. С. 41–49.
- Вендина Т.И.** Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. 240 с.
- ГСАЯ 2017:** Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- ГХЯ 1975:** Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
- Добринина А.А.** Алтайско-русский словарь прилагательных, характеризующих человека. Новосибирск: ООО «Академиздат», 2020. 128 с.
- Евсеева И.В.** Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 312 с.
- Есипова А.В.** Тюркское словообразование как языковая система. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 201 с.
- Ирбижей Ч.Б.-К.** Ноян таңмазы. Кызыл: ТывНУЧ, 2008. 184 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.** Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 470 с.
- Колесникова А.В.** Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке (в сопоставлении с древнетюркским языком): дис ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 242 с.
- Кононов А.Н.** Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
- Кононов А.Н.** Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 450 с.
- Кубрякова Е.С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- Кыргыс З.К.** Песенная культура тувинского народа. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1992. 102 с.
- Маскина Ж.** Јүрүмнүн журуктары. Горно-Алтайск: ГУ кн. изд-во «ЮчСумер», 2002. 184 с.
- Наделяев В.М.** Современный монгольский язык: Морфология. Новосибирск: Наука, 1988. 110 с.
- Ооржак Б.Ч.** Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Новосибирск, 2019. 52 с.
- Проскурина А.В.** Роль словообразовательных ресурсов в отражении картины мира телеутов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2017. С. 160–163.
- Рассадин В.И.** Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Сагаан-оол В.Б.** Ырым – чалгын. <https://www.pisatelituvu.ru/book/57> (Дата доступа: 17.05.2022).
- Салчак К.Б., Салчак Л.П.** Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдези. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2016. 125 с.
- Севортян Э.В.** Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 643 с.
- СИГТЯ 1988:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
- СИГТЯ 2006:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Тазранова А.Р.** Модальные формы с семантикой желания в алтайском языке // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 9. С. 55–63.
- ТГ 1995:** Татарская грамматика. В 3 т. Т. 1. Казань: ИЯЛИ, 1995. 582 с.
- Хайруллина Р.Х., Пожидаев Р.А.** Картина мира в русском словообразовании (микрокосм) // Социосфера. 2013. № 4–1. С. 75–78.
- Хакасские народные сказки.** Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33 / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с.
- Хусаинов М.М.** О природе словообразовательных моделей // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 10–19.
- Чебочакова И.М.** Соматизмы как база словообразования в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 271–281.
- Чебочакова И.М.** Особенности производных единиц, образованных от основы прилагательного «хара» 'черный', в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 194–204.
- Чебочакова И.М.** Семантические особенности производных слов, образованных от основ терминов родства, в хакасском языке // Предложение как единица языка и речи. Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 156–158.
- Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 1034 p.
- Deny J.** Grammaire de la langue Turque (Dialecte Osmanli). Dr. Martin Sändig oHG, 1971. 1218 p.

Erdal M. Old Turkic Word-Formation. A Functional Approach to the Lexicon. Vol. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. 874 p.

Словари

АРС 2018: Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

ДТС: Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

ТПС 1968: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

ТСТЯ 2003: Толковый словарь тувинского языка. Т. I: А–Й / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.

ХРС 2006: Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

Abrosimova L.S. Slovoobrazovanie v yazykovoi kategorizatsii mira. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo un-ta, 2015. 328 pp.

Abrosimova L.S. Teoretiko-metodologicheskie ustanovki kognitivnogo podhoda k izucheniyu slovoobrazovaniya. In: Vestn. Baltiiskogo federalnogo un-ta im. Kanta. 2014. Vyp. 2. Pp. 7–14.

Araeva L.A., Proskurina A.V. Yazyk i kultura teleutov skvoz prizmu slovoobrazovaniya. In: Fundamentalnye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proektov RFFI. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. ped. un-ta, 2020. Pp. 200–203.

Babina L.V. Kontseptualnye osnovy slovoobrazovaniya. In: Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. № 4. Pp. 128–149.

Baskakov N.A. Karakalpakskii yazyk. T. II. Fonetika i morfologiya. Chast I (chasti rechi i slovoobrazovanie). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 542 pp.

Borisenkova L.M. Kognitivnye osnovaniya sistemy slovoobrazovaniya. In: Vestn. Moskovskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. 2011. № 624. Pp. 41–49.

Chebochakova I.M. Osobennosti proizvodnykh edinit, obrazovannykh ot osnovy prilagatel'nogo «khara» 'chernyi', v khakasskom yazyke. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2019. № 3. Pp. 194–204.

Chebochakova I.M. Semanticheskie osobennosti proizvodnykh slov, obrazovannykh ot osnov terminov rodstva, v khakasskom yazyke. In: Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi. Materialy Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Cheremisinov. Novosibirsk: Akademizdat, 2019. Pp. 156–158.

Chebochakova I.M. Somatizmy kak baza slovoobrazovaniya v khakasskom yazyke. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2017. № 4. Pp. 271–281.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 1034 pp.

Deny J. Grammaire de la langue Turque (Dialecte Osmanli). Dr. Martin Sändig oHG, 1971. 1218 pp.

Dobrinina A.A. Altaisko-russkii slovar prilagatel'nykh, kharakterizuyushchikh cheloveka. Novosibirsk: OOO «Akademizdat», 2020. 128 pp.

Erdal M. Old Turkic Word-Formation. A Functional Approach to the Lexicon. Vol. II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. 874 pp.

Esipova A.V. Tyurkskoe slovoobrazovanie kak yazykovaya sistema. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2011. 201 pp.

Evseeva I.V. Kompleksnye edinity russkogo slovoobrazovaniya: Kognitivnyi podkhod. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 312 pp.

GKhYa 1975: Grammatika khakasskogo yazyka / pod red. N. A. Baskakova. Moscow: Nauka, 1975. 420 pp.

GSAYa 2017: Grammatika sovremennogo altaiskogo yazyka. Morfologiya. Gorno-Altaysk, 2017. 576 pp.

Khairullina R.H., Pozhidaev R.A. Kartina mira v russkom slovoobrazovanii (mikrokosm). In: Sotsiosfera. 2013. № 4–1. Pp. 75–78.

Khakasskie narodnye skazki. Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. T. 33 / Sost. E.S. Torokova, G.B. Sychenko. Novosibirsk: Omega Print, 2014. 770 pp.

Khusainov M.M. O prirode slovoobrazovatel'nykh modelei. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1975. № 3. Pp. 10–19.

Irbizhei Ch.B-K. Noyan tangmazy. Kyzyl: TyvNYCh, 2008. 184 pp.

Iskhakov F.G., Palmbach A.A. Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1961. 470 pp.

Kolesnikova A.V. Affiksialnoe glagolobrazovanie v altaiskom yazyke (v sopostavlenii s drevnetyurkskim yazykom): dis ...kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2004. 242 pp.

Kononov A.N. Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 569 pp.

Kononov A.N. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960. 450 pp.

Kubryakova E.S. Rol slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoi kartiny mira. In: Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 141–172.

Kyrgys Z.K. Pesennaya kultura tuvinskogo naroda. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 1992. 102 pp.

Maskina I. Yurumning yuruktary. Gorno-Altaysk: GU kn. izdvo «YuchSumer», 2002. 184 pp.

Nadelyaev V.M. Sovremennyyi mongolskii yazyk: Morfologiya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 110 pp.

Oorzhak B.Ch. Sistema grammaticheskoi modalnosti v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri): avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. Novosibirsk, 2019. 52 pp.

- Proskurina A.V.** Rol slovoobrazovatelnykh resursov v otrazhenii kartiny mira teleutov. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 10(76): v 3-h ch. Ch. 3. Tambov: Gramota, 2017. Pp. 160–163.
- Rassadin V.I.** Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii. Moscow: Nauka, 1978. 287 pp.
- Sagaan-ool V.B.** Yrym – chalgyn. <https://www.pisatelituvy.ru/book/57> (Accessed: 17.05.2022).
- Salchak K.B., Salchak L.P.** Tyva uluschu pedagogikanyng hegzhyldezi. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 2016. 125 pp.
- Sevortyan E.V.** Affiksy glagolobrazovaniya v azerbaidzhanskom yazyke. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1962. 643 pp.
- SIGTYa 1988:** Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya. Moscow: Nauka, 1988. 560 pp.
- SIGTYa 2006:** Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka. Moscow: Nauka, 2006. 908 pp.
- Tazranova A.R.** Modalnye formy s semantikoi zhelaniya v altaiskom yazyke. In: *Vestn. Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2020. T. 19. №9. Pp. 55–63.
- TG 1995:** Tatarskaya grammatika. V 3 t. T. 1. Kazan: IYaLI, 1995. 582 pp.
- Vendina T.I.** Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm). Moscow: Izd-vo «Indrik», 1998. 240 pp.

Dictionaries

- Altaisko-russkii slovar. Gorno-Altai, 2018. 936 pp.
- Drevnetyurkskii slovar. Leningrad, Nauka, 1969. 677 pp.
- Khakassko-russkii slovar. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk: Nauka Publ., 2006. 1114 pp.
- Tolkovyi slovar tuvinskogo yazyka. Vol. 1: A–I. Ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003. 599 pp.
- Tuvinsko-russkii slovar. E.R. Tenishev (Ed.). Moscow: Sov. Enziklopedia, 1968. 646 pp.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ШОРСКОГО ВОКАЛИЗМА

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: urtegeshev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8616-4652

В статье представлены данные по вокализму шорского языка, полученные слуховым методом в разные годы специалистами-шороведами. Анализ представленного материала демонстрирует общий взгляд разных ученых на состав гласных фонем в шорском языке и их конститутивно-дифференциальные признаки: выделяют шестнадцать единиц, которые различаются единственным фонематическим показателем – количественной характеристикой – длительностью: различают краткие (а, е–э, о, ö, ы, и, у, ü) и долгие (а:, е:–э:, о:, ö:, ы:, и:, у:, ü:) гласные звуки. Говоря о долгих гласных, все исследователи приходят к единому мнению о вторичности их образования в рассматриваемом языке, то есть они являются результатом различных фонетических процессов на стыке морфем.

Наш взгляд на проблему вокализма шорского языка, кроме собственно лингвистических методов, поддерживается экспериментально-фонетическими: соматическими (магнитно-резонансное томографирование (МРТ), рентгенографирование) и акустическими (осциллографирование, спектрографирование, огибающая основного тона, интенсивность). В результате дистрибутивного, функционального, артикуляционно-акустического и экспериментально-фонетического анализов установлен другой принцип построения фонологической системы шорского: не по одному признаку – длительности, а по нескольким – длительности, ларингализованности (глоттализация, вестибуляризация, эпиглоттализация), фарингализованности, ядерности (двухядерность, одноядерность). Таким образом, мы различаем гласные фонемы не как краткие и долгие, а как: 1) долготнонеопределенные – /а/, /е/, /о/, /ö/, /ы/, /и/, /у/, /ü/; 2) атрибутивно долгие ларингализованные фарингализованные двухядерные и/или одноядерные: /н²(аза):/ ~ /н²а:/, /н²(еэе):/ ~ /н²е:/, /н²(ооо):/ ~ /н²о:/, /н²(ööö):/ ~ /н²ö:/, /н²(ызы):/ ~ /н²ы:/, /н²(изи):/ ~ /н²и:/, /н²(үзү):/ ~ /н²ү:/, /н²(йзй):/ ~ /н²й:/.

Ключевые слова: шорский язык, фонетика, артикуляция, акустика, вокализм, двухядерность.

HISTORY OF THE STUDY OF SHOR VOCALISM

N. S. Urtegeshev

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: urtegeshev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8616-4652

The article presents data on the vocalism of the Shor language, obtained by the auditory method in different years by specialists in Shor studies. The analysis of the presented material demonstrates the general view of different scientists on the composition of vowel phonemes in the Shor language and their constitutive-differential features: sixteen units are distinguished, which differ by a single phonemic indicator – quantitative characteristic – duration: short (a, e, o, ö, y, i, u, ü) and long (a:, e:, o:, ö:, y:, i:, u:, ü:) vowel sounds. Speaking about long vowels, all researchers come to a consensus about the secondary nature of their formation in the language under consideration, i.e. they are the result of various phonetic processes at the junction of morphemes.

Our view on the issue of the vocalism of the Shor language, in addition to linguistic methods proper, is supported by experimental phonetic: somatic (magnetic resonance imaging (MRI), radiography) and acoustic (oscillography, spectrography, pitch envelope, intensity). As the result of distributive, functional, articulatory-acoustic, and experimental-phonetic analyses, a different principle of constructing the Shor phonological system was established: not by one attribute – duration, but by several ones – duration, laryngalization (glottalization, vestibularization, epiglottalization), pharyngalization, nuclear (binuclearity, mononuclearity). Thus, we distinguish vowel phonemes not as short and long, but as: 1) longitudinally defined – /a/, /e/, /o/, /ö/, /y/, /i/, /u/, /ü/; 2) attributionarily long laryngalized pharyngalized binucleated and/or mononucleated: /н²(аза):/ ~ /н²а:/, /н²(еэе):/ ~ /н²е:/, /н²(ооо):/ ~ /н²о:/, /н²(ööö):/ ~ /н²ö:/, /н²(ызы):/ ~ /н²ы:/, /н²(изи):/ ~ /н²и:/, /н²(үзү):/ ~ /н²ү:/, /н²(йзй):/ ~ /н²й:/.

Keywords: Shor language, phonetics, articulation, acoustics, vocalism, binuclear.

Первые записи шорских слов были сделаны в XVII в. землепроходцами и казаками. В начале XIX в. целеустремленно изучением местных тюркских языков, фольклора и истории, в том числе и шорского, занимался В. В. Радлов. В своей I части «Образцов народной литературы...» [Радлов, 1866, с. 310–410] он представил фольклорные тексты на шорском языке, записанные буквами, принятыми им для точного обозначения «звуков татарских поднаречий» [Там же, с. XVI–XXII]. После этого издания вышло из печати много работ, в том числе и учебников, в которых была зафиксирована лексика шорского языка. Однако первым исследователем, который систематизировал вокализм шорского языка, была Н. П. Дыренкова. В § 2 «Грамматики шорского языка» [Дыренкова, 1941, с. 7–10] она пишет, что шорский язык имеет восемь самостоятельных гласных (т. е. фонем – *уточнение наше*): а, е–э, о, ө, ы, и, у, ү (*табл. 1*). В § 3 дается описание каждого гласного в сравнении с русскими звуками, приводятся примеры [Там же].

Таблица 1

Система гласных фонем шорского языка (по Н. П. Дыренковой)
System of vowel phonemes in the Shor language (according to N. P. Dyrenkova)

Раствор, долгота		Ряд, огубление			
		передние (небные, «мягкие»)		задние (гортанные, «твердые»)	
		негубные	губные	негубные	губные
узкие	краткие	и	ӱ	ы	у
	долгие	ии	ӱӱ	ыы	уу
широкие	краткие	э–е	ө	а	о
	долгие	ээ–ее	öö	аа	оо

Надежда Петровна, признавая долготу гласных в шорском языке как имеющую принципиальную значимость, указывает на то, что она слу-

жит одним из базовых признаков фонем, являясь основой одного из противопоставлений. Например:

ал-	‘брать’	аал	‘селение’
кол	‘рука’	коол	‘пустой’, ‘полый’, ‘дуплистое дерево’, ‘дупло’
тан	‘ветер (хиус)’	таан	‘галка’
ол	‘он’, ‘тот’	оол	‘парень’, ‘сын’
чон	‘народ’	чоон	‘толстый’
пар-	‘идти’, ‘ехать (туда)’	паар	‘печень’
ак-	‘течь’, ‘уноситься течением’	аак	‘мелкий’
чок	‘нет’	чоок	‘разговор’
сын	‘хребет’, ‘спина’, ‘рост’	сыын	‘марал’
чыш	‘густой лес’, ‘чернь’	чыыш	‘сбор’
сак	‘трезвый’, ‘осторожность’, ‘ожидание’	саак	‘ступа’

Продолжая тему долготы гласных Н. П. Дыренкова пишет, что «долгота во многих случаях является результатом выпадения тех или иных звуков, чаще всего заднеязычного *з* (*у*, *g*), например: *чыгыл-* (в говоре шорцев р. Кондомы) // *чыыл-* (в литературном языке – говоре шорцев р. Мрассу) ‘собираться’; *пүгүн* (р. Кондома) // *пүүн* (р. Мрассу – лит. язык) ‘сегодня’; *пагыр* (р. Кондома) // *паар* (р. Мрассу – лит. язык)» [Там же, с. 11]. Кроме того, «долгота гласного наблюдается в некоторых формах (имен, глаголов и т. д.) при удлинении гласного стяженного слога» [Там же].

В статье «Шорский язык» [1966, с. 468] Г. Ф. Бабушкин и Г. И. Донидзе выделяют в шорском языке, так же, как и Н. П. Дыренкова, 16 гласных фонем – 8 нормальной долготы и 8 долгих, передаваемых буквами *а*, *э(е)*, *о*, *ө*, *у*, *ӱ*, *ы*, *и*, и *аа*, *ээ (ее)*, *оо*, *öö*, *уу*, *үү*, *ыы*, *ии* (*табл. 2*).

Позже Г. И. Донидзе в статье о шорском языке в серии «Языки Мира. Тюркские языки»

выделяет, как и в предыдущем издании, 16 единиц: 8 кратких (*а, э(е), ы, и, о, ө, у, ү*) и 8 долгих (*аа, ээ(ее), ыы, ии, оо, өө, уу, үү*), перестраивает таблицу гласных (табл. 3) [Донидзе, 1997, с. 498].

В новом издании Г.И. Донидзе делает уточнения: по его данным, «все долгие гласные, а также краткие *ө, ү* используются только в собственно шорских словах, остальные – и в шорской, и в заимствованной лексике». Говоря о дол-

гих гласных шорского языка, он пишет, что эти гласные, «как и других языков хакасской подгруппы, носят вторичный характер, т.е. являются результатом различных фонетических процессов на стыке морфем: *паар < пагыр* ‘печень’, *чыыл- < чыгыл-* ‘собираться’, *пүүн < пүгүн < по кун* ‘сегодня’, *кебее < кебеге* ‘лодке’ и т.д.» [Донидзе, 1997, с. 498].

Таблица 2

Классификация гласных фонем (по Г. Ф. Бабушкину и Г. И. Донидзе)
Classification of vowel phonemes (according to G. F. Babushkin and G. I. Donidze)

Раствор	Негубные		Губные	
	заднего ряда	переднего ряда	заднего ряда	переднего ряда
Широкие	а, аа	э(е), ээ(ее)	о, оо	ө, өө
Узкие	ы, ыы	и, ии	у, уу	ү, үү

Таблица 3

Система гласных фонем шорского языка (по Г. И. Донидзе)
System of vowel phonemes in the Shor language (according to G. I. Donidze)

Раствор	Ряд			
	передний		задний	
	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Узкий	и, ии	й, үй	ы, ыы	у, уу
Широкий	э(е), ээ(ее)	ө, өө	а, аа	о, оо

Звуки *о* «о» и *ө* «ө» употребляются только в первом слоге и не встречаются в морфологических показателях, поэтому их фонематический статус устанавливается только путем сопоставления квазиомонимов: *от* «ot» ‘трава’ – *öt* «öt» ‘желчь’, *ол* «ol» ‘он’ – *öl* «öl» ‘влага’, *одур* «odor» ‘сиди’ – *ödүр* «ödyr» ‘убей’ [Бородкина, 1977, с. 15].

Э.Ф. Чиспияков, в отличие от предыдущих авторов, выделяет для гласных, кроме переднего и заднего ряда, – средне-передний и средний [Чиспияков, 1992б, с. 12–14], по подъему или рас-твору рта различает гласные – средней степени закрытости (умеренно открытые), и более откры-тый, чем /е/ (табл. 4).

Таблица 4

Таблица гласных фонем (по Э. Ф. Чиспиякову)
Table of vowel phonemes (according to E. F. Chispiyakov)

Ряд Раствор	Передний ряд		Средне-передний ряд		Средний ряд		Задний ряд	
	неогуб.	огуб.	неогуб.	огуб.	неогуб.	огуб.	неогуб.	огуб.
Узкий (закрытый)	/и/	/й/			/ы/			/у/
Средней степени закрытости		/ө/						/о/
Широкий			/е/				/а/	
Более открытый, чем /е/	/ä/							

¹ Там же.

Примечание [Чиспияков, 1992а, с. 10, 16]: /a/ под ударением соответствует нормальному ударному «а» русского языка, как в словах «дал», «мал»: *пала* ‘ребенок’, *пар* ‘идти’, *тал* ‘ива’, ‘талина’, *сал* ‘плот’; /ы/ соответствует русскому «ы», но более задний¹: *ыс* ‘посылай’, *тыт* ‘лиственница’, *сарын* ‘песня’; /o/ соответствует русскому «о»: *шор* ‘шорец’, *тон* ‘шуба’, *той* ‘пир’, *пол* ‘будь’, *тос* ‘береста’; /у/ соответствует русскому «у», но более задний: *тур* ‘стой’, *тура* ‘город’, *мус* ‘лед’; /е/ соответствует русскому «е» в слове «эти» и немецкому «е» в слове «gehen», но более краткий: *тем* ‘время’, *пес* ‘кандык’, *тер* ‘пот’, *небе* ‘вещь’; /и/ соответствует русскому «и»: *тиш* ‘зуб’, *иш* ‘пей’, *пит* ‘вошь’. В отдельных случаях /и/² произносится ближе к «ы»: *ит* ‘собака’, *кижи* ‘человек’, *тижи* ‘его зуб’. Гласный /ö/ более задний, чем немецкое «ö» (при его произнесении губы менее вытянуты вперед): *сös* ‘слово’, *ös-* ‘расти’, *пöl-* ‘делить’, *öлең* ‘трава’, *көбүр* ‘уголь’, *өл-* ‘умирать’, *тöң* ‘бугор’, *тöжсек* ‘постель’, *öör* ‘стая’, ‘табун’; /ÿ/ более заднее, чем немецкое ÿ: *кÿн* ‘день’, ‘солнце’, *чÿс* ‘сто’, *пÿт* ‘создавать’, ‘творить’, *тÿш* ‘сон’, *кÿл* ‘зола’, *пöрÿ* ‘волк’, *тÿлгÿ* ‘лисица’, *көбÿк* ‘пена’, *мÿÿс* ‘рог’; /ä/ более открытый, чем русский «э»: при произнесении (/ä/) средняя часть языка приподнята к твердому небу, кончик находится у нижних зубов, нижняя челюсть опущена, зубы обнажены, губы слегка растянуты. Аналогичного звука в русском языке нет. Подобный звук можно слышать в татарском языке (там он пишется ә). В шорском языке этот звук встречается большей частью в верхних говорах кондомского диалекта: *нäйнек* ‘бабушка (по отцу)’, *ÿлгäш* ‘удочка’, *сугäн* ‘морда рыболовная’, *кÿнäш* ‘жеребенок’, *кöргäн* ‘кедровка’, *тлäс* ‘шум’, ‘весть’, ‘молва’.

Более детальный анализ гласных шорского языка, по сравнению с работами предыдущих авторов, представлен в «Учебном пособии по фонетике шорского языка» [Чиспиякова, Шавлова, 1992, с. 11–15]. Авторы, кроме описания основных настроек, дают характеристики вариантам звукотипов в связи с диалектными различиями в речи (табл. 5–7).

Таблица 5

Краткие гласные звуки шорского языка (по Ф. Г. Чиспияковой, Н. В. Шавловой)
Short vowel sounds of the Shor language (according to F. G. Chispiyakova, N. V. Shavlova)

Степень подъема	Ряд					
	передний		центральный		задний	
	неогуб.	огуб.	неогуб.	огуб.	неогуб.	огуб.
Узкие	и	ÿ	ь	/ÿ/		у
Полуузкие	/i/		ь		ы	ÿ
Полуширокие	е	ö	ä	/ö/	а	о
Широкие	/ä/				а	о

Примечание: В скобках даны диалектные варианты звуков.

В описании данных авторов существенным отличием является выделение и деление гласных по степени подъема не только на узкие и широкие, но и на полуузкие и полуширокие.

¹ «Фонема /ы/ может настолько редуцироваться, что почти не воспринимается на слух: *сарн* (вместо *сарын*) ‘песня’ (здесь и далее переводы – Н. С. Уртегешев), *план* (вместо *пылан*) ‘лось’, *плар* (вместо *пылар*) ‘они» [Чиспияков, 1992б, с. 13].

² «В отдельных случаях наблюдается звук средний между /и/ и /ы/, обозначаемый на письме буквой **и**: *ит* ‘собака’, *кижи* ‘человек’.

В кондомском диалекте шорского языка и в говорах верховьев р. Томи /и/ более заднее и широкое, приближается к /ы/. Обозначается этот звук буквой **и**: *кир-* ‘входить’, *кижи* ‘человек’, *тискин* ‘повод (узды)’ [Там же].

у «приглушенных» гласных отмечается полнозвучность всех компонентов. На слух такие гласные воспринимаются как долгие с ларингализацией и сопутствующей фарингализацией: (Орфография – Транскрипция – Перевод) *пегы* – $p':\varepsilon^{\sim}g^{\sim}\tilde{y}$ – ‘крепость=его’, *адым* – $\lambda:\tilde{d}^{\sim}\tilde{m}$ – ‘конь=мой’, *эгиң* – $\gamma^{\sim}\varepsilon^{\sim}g^{\sim}\tilde{m}$ – ‘подбородок=твой’, *эди* – $\gamma^{\sim}\varepsilon^{\sim}d^{\sim}\tilde{y}$ – ‘мясо=его’, *оды* – $\gamma^{\sim}o^{\sim}d^{\sim}\tilde{y}$ – ‘трава=его’, *идип* $\gamma^{\sim}i^{\sim}d^{\sim}\tilde{p}$ – ‘толкая’, *иди* – $\gamma^{\sim}i^{\sim}d^{\sim}\tilde{y}$ – ‘собака=его’.

4. У долготнонеопределенных гласных типа «а» в позиции перед глухими смычными согласными кроме того, что вторая половина фонации приглушенная, в ряде слов между компонентами фона констатируется глоттальный согласный. Есть по крайней мере одна пара слов, которая различается наличием/отсутствием глоттального – *ат* $[\gamma^{\sim}(\tilde{a}^{\sim})t^{\sim}]$ ‘имя’, *ат* $[\gamma^{\sim}(\tilde{a}^{\sim})\tilde{t}^{\sim}]$ ‘конь’. На этом основании можно было бы выделить пару фонем /а/ и /аʔ/, но для этого необходимо провести глубокий анализ на материале разных говоров, что на данный момент не представляется возможным.

5. Атрибутивно долгие ларингализованные фарингализованные фонемы в зависимости от местности и носителя языка реализуются в одной и двудерных настройках. Лабиализация (после губно-губных согласных) и назализация (в пре- и постпозиции к назальным согласным) обусловлены позиционно-комбинаторными условиями. В препозиции к глухим смычным согласным типа «т» и «к» последняя треть фонации гласного носит приглушенный характер. Препозитивный свистящий (типа «s»), шипящий согласный (типа «ʃ»), имеют перед началом своей артикуляции глоточный согласный, не относящийся к данному свистящему или шипящему консонанту, т.е. самостоятельный звук. В некоторых случаях этот согласный – фарингализованный, ларингализованный. В пре- и постпозиции к реализациям рассматриваемых атрибутивно долгих ларингализованных фарингализованных гласных фонем у смычных согласных основному импульсу взрыва предшествует глоттальный взрыв (глухой глоттальный смычный согласный).

Схема 1

Литература

- Бабушкин Г. Ф., Доницзе Г. И. Шорский язык // Языки народов СССР. Т. II: Тюркские языки. М.: Наука, 1966. С. 467–481.
- Бородкина И. П. Состав гласных в мрасском диалекте шорского языка // Языки народов Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1977. С. 11–20.
- Доницзе Г. И. Шорский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 498–506.

- Ареалы и происхождение различных типов фонаций в тюркских языках Южной Сибири / А. В. Дыбо, В. С. Мальцева С. Л. Николаев [и др.] // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 5–26.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В. В. Радловым. Ч. I: поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебеди-

ских татар, шорцев и саянцев. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. 419 с.

Чиспняков Э.Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 318 с.

Чиспняков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 61 с.

Чиспнякова Ф.Г., Шавлова Н.В. Учебное пособие по фонетике шорского языка. Новокузнецк, 1992. 52 с.

Уртегешев Н.С., Селютин И.Я., Эсенбаева Г.А., Рыжикова Т.Р., Добринина А.А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.

Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 66 с.

References

Babushkin G.F., Donidze G.I. Shorskii yazyk. In: Yazyki narodov SSSR. T. II: Tyurkskie yazyki. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 467–481.

Borodkina I.P. Sostav glasnykh v mrasskom dialekte shorskogo yazyka. In: Yazyki narodov Sibiri. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1977. Pp. 11–20.

Chispiyakov E.F. Grafika i orfografiya shorskogo yazyka. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 61 pp.

Chispiyakov E.F. Uchebnik shorskogo yazyka. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 318 pp.

Chispiyakova F.G., Shavlova N.V. Uchebnoe posobie po fonetike shorskogo yazyka. Novokuzneck, 1992. 52 pp.

Donidze G.I. Shorskii yazyk. In: Yazyki mira: Tyurkskie yazyki. Moscow: Izd-vo «Indrik», 1997. Pp. 498–506.

Arealy i proishozhdenie razlichnykh tipov fonatsii v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri / A.V. Dybo, V.S. Maltseva, S.L. Nikolaev [i dr.]. V. In: Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Filologiya. 2020. № 68. Pp. 5–26.

Dyrenkova N.P. Grammatika shorskogo yazyka. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941. 307 pp.

Nadelyaev V.M. Proekt universalnoi unifitsirovannoi foneticheskoi transkripsii (UUFТ). Moscow; Leningrad: [b. i.], 1960. 66 pp.

Radlov V.V. Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzhungarskoi stepi, sobrany V. V. Radlovym. Ch. I: podnarechiya Altaya: altaitsev, teleutov, chernevykh i lebedinskikh tatar, shortsev i sayantsev. Sainct-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1866. 419 pp.

Urtegeshev N.S., Selyutina I.Ya., Esenbaeva G.A., Ryzhikova T.R., Dobrinina A.A. Foneticheskie transkripsionnye standarty UUFТ i MFA: sistema sootvetstviy. In: Voprosy filologii. Seriya: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2009. № 1 (1). Pp. 100–115.

ПЕРСОНАЛИИ

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.011

УДК 811.512.153-057.4:929

ИСХАКОВ ФАЗЫЛ ГАРИФОВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В. В. Субракова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: subrakova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7222-4183

Статья посвящена научной и педагогической деятельности известного ученого, тюрколога Ф. Г. Исхакова. Его имя навсегда вошло в историю отечественного языкознания послеоктябрьского периода. Все его труды относятся к числу важнейших трудов, которые определяют специфические черты тюркологии того времени. Объемом исследовательских работ Ф. Г. Исхакова, прежде всего, были тюркские языки в их современном состоянии: хакасский, тувинский, ногайский и татарский языки. По направлению научных исследований он был очень близок Н. Ф. Катанову. В своих работах Ф. Г. Исхаков, как и Катанов, использовал материалы различных тюркских языков, находил и констатировал явления, которые ранее не были описаны, обращал особое внимание на внутреннее богатство языков, определял специфику функционирования языковых единиц различных пластов. Ф. Г. Исхаков много внимания уделял проблемам народного образования, развитию культуры и науки, воспитанию национальной интеллигенции. С деятельностью Ф. Г. Исхакова в Хакасии связано открытие хакасского отделения Абаканского учительского института, областной национальной средней школы, ХакНИИЯЛИ. Будучи инспектором отдела народного образования, он побывал почти во всех национальных школах, оказывал практическую помощь учителям и преподавателям родного и русского языков. Читал лекции по различным вопросам фонетики, грамматики и лексики хакасского языка на курсах повышения квалификации учителей при Хакасском институте усовершенствования учителей, на краткосрочных курсах по подготовке учителей.

Ключевые слова: Ф. Г. Исхаков, ученый-тюрколог, тюркские языки, преподаватель, методист, школьные учебники.

ISKHAKOV FAZYL GARIFOVICH – A RESEARCHER OF THE KHAKASS LANGUAGE

V. V. Subrakova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin str., Abakan, 655017, Russia, email: subrakova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7222-4183

The article is devoted to the scientific and pedagogical activities of the famous scientist, Turkologist F. G. Iskhakov. His name has forever entered the history of Russian linguistics after the October Period. All his works are among the most important works that define the specific features of the Turkology of that time. The object of F. G. Iskhakov's research works was primarily the Turkic languages in their current state: Khakass, Tuvan, Nogai, and Tatar languages. In the area of scientific research, he was very close to N. F. Katanov. In his works F. G. Iskhakov, like Katanov, used materials of various Turkic languages, found and stated phenomena that had not been described before, paid special attention to the internal richness of languages, determined the specifics of functioning of linguistic units from various layers. F.G. Iskhakov paid much attention to the problems of public education, the development of culture and science, and the education of the national clerisy. F.G. Iskhakov's activities in Khakassia are connected with the opening of the Khakass Branch of the Abakan Teachers' Institute, the Regional National Secondary School, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. As an inspector of the Department of Public Education, he visited almost all national schools, provided practical assistance to teachers and lecturers of native and Russian languages. He lectured on various issues of phonetics, grammar, and vocabulary of the Khakass language at teacher training courses at the Khakass Institute for Teachers' Advanced Training and at short-term teacher training courses.

Keywords: F. G. Iskhakov, Turkologist, Turkic languages, teacher, methodologist, school textbooks.

30 октября 2021 г. исполнилось бы 120 лет со дня рождения известного советского ученого-тюрколога Фазыла Гарифовича Исакова, внесшего значимый вклад в изучение хакасского языка. Фазыл Гарифович родился в г. Троицк Челябинской области. В 1922 г. окончил Татарский институт народного образования в Оренбурге. В 1931–1933 гг. был аспирантом НИИ языкознания ИКП РСФСР (г. Москва), тема его диссертации – «Тувинский язык (очерки по фонетике)». Также Ф. Г. Исаков учился на педагогическом факультете во II Московском государственном университете (Московский педагогический университет). В 1926–1937 гг. работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина, преподавал татарский язык.

Видный деятель советской тюркологии Фазыл Гарифович Исаков в 1939–1942 гг. по направлению Наркомпроса работал в Красноярском краевом отделе народного образования инспектором по нерусским школам. В 1942 г. переехал в Хакасскую автономную область (ныне – Республика Хакасия) для практической помощи областному отделу народного образования. Работая в крае, затем в области, Ф. Г. Исаков много внимания уделял проблемам народного образования, развитию культуры и науки, воспитанию национальной интеллигенции. Он работал преподавателем и завкафедрой хакасского языка в педагогическом институте и завсектором хакасского языка в ХакНИИЯЛИ. С деятельностью Ф. Г. Исакова в Хакасии связано открытие хакасского отделения Абаканского учительского института, областной национальной средней школы, ХакНИИЯЛИ. Вся организаторская работа, переговоры и переписка с Министерством просвещения о создании в Хакасии научно-исследовательского института с гуманитарным направлением, оформление необходимой документации производились Ф. Г. Исаковым. Под его руковод-

ством разрабатывалось «Положение о Хакасском НИИЯЛИ», определялась структура и штатные должности Института. Уже на первом заседании Ученого совета ХакНИИЯЛИ был представлен перспективный план работы сектора языка, который был составлен заведующим сектором Фазылом Гарифовичем Исаковым. План включал в себя составление словарей, совершенствование алфавита, орфографии, уточнение диалектов, которые должны служить основой литературного языка. Согласно ему, хакасские языковеды начали работать над практическими задачами языкового строительства: упорядочением графики, орфографии, пунктуации, определением диалектных особенностей хакасского языка, изучением фонетики, грамматики, лексики, разработкой и упорядочением общественно-политической, научно-методической терминологии, созданием двуязычных словарей, составлением учебников и учебных пособий для школ области [Анжиганова, Субракова, 2001, с. 10].

Сектор во главе с Ф. Г. Исаковым начал свою работу с организации лингвистических экспедиций. На основе материалов, собранных членами экспедиций, было написано большое количество статей, диссертаций и монографий. Изучив материалы лингвистических экспедиций, состояние фонетической и лексико-грамматической структуры диалектов, Исаков пришел к выводу, что диалектами, на которых может базироваться хакасский литературный язык, являются качинский и сагайский диалекты, а не только качинский, как считалось ранее. Такой вывод предполагал уточнение диалектной базы литературного языка, давал возможность шире использовать богатство двух самых крупных диалектов для обогащения лексики и унификации фонетико-грамматических норм литературной формы языка [Патачакова, 2002, с. 219].

Много труда Фазыл Гарифович вложил в разработку свода правил хакасского правописания. Он считал, что основной задачей сектора является создание новой орфографии хакасского языка. Разработанная к концу 1946 г. Орфография стала прорывом в процессе усовершенствования правил хакасского правописания. В ней были исправлены недостатки первой орфографии, уточнены неясные моменты, решены не разрешенные ранее вопросы. Орфография выдержала испытание временем, почти пятьдесят лет ее основные принципы оставались неизменными. Она была очень близка к устной речи, способствовала развитию письменности, а также утверждению норм литературного языка.

Деятельность Ф.Г. Исхакова в Хакасии была плодотворной. Кроме труда «Орфография хакасского литературного языка», были написаны книги «Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов», «Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике». В этих работах был использован тот огромный материал, который был собран сотрудниками института во время экспедиций. В книге «Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов» (соавтор – Н.К. Дмитриев) даются краткие исторические сведения о Хакасии и хакасах, излагаются проблемы происхождения хакасского языка, пути формирования литературной формы, взаимодействия литературного языка и диалектов, а также даются материалы по лексике, фонетике и грамматике хакасского языка в целом. Ф.Г. Исхаков в этой работе, сравнив хакасский литературный язык и его диалекты с другими тюркскими языками, пришел к выводу, что хакасский язык имеет лексическую общность с алтайским, киргизским и якутским языками. Книга включала в себя несколько разделов грамматики хакасского языка. Раздел по фонетике в последующем вылился в самостоятельное фундаментальное исследование «Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике». В нем автор, кроме состава фонем, дал акустические и артикуляционные характеристики звуков, исследовал дистрибуцию гласных и согласных фонем, закономерности чередования и изменения звуков в потоке речи, особенности ассимиляции согласных на стыке морфем, показал специфику звуков *i* и *u*. Эти работы вместе составили краткую научную грамматику хакасского языка.

После возвращения в Москву в 1946 г. Ф.Г. Исхаков стал одним из авторов крупного обобщающего труда «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Данный труд – первый в истории тюркологии опыт синтетического описания современных тюркских языков как цельной системы, выполненный на принципиально новой методологической основе, опыт характеристики их современного фонетического и грамматического строя [Севортян, 1976, с. 106]. В первой книге «Исследований» каждая статья Ф.Г. Исхакова содержит новые, ранее неизвестные или неточно описанные факты из области фонетики, будь это характеристика отдельных гласных современных тюркских языков или общая характеристика тюркских гласных, придыхательные или непридыхательные смычные согласные тувинского языка, а также явления ассимиляции согласных, возникающие при выпадении беглых гласных в тувинском и якутском языках.

Начав свою педагогическую деятельность как преподаватель родного татарского языка, он еще до войны в соавторстве с Х. Шабановым создал учебник грамматики татарского языка для IV класса. Этот опыт и длительная работа в системе народного образования позволили талантливому педагогу и методисту уже в послевоенные годы принять участие в составлении целого ряда учебников по родному и русскому языкам не только для татарских, но и для хакасских, ногайских и тувинских школ [Монгуш, 1993, с. 120]. Ф.Г. Исхаков помогал авторам повышать качество учебников, определял необходимый объем теоретического материала, совершенствовал методический аппарат учебников. Он работал над рукописью учебника хакасского языка по синтаксису для 6–7 классов, которую подготовил А.Т. Казанакон. В процессе редактирования некоторые параграфы ему пришлось писать заново, но при издании учебника он не согласился стать автором [Патачакова, 2002, с. 216]. В 1956 г. в соавторстве с Н.Г. Доможаковым был издан новый учебник по синтаксису хакасского языка «Хакас тілінің грамматикасы. Ікінші чардык. Синтаксис. 6–7 класстарға». Его педагогическая и методическая деятельность во многом определили присущий Ф.Г. Исхакову стиль научных трудов: точность, систематичность и исчерпывающую полноту описания фактического материала, ясность и доказательность научных построений, сравнительно-сопоставительное освещение описываемых явлений [Севортян, 1976, с. 105].

Находясь в Москве, он всегда оказывал помощь ХакНИИЯЛИ, сотрудникам сектора и хакасского отделения педагогического института, творческой интеллигенции. Первые выпускники хакасского отделения Абаканского учительского института вспоминали о нем с глубоким уважением и благодарностью. Его содержательные лекции, посвященные различным вопросам фонетики, грамматики и лексики хакасского языка в сравнении с другими тюркскими языками, вызывали живой интерес у студентов. Фазыл Гарифович был человеком высокой культуры, он был учителем и воспитателем творческой молодежи в Хакасии. Составленный еще в начале открытия ХакНИИЯЛИ Ф.Г. Исхаковым план работы сектора актуален и по сей день. В настоящее время сотрудники проводят исследования в области фонетики, морфологии, лексики и т.д. В 2020 г. был издан первый том «Толкового словаря хакасского языка» [2020], ведется работа над вторым томом. Назрела острая необходи-

мость переиздания «Орфографического словаря». Составлен план издания словарей. Сотрудники сектора выезжают в экспедиции в места компактного проживания носителей хакасского языка для сбора языкового материала, а также попутно проводят мониторинг языковой ситуации в Республике Хакасия.

Вклад Ф.Г. Исхакова в развитие культуры и науки в Хакасии был высоко оценен, он был награжден медалью за «Доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также Почетной грамотой Хакасского областного совета депутатов трудящихся.

Литература

Анжиганова О.П., Субракова О.В. Становление и развитие хакасского языкознания // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Материалы региональной научной конференции 18–20 ноября. Абакан: Стрежень, 2001. С. 10–12.

Монгуш Д.А. Крупный исследователь тувинского языка // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл: МП «Новости Тувы», 1993. С. 119–124.

Патачакова Д.Ф. О деятельности Ф.Г. Исхакова в Хакасии // Ежегодник ИСАТ. 2002. Вып. VI. С. 215–224.

Севортян Э. В. Фазыл Гарифович Исхаков // Советская тюркология. 1976. № 5. С. 105–107.

References

Anzhiganova O.P., Subrakova O.V. Stanovlenie i razvitie khakasskogo yazykoznanija. In: 55 let Khakasskomu nauchno-issledovatel'skomu institutu yazyka, literatury i istorii. Materialy regionalnoi nauchnoj konferentsii 18–20 noyabrya. Abakan: Strezhen, 2001. Pp. 10–12.

Mongush D.A. Krupnyi issledovatel tuvinskogo yazyka. In: Voprosy tuvinskogo yazykoznanija. Kyzyl: MP «Novosti Tuvy», 1993. Pp. 119–124.

Patachakova D.F. O deyatelnosti F.G. Ishakova v Khakasii. In: Ezhegodnik ISAT. 2002. Vyp. VI. Pp. 215–224.

Sevortyan E.V. Fazyl Garifovich Ishakov. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1976. № 5. Pp. 105–107.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.012

УДК 655.552+811.512.141

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ РАБОТУ Н.С. УРТЕГЕШЕВА,
Л.К. ИШКИЛЬДИНОЙ, Ф.Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ
«АТЛАС АРТИКУЛЯТОРНЫХ НАСТРОЕК ГЛАСНЫХ
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА».**

Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 298 с., ISBN 978-5-91608-206-7

А. А. Добринина

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: dobrinina@philology.nsc.ru; ORCID 0000-0001-5841-4714

В статье анализируется содержание коллективного научного труда «Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка» (авторы: Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К., Хисамитдинова Ф.Г.), опубликованного в 2021 г. Эта работа подготовлена на основе применения методов современной экспериментальной фонетики (метод статического магнитно-резонансного томографирования, методика, принятая в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Надеяева Института филологии СО РАН). «Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка» стал результатом многолетних изысканий авторов и содержит детальное описание артикуляторных настроек гласных башкирского языка. Он включает разделы: «Метод и методика исследования», «Схемы речевого аппарата», «Транскрипцию», «Схему описания томограмм», «Структура подачи материала», «Артикуляторные настройки гласных» и Приложения. По соматическим данным авторами издано ранее уже три «Атласа артикуляций согласных звуков диалектов башкирского языка», которые имеют высокую научную ценность, так и безусловную практическую и социальную значимость. Благодаря простым томограммам и понятным томосхемам атлас можно использовать и для логопедических занятий, как пособие для изучения башкирского языка в начальной школе, обеспечивая развитие навыков звукового анализа и синтеза, зрительного восприятия, речи и мышления. Данный труд оценивается как уникальный источник сведений об артикуляционной и акустической характеристике гласных, получивший математическое и графическое выражение.

Ключевые слова: башкирский язык, фонетика, метод статического магнитно-резонансного томографирования, артикуляция, акустический анализ.

**REVIEW OF N.S. URTEGESHEV, L.K. ISHKILDINA, F.G. HISAMITDINOVA'S
COLLECTIVE WORK "THE ATLAS OF ARTICULATORY SETTINGS
OF VOWELS IN THE BASHKIR LANGUAGE".**

**Ufa: The Institute for History, Language, and Literature of the Ufa Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 298 pp.,
ISBN 978-5-91608-206-7**

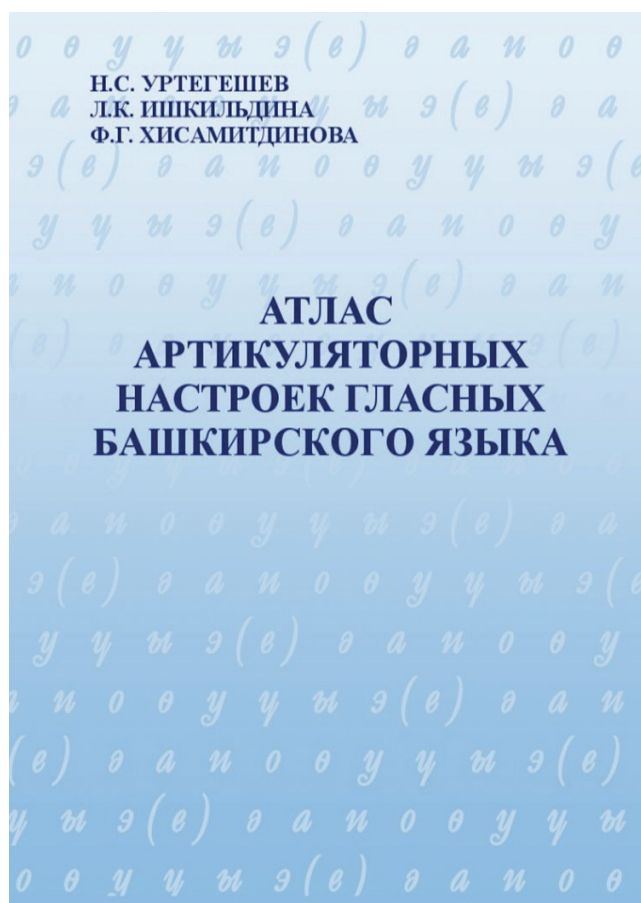
A. A. Dobrinina

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: dobrinina@philology.nsc.ru ; ORCID: 0000-0001-5841-4714

The article analyzes the content of collective scientific work "The Atlas of Articulatory Settings of Vowels in the Bashkir Language" (authors: Urtegeshev N. S., Ishkildina L. K., Hisamitdinova F. G.), published in 2021. This work was prepared on the basis of the application of methods of modern experimental phonetics (the method of static magnetic resonance

imaging, a technique adopted in V.M. Nadelyaev Laboratory of Experimental Phonetic Research of the Institute of Philology SB RAS). "The Atlas of Articulatory Settings of Vowels in the Bashkir Language" was the result of many years of research by the authors and contains the detailed description of articulatory settings of vowels in the Bashkir language. It includes sections: "Method and Methodology of Research", "Speech Apparatus Schemes", "Transcription", "Tomogram Description Scheme", "Material Presentation Structure", "Articulatory Vowel settings" and Appendices. According to somatic data, the authors have previously published three "Atlases of Articulations of Consonant Sounds in the Bashkir Dialects", which have high scientific value and unconditional practical and social significance. Thanks to simple tomograms and clear tomosystems, the Atlas can also be used for speech therapy classes, as a manual for learning the Bashkir language at elementary school, providing the development of a sound analysis and synthesis skills, visual perception, speech and thinking. This work, which has received a mathematical and graphical expression, is evaluated as a unique source of information about the articulatory and acoustic characteristics of vowels.

Keywords: Bashkir language, phonetics, static magnetic resonance imaging method, articulation, acoustic analysis.

Современная экспериментальная фонетика как совокупность исследовательских приемов, целью которых является как можно более точное изучение и описание фонетических процессов и явлений, характеризуется применением не только традиционных методов, но и ряда методов, появившихся сравнительно недавно, например, магнитно-резонансное томографирование. В рецензируемой работе использовался метод статического магнитно-резонансного томографирования, и показаны самые типичные артикуляции каждого звука в тщательном произношении. МРТ-съемка производилась по методике, разра-

ботанной в ЛЭФИ Института филологии СО РАН на оборудовании «Международного томографического центра» СО РАН. Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового и акустического анализа. Артикуляция гласных башкирского языка описана по методике, принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева Института филологии СО РАН.

«Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка», который подготовлен коллективом авторов – представителем Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) канд. филол. наук Н.С. Уртегешевым и сотрудниками Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН д-ром филол. наук Ф.Г. Хисамитдиновой и кандидатом филологических наук Л.К. Ишкильдиной, является результатом многолетней работы.

По соматическим данным авторами издано уже три «Атласа артикуляций согласных звуков диалектов башкирского языка» [2012; 2013; 2014], которые имеют как высокую научную ценность, так и безусловную практическую и социальную значимость. Благодаря простым томограммам и понятным томосхемам «Атлас...» можно использовать и для логопедических занятий, как пособие для изучения башкирского языка в начальной школе, обеспечивая развитие навыков звукового анализа и синтеза, зрительного восприятия, речи и мышления.

В данной работе впервые представлено детальное описание артикуляторных настроек гласных башкирского языка. «Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка» включает разделы: «Метод и методика исследования», «Схемы речевого аппарата», «Транскрипцию», «Схему описания томограмм», «Структура подачи материала», «Артикуляторные настройки

гласных» и Приложений. Во введении дается большой обзор работ по вокализму башкирского языка.

Составленный Николай Сергеевичем Уртегешевым, Фирдаус Гильмитдиновной Хисамитдиновой, Линарой Камиловной Ишкильдиной, фонетический атлас включает детальное описание основных речевых артикуляций гласных в рамках конкретной башкирской языковой системы. Томограммы и томосхемы репрезентируют все основные звукотипы, соотносимые с набором фонем в системе башкирского языка.

Материалы данного «Атласа артикуляторных настроек гласных башкирского языка» с артикуляционной и акустической характеристикой гласных, получившей математическое и графическое выражение, являются уникальным источником материала для исследователей. Атлас имеет большую научную и практическую значимость.

Литература

Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек соглас-

ных восточного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 103 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек южного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 108 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 113 с.

References

Hisamitdinova F.G., Urtegeshev N.S., Ishkildina L.K. Atlas artikulyarnykh nastroeek soglasnykh vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2012. 103 pp.

Hisamitdinova F.G., Urtegeshev N.S., Ishkildina L.K. Atlas artikulyatornykh nastroeek yuzhnogo dialekta bashkirskogo yazyka. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2013. 108 pp.

Hisamitdinova F.G., Urtegeshev N.S., Ishkildina L.K. Atlas artikulyatornykh nastroeek soglasnykh severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2014. 113 pp.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.52782/KRIL.2022.3.35.014

УДК 811.512.153

О РАБОТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «СОВРЕМЕННЫЙ ХАКАССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ», ПОСВЯЩЕННОГО 95-ЛЕТИЮ ИЗВЕСТНОГО ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ВЕНЕДИКТА ГРИГОРЬЕВИЧА КАРПОВА, ВНЕСШЕГО ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

П. Е. Белоглазов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: arshanovskiy@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0040-3566

В статье описывается работа межрегионального круглого стола по проблемам орфографии и формирования лексико-грамматического строя хакасского языка, посвященного известному хакасскому ученому, доктору филологических наук В.Г. Карпову. Научное мероприятие, приуроченное к 95-летию юбилею тюрколога, было организовано сектором языка ХакНИИЯЛИ. Целями мероприятия были: освещение вклада в хакасское языкознание, тюркологию и подготовку специалистов известного хакасского ученого, доктора филологических наук Венедикта Григорьевича Карпова, обсуждение проблем орфографии хакасского и других сибирских тюркских языков, вопросов этноязыкового образования коренных народов Сибири в условиях билингвизма. Направлениями работы круглого стола стали: научное наследие доктора филологических наук В.Г. Карпова в тюркологии и его роль в развитии хакасского языкознания и подготовке педагогических кадров; проблемы орфографии хакасского языка на современном этапе его развития, их отражение в этноязыковом образовании; проблемы преподавания языков коренных народов Сибири в условиях билингвизма. Доклады были посвящены как непосредственно жизни и деятельности ученого, так и его трудам, некоторые выступления касались проблем тюркских и алтайских языков. По результатам работы круглого стола принята резолюция с рекомендациями, направленными на увековечивание научного и педагогического вклада юбиляра в хакасское языкознание, мировую тюркологию и подготовку специалистов. В работе также содержится историческая справка о жизни и творчестве ученого.

Ключевые слова: научная жизнь, хакасский язык, хакасское языкознание, В. Г. Карпов, круглый стол.

ON THE WORK OF THE INTERREGIONAL ROUND TABLE “THE MODERN KHA Kass LANGUAGE: PROBLEMS OF SPELLING AND FORMATION OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL STRUCTURE”, DEDICATED TO THE 95TH ANNIVERSARY OF THE FAMOUS KHA Kass SCIENTIST, DOCTOR OF PHILOLOGY, VENEDIKT GRIGOREVICH KARPOV, WHO MADE A SIGNIFICANT CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF KHA Kass LINGUISTICS

P. Ye. Beloglazov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin str., Abakan, 655017, Russia; email: arshanovskiy@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0040-3566

The article describes the work of the Interregional Round Table on the Problems of Spelling and Formation of the Lexical and Grammatical Structure of the Khakass Language, dedicated to the famous Khakass scientist, Doctor of Philology, V. G. Karpov. The scientific event dedicated to the 95th anniversary of the Turkologist was organized by the Department of Language of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. The objectives of the event were as follows: coverage of the contribution to Khakass linguistics, Turkology, and training of specialists of the famous Khakass scientist, Doctor of Philology, Venedikt Grigorevich Karpov, discussion of the problems of spelling in Khakass and other Siberian Turkic languages, issues of ethno-linguistic education of the indigenous peoples of Siberia in the context of bilingualism. The focus areas of the Round Table were: the scientific heritage of Doctor of Philology V. G. Karpov in Turkology and his role in the development of Khakass linguistics and training of teaching staff; problems of Khakass orthography at the present stage of its development, their reflection in ethno-linguistic education; problems of teaching the languages of the indigenous peoples of Siberia in the context of bilingualism. The papers were devoted both directly to the life and work of the scientist and his works; some speeches concerned the problems of the Turkic and Altaic languages. According to the results of the Round Table, the Resolution was adopted with recommendations aimed at perpetuating the anniversary celebrant's scientific and pedagogical contribution to Khakass linguistics, world Turkology, and training of specialists. The work also contains historical information about the life and work of the scientist.

Keywords: scientific life, Khakass language, Khakass linguistics, V. G. Karpov, Round Table.

31 марта 2022 г. на базе ХакНИИЯЛИ состоялся межрегиональный круглый стол «Современный хакасский язык: проблемы орфографии и формирования лексико-грамматического строя», посвященный 95-летию со дня рождения известного ученого-тюрколога Венедикта Григорьевича Карпова (26.03.1927–15.07.2019).

Биографическая справка: Венедикт Григорьевич Карпов родился в 1927 г. в деревне Кедровка Чарышского района Алтайского края. Он был первым ребенком в многодетной крестьянской семье староверов. В 1932 г., избегая раскулачивания, Карповы переселились в Хакасию – аал Чиланы Таштыпского района. Они были единственной русской семьей в аале, и с детских лет будущий тюрколог разговаривал на хакасском языке, как на родном. Среднее профессиональное образование он получил, закончив в 1945 г. Абаканское педагогическое училище, после чего работал учителем хакасского языка и завучем в сельских школах Таштыпского района. С 1948 по 1952 г.

учился в Абаканском педагогическом институте. Затем Венедикт Григорьевич поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР и в 1955 г. успешно защитил диссертацию «Изъявительное наклонение в хакасском языке» с присуждением ученой степени кандидата филологических наук.

В 1955–1958 гг. Венедикт Григорьевич работал научным сотрудником сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ассистентом кафедры хакасского языка АГПИ. С 1958 г. его научная судьба и трудовая деятельность непосредственно связана с Абаканским госпединститутом. Он несколько раз становился заведующим кафедрой (хакасского и иностранных языков, русского и хакасского языков, хакасского языка и литературы), назначался деканом историко-филологического факультета, проректором по учебной работе, в 1975–1976 гг. был ректором АГПИ. С 1994 г. В.Г. Карпов – профессор кафедры хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. В 1995 г. в Институте языкознания РАН он представил научный доклад «Система глагола в современном хакасском языке», за который ему присудили ученую степень доктора филологических наук.

Венедикт Григорьевич воспитал несколько поколений хакасских филологов, стал автором многочисленных научных публикаций по хакасскому языку. За самоотверженную научно-педагогическую деятельность В.Г. Карпов неоднократно удостоен государственных наград, среди которых нагрудный знак «Отличник народного просвещения» (1963), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1993 г.), почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия» (1995), орден Дружбы (1998), нагрудный знак «Почетный работник выс-

шего профессионального образования России» (2003), медаль Правительства Республики Хакасия «Трудовая доблесть Хакасии» (2017) и др. Кроме того, В.Г. Карпов стал почетным доктором Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (2007), а также лауреатом государственной премии имени Н.Ф. Катанова Республики Хакасия «За выдающиеся заслуги в сфере гуманитарных исследований» (2011). До последнего дня жизни Венедикт Григорьевич Карпов вел занятия в университете, читал лекции студен-

там. Является автором многочисленных научных публикаций по хакасской филологии [Абдина, Кызласов, 2022, с. 6].

Мероприятие, в котором приняло участие более 30 человек, проходило в очно-заочном формате. Основными направлениями работы круглого стола стали следующие: научное наследие доктора филологических наук В.Г. Карпова в тюркологии и его роль в развитии хакасского языкознания и подготовке педагогических кадров; проблемы орфографии хакасского языка

на современном этапе его развития, их отражение в этноязыковом образовании; проблемы преподавания языков коренных народов Сибири в условиях билингвизма. Выступления были посвящены как непосредственно жизни и деятельности ученого, так и его трудам. Некоторые доклады касались проблем тюркских и алтайских языков.

И.Л. Кызласова (зав. кафедрой хакасской филологии, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан) выступила с докладом «Профессор Венедикт Григорьевич Карпов. К 95-летию со дня рождения», полно осветив жизненный путь и научно-педагогическую деятельность ученого-тюрколога. З.Е. Каскаракова (с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) посвятила юбиляру доклад, который назывался «В.Г. Карпов – ученый-тюрколог и педагог». Ш. Доган Балджи (ассистент преподавателя Института исследований тюркского мира Эгейского университета Республики Турция, г. Измир) в докладе «А.А. Кузнецова паза хакас ас-тамахтарынаңар материаллар» сделала обзор деятельности исследователя А.А. Кузнецовой и материалов о национальной еде хакасского народа. А.А. Добринина (с.н.с. сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск) посвятила свое выступление под названием «Алтайский язык: интонация вопроса» проблемам фонетики алтайского языка. И.Я. Селютина (проф., г.н.с. сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск) заинтересовала участников круглого стола своим основательным докладом «Национальные алфавиты и орфографические системы тюркских языков Южной Сибири: традиции и инновации».

А.С. Кызласов (в.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) сделал обзор предложений ученого В.Г. Карпова в области улучшения орфографических правил хакасского языка. Его доклад назывался «К вопросу совершенствования орфографии и литературных норм хакасского языка (по материалам работ

В.Г. Карпова)». Н.Ч. Серээдар (в.н.с. сектора языка ТИГПИ, г. Кызыл) в выступлении «Синонимия моделей в тувинском языке» рассмотрела отношения синонимии в сфере синтаксиса тувинского языка. А.Р. Тазранова (с.н.с. сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск) представила доклад «Форма суппозитива в алтайском и хакасском языках». А.Э. Чумакаев (зам. директора НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск) рассказал об итогах работы алтайских лингвистов по обновлению правил орфографии современного алтайского языка. К.В. Кичеева (с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) выступила с докладом «Вклад В.Г. Карпова в развитие системы индикатива хакасского языка». И.М. Чебочакова (зав. сектором языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) осветила типологические характеристики хакасского языка в трудах В.Г. Карпова. Р.П. Абдина (с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) осветила проблему лингвистической лакуарности в межкультурной коммуникации. П.Е. Белоглазов (с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан) представил доклад по теме «О трудных вопросах орфографии хакасского языка».

Все доклады вызвали интерес у слушателей, и после подведения итогов круглого стола единогласно была принята резолюция.

Литература

Абдина Р.П., Кызласов А.С. Саблыг ученайнын адын аарлап // Республиканская газета «Хакас чирі». №24. 08.04.2022. С. 6.

References

Abdina R.P., Kyzlasov A.S. Sablyg uchenainyn adyn aarlap // Respublikanskaya gazeta «Khakas chiri». №24. 08.04.2022. Pp. 6.

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 3 (35) 2022

Филология / Philology

Редактор *З. И. Султрекова*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Корректор *К. В. Кулумаева*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: +(3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 17.10.2022.
Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 11,25. Усл. печ. л. 10,46.
Тираж 300 экз. Заказ №417.
Дата выхода в свет 26.10.2022.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.